

ОГОНЁК
№ 40 СЕНТЯБРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сбор винограда в Дигомском виноградарском совхозе. Грузинская ССР.

Фото В. Джейранова.

На первой странице обложки: Китайская Народная Республика. У озера Сиху в Ханчжоу.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: По путевке комсомола на строительство Новосибирской ГЭС прибыла молодежь. Здесь вырос палаточный городок.

Фото А. Горячева.

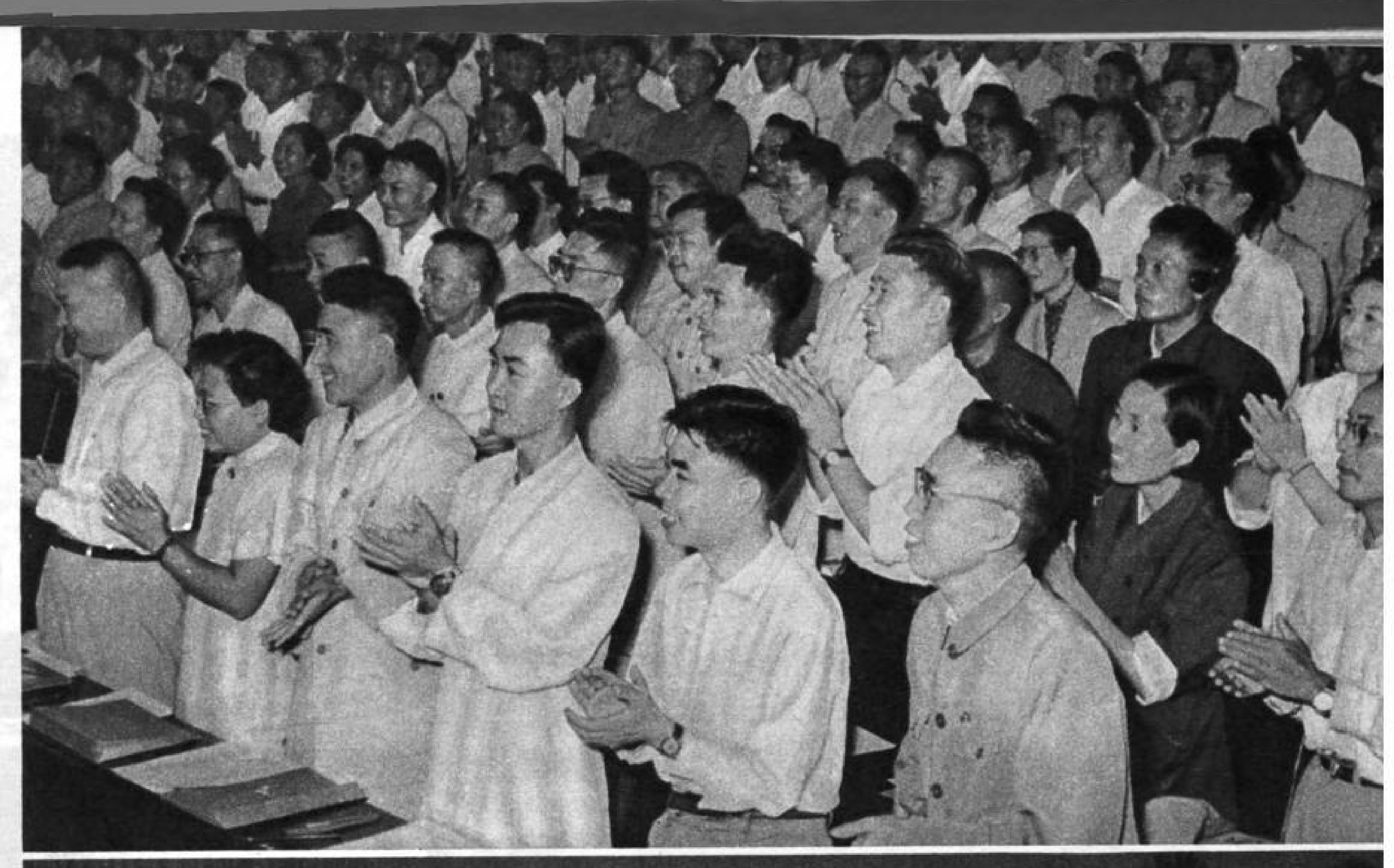
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 40 (1529)

30 СЕНТЯБРЯ 1956

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

VIII ВСЕКИТАЙСКИЙ СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

VIII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая обобщил опыт, накопленный за время, прошедшее с предыдущего съезда КПК, сплотил всю партию, все силы страны для борьбы за построение великого социалистического Китая.

Советские люди горячо желают братскому китайскому народу успехов в выполнении великих задач, поставленных перед ним Коммунистической партией Китая.

Фото агентства Синьхуа.

На фото сверху вниз:

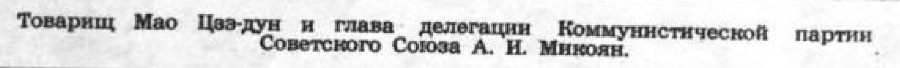
В зале заседаний съезда.

Делегация Коммунистической партии Советского Союза во время заседаний VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Справа налево: А. И. Микоян, Н. А. Мухитдинов, Б. Н. Пономарев, И. В. Капитонов, П. А. Сатюков, П. Ф. Юдин.

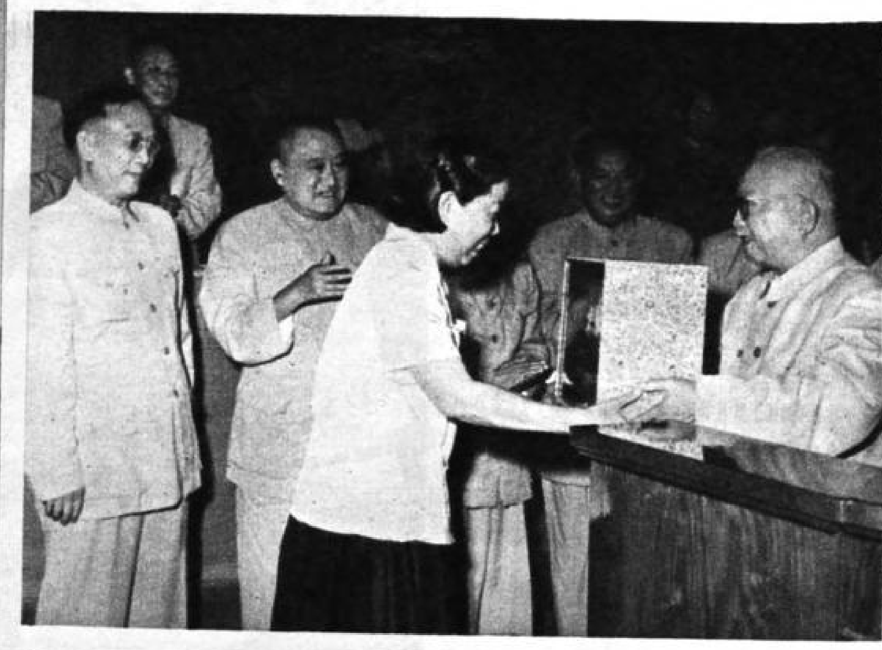
Глава делегации Монгольской народно-революционной партии, первый секретарь МНРП товарищ Д. Дамба (второй справа) преподнес знамя VIII Всекитайскому съезду КПК.

Товарищ Мао Цзэ-дун и глава делегации Коммунистической партии Советского Союза А. И. Микоян.

Представители демократических партий и беспартийных демократических деятелей Китая преподнесли подарок VIII съезду — вырезанное из слоновой кости изображение эпизода героической борьбы Красной армии Китая. На снимке (слева направо): Го Мо-жо, Хуан Янь-пэй, председательствовавшая на заседании съезда Дэн Ин-чао (принимает подарок) и Ли Цзи-шэнь.

→
Товарищ Мао Цзэ-дун беседует с первым секретарем Центрального правления Коммунистической партии Германии Максом Рейманом.

Этот снимок сделан в дни съезда на строительстве нового станкостроительного завода в пригороде Пекина. Только что принесли свежую газету с материалами съезда. Бригада монтажников прервала на несколько минут работу, чтобы узнать волнующие всех новости.

Фото Дм. Бальтерманца.

Международный семинар женщин

Из многих стран мира и от различных международных организаций приехали в Советский Союз участницы Международного семинара «Равноправие женщин в СССР». Для участниц семинара было сделано несколько докладов о положении и правах женщин в нашей стране. Зарубежные гости осмотрели в Москве детские учреждения, школы, родильные дома, познакомились с работой женщин — депутатов Моссовета, посетили предприятия. Затем участницы семинара совершили поездки по стране.

На снимке: участницы Международного семинара на выставке работ женщин-художниц в Москве. Слева направо: Мэри Моника Уэйтли (Англия), советская художница И. А. Жданю, Азиза Карар Мохаммед и Азиза Омар Салун (Судан).

Фото О. Кнорринга.

По приглашению МГУ

Профессор Лондонского университета Джон Бернал читает лекцию для студентов МГУ.

Фото Я. Берлинера.

— Для меня большая честь — получить звание почетного профессора Московского государственного университета. Я пока еще не совсем точно представляю, какие обязанности накладывает на меня это звание. Но если это значит, что я должен чаще приезжать сюда и читать здесь лекции, то я буду делать это с большим удовольствием.

Так сказал корреспонденту «Огонька» выдающийся английский ученый и общественный деятель Джон Бернал после того, как Ученый совет МГУ присудил ему звание почетного профессора.

Джон Бернал, гостивший в Москве по приглашению МГУ, недавно прочел цикл лекций для студентов университета. Многие студенты и аспиранты приходили к английскому профессору на консультации.

— Я всей душой приветствую начавшийся обмен преподавателями и студентами между МГУ и английскими университетами,— сказал Джон Бернал.— Надеюсь вскоре увидеть советских студентов в своей лаборатории. Считаю, что и моим студентам будет полезно побывать в лабораториях МГУ, познакомиться с достижениями советской науки. Они найдут здесь немало интересного для себя.

Я очень рад, что мои лекции были встречены так хорошо в Московском университете.

Лекции профессора Бернала высоко оценил академик А. И. Опарин.

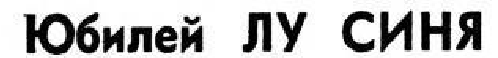
— Прочитанные лекции, особенно те, которые касались узкой специальности профессора Бернала — рентгеноструктурного анализа биологически важных соединений,— представляют большой интерес. Мы, биологи, отстаем здесь кое в чем. Поэтому нам было очень интересно узнать о методах исследования и результатах, полученных английским коллегой. В своих лекциях профессор Бернал дал ряд оригинальных идей, новых и порой неожиданных, которые будят мысль, заставляют по-новому взглянуть на научные проблемы. Вклад, который внес профессор Бернал в преподавание в университете, весьма ценен.

Профессор Бернал не единственный зарубежный ученый, который выступил со своими лекциями в МГУ. Для студентов экономического факультета профессор Лестерского университета Англии Хукхэм прочел несколько лекций по английской экономике. Профессор Лейпцигского университета Мейер читает лекции по германской литературе на филологическом факультете.

Теснее становятся связи студентов МГУ с зарубежными студентами. По приглашению МГУ в Москву приезжали английские, датские, итальянские студенты. Оксфордский университет пригласил в Англию группу студентов и преподавателей МГУ. Из Оксфорда приедет такая же группа с ответным визитом.

Студентка Кембриджского университета Анджела Хобс (слева) среди студентов МГУ.

Юбилей ЛУ СИНЯ

Советская общественность широко отметила 75-летие со дня рождения основоположника современной китайской литературы Лу Синя. К юбилею писателя Государственное издательство художественной литературы выпустило четырехтомное собрание сочинений Лу Синя. Во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы организована большая выставка фотоматериалов, рассказывающих о жизни и творчестве великого китайского писателя.

Кабинет Лу Синя в школе, где писатель преподавал в 1910 году естественную историю и биологию.

Индонезийские парламентарии

Члены индонезийской парламентской делегации в Ленинграде.

Фото В. Уткина.

В нашей стране находится прибывшая по приглашению Верховного Совета СССР парламентская делегация Республики Индонезии. Ее возглавляет председатель парламентской фракции Национальной партии Индонезии г-н Харди.

Гости «Огонька»

В редакции журнала «Огонек» побывал главный редактор югославской еженедельной газеты «НИН» (Недельне информативне новине) Стеван Майсторович, находящийся в Москве в связи с XII шахматной олимпиадой. В дружеской беседе товарищ Майсторович рассказал о своей газете, интересовался постановкой дела в редакции «Огонька» и возможностями для сотрудничества между «Огоньком» и газетой «НИН».

На снимке: Стеван Майсторович и первый секретарь посольства ФНРЮ в Москве товарищ Раиф Диздаревич в редакции «Огонька».

Общий вид 21-й Международной ярмарки в Салониках.

ЯРМАРКА В САЛОНИКАХ

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька».

Фото автора.

В Салоники в эти дни попасть трудно. Распроданы все билеты на самолеты, поезда и пароходы. Гостиницы в городе переполнены. Людской поток непрерывно движется к входу на 21-ю Международную ярмарку. Четырнадцать стран выставили здесь предметы своего экспорта.

Посетителей привлекают плоды труда греческого народа: хлопок, табак, оливки и цитрусовые, бокситы и руды, отличный текстиль. В павильонах стран народной демократии их поражают успехи, достигнутые за короткий период; люди толпятся вокруг различных машин, ранее не производившихся в этих странах, дают высокую оценку продуктам сельского хозяйства, товарам народного потребления.

С первого дня открытия ярмарки публика буквально валом валит в павильон СССР. Их интересует и электрооборудование, и текстильные машины, и холодильное и мельничное оборудование. Советские экскаваторы оказались лучшими на выставке. Проданы все выставленные в Салониках советские автомобили, мотоциклы, велосипеды, тракторы.

В Греции есть фирма «Карелас», торгующая разнообразными советскими товарами, начиная от тракторов и кончая икрой. Большим спросом пользуется трактор «Беларусь». В этом году на полях Греции работало 110 таких тракторов. Отовсюду поступают хорошие отзывы. В следующем году фирма намерена продать еще 250 тракторов этой марки.

Велик спрос на наши хлопчатобумажные ткани, фотоаппараты, фарфор, стекло, шарикоподшипники, полиграфические машины.

...Подъезжает на «Победе» крупный торговец табаком.

— Моя «Победа» ходит два с половиной года без ремонта,— говорит он.

— А я хочу купить новый «Москвич»,— перебивает его владелец «Москвича» старой модели.

Но самый замечательный «экспонат» в советском павильоне — книга отзывов. Читая эту книгу, чувствуешь, сколько у нас друзей, как велики симпатии греческого народа к нашей стране. Вот некоторые из записей:

«То, во что я никогда не переставал верить, я увидел здесь».

«Павильон ваш прекрасен. Мы, жители Кипра, любим вас потому, что вы нам симпатизируете».

«Я вас очень люблю. Васо».

«Павильон СССР выразителен, интересен и отличается высоким качеством экспонатов. Пусть великий народ России будет другом и союзником нашей маленькой родины, у которой такая большая история и которую мы так любим. Пусть! И. Хадзидакис, профессор химии».

В книге есть записи, которые вызывают отклики все новых и новых посетителей. Вот одна из таких записей:

«Смотрите, в будущем году будьте лучше! Америка в некоторых вещах перегоняет вас. Эльпида».

Тут же несколько строк, написанных другим посетителем:

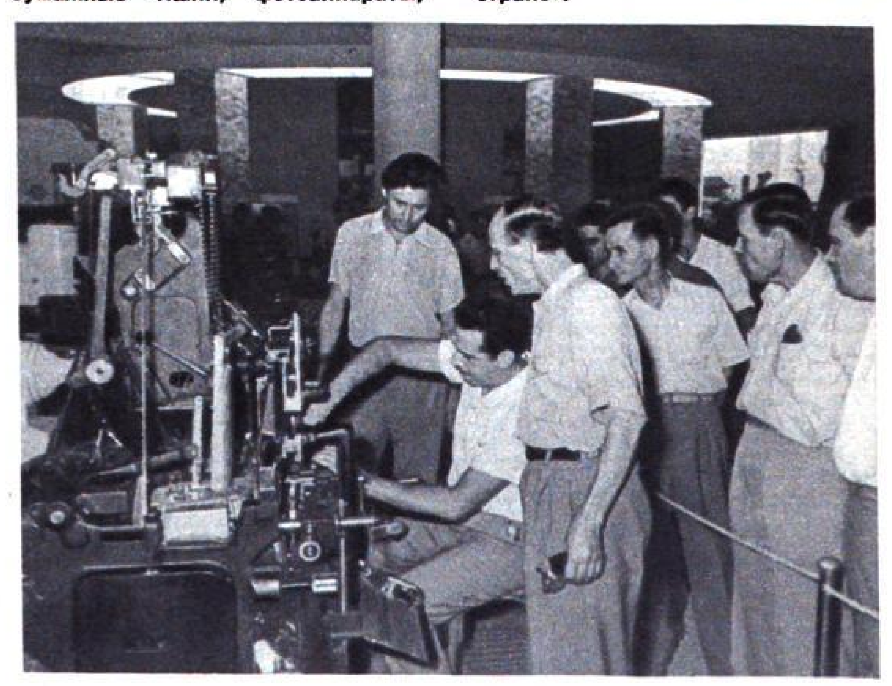
«В чем американцы их перегоняют? В мороженом или в манекенах?»

А вот последняя запись в книге отзывов:

«Советский павильон — громкая песня миру».

В Греции от самых разных людей слышишь одни и те же слова: надо развивать советско-греческую торговлю. Об этом говорят крестьяне Пелопоннеса, рабочие Пирея, деловые люди Афин. В связи с приездом в Грецию министра торговли СССР Д. В. Павлова газета «Эллиникос Воррос» писала: «Советский Союз проявляет интерес и желание развивать теснейшие экономические связи с Грецией, которая жаждет рынков для сбыта своих товаров. Если Павлов и приехавшие с ним специалисты прибыли, чтобы открыть дверь для тесных экономических связей, Греция должна воспользоваться этой возможностью, и это принесет пользу стране».

Павильон Греции.

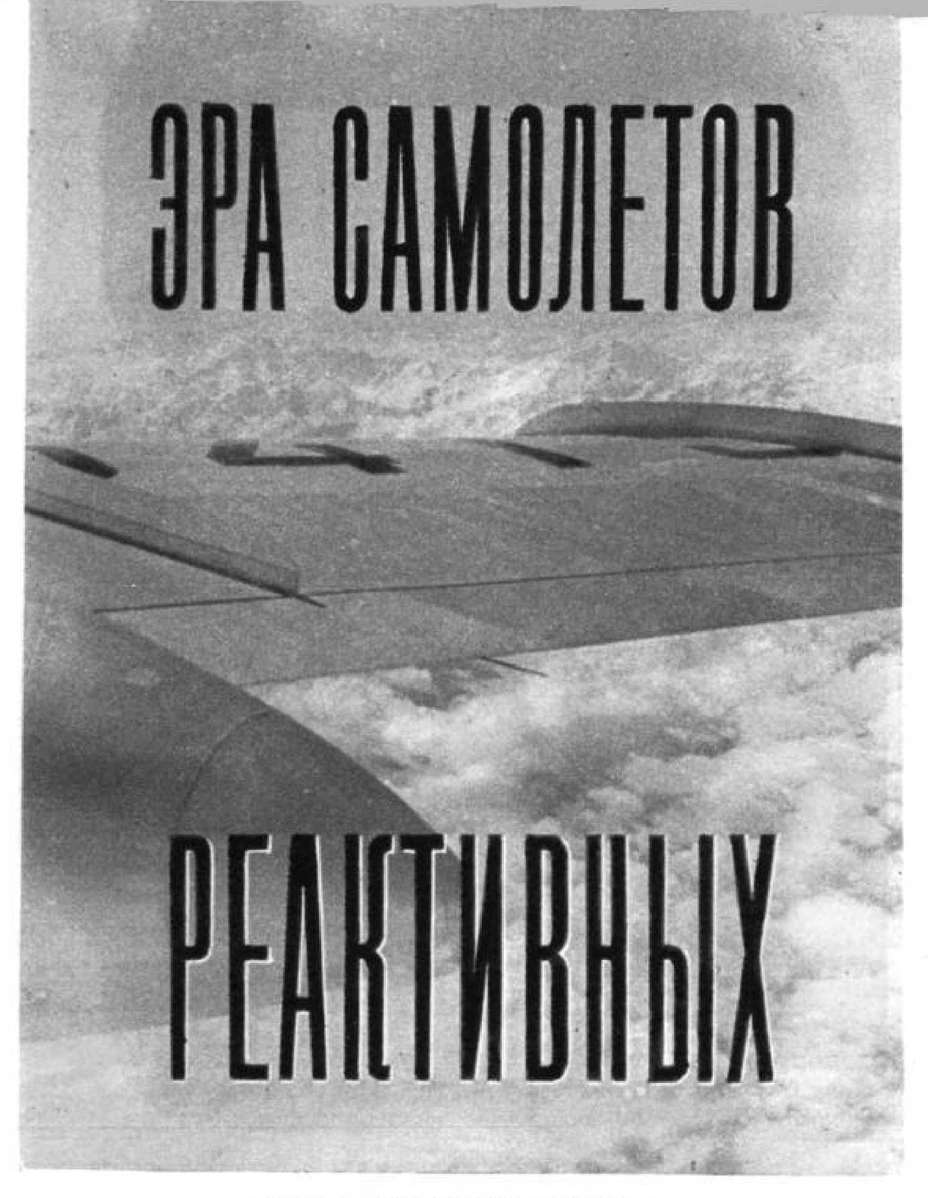
Посетители заинтересовались советским линотипом.

Павильон СССР.

До позднего вечера на ярмарке толпится народ.

ЭРА САМОЛЕТОВ РЕАКТИВНЫХ

«ТУ-104» над Кавказским хребтом.

Е. РЯБЧИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

В мировой печати появилось множество сообщений о стремительных и дальних полетах советских реактивных воздушных кораблей «ТУ-104». Их видели в Лондоне и Пекине, в Праге и Варшаве, в Будапеште, Копенгагене, Бухаресте; они совершили большие рейсы по Советской стране — в Иркутск, Хабаровск, во Владивосток.

В кассовом зале Аэрофлота теперь можно купить билеты на «ТУ-104», отправляющиеся в Сибирь, а на днях появилось объявление: «Продажа билетов на «ТУ-104» Москва — Тбилиси».

Первый рейс на Кавказ состоялся неделю назад. На бетонных плитах перрона Внуковского аэропорта красовался на массивных колесах корабль небесных просторов — огромный, со стреловидными ребристыми крыльями, являющий собой и новь авиационной техники и произведение искусства, «ТУ-104» казался прекрасной скульптурой из металла и стекла.

Пассажиры, направившиеся к реактивному самолету, сразу почувствовали его размеры, едва приблизились к винтовому трапу. Подняться по этой лестнице — все равно, что взойти на второй этаж дома.

Посадка окончена. Двери герметически плотно закрыты. Запускаются двигатели. Что-то похожее на вздох, на глухой выхлоп нарушает покой. Воздушный корабль оживает. За бортами к гулу присоединяется звон и тонкое жужжание турбин.

Если вы пройдете в носовую часть самолета, откроете тяжелую дверь, то увидите «святая святых» реактивного корабля — кабину пилотов. Здесь, кажется, все заполнено приборами — их сотни. Около двери, справа, сидит радист Андрей Федоров, он внимательно вслушивается в распоряжения московского диспетчера. Напротив радиста находится борт-инженер Павел Москалев. Я не оговорился: не борт-механик, а борт-инженер! Новое наименование должности объясняет огромные и принципиальные перемены в авиационной технике: «хозяйство» самолета стало так сложно, в его кабине появилось так много приборов и аппаратов, что их не в состоянии обслуживать обычный борт-механик, нужен инженер.

В высоких креслах удобно расположились водители самолета: справа — командир корабля Виктор Филонов, слева — пилот Василий Цыганков, в самом носу остекленной кабины сидит штурман Сергей Лукашин. Все члены экипажа озабоченно поглядывают на стрелки приборов, вслушиваются в гул и рокот двигателей, вчитываются в карты, принимают радиосообщения от командования линии Москва — Тбилиси.

Воздушный корабль рулит по бетонным дорожкам, выходит на широкую взлетную полосу и останавливается. Кажется, турбины набирают сил, готовясь к прыжку в небо. Наконец «ракета» срывается с места. Тяжелые колесные тележки мчатся по бетону. Какой броский, разящий взлет, какая скорость, какой взмыв в небо!

Сквозь круглые стекла иллюминаторов видно, как специальные механизмы поднимают тележки, опрокидывают их и в перевернутом виде вкладывают в длинные сигарообразные гондолы: в их нижней части открываются серебристые створки люков, и в них убираются колеса. Створки смыкаются. По желтеющим полям Подмосковья, мелькая, скользит стреловидная тень «ТУ-104».

Стрелка высотомера, установленного в пассажирском салоне, бежит по циферблату: 1 000—2 000—5 000—8 000 метров.

В репродукторах раздается мягкий голос борт-проводницы Аллы Маклаковой; она рассказывает о трассе полета, о времени прибытия в Тбилиси, о правилах поведения пассажиров.

— Температура наружного воздуха — минус пятьдесят три градуса,— слышится ее голос.— Высота полета — десять тысяч метров.

Борт-проводницы Алла Маклакова, Полина Колесникова и Тамара Макурова входят в салоны с белыми пластмассовыми подносиками: пассажирам подается завтрак. В целлофановых конвертах упакованы ножи и вилки, ломтики аппетитного хлеба, яблоки, салфетки, в бокалах золотится виноградный сок, на тарелках брызжут горячим соком бифштексы.

Повар Сергей Иванович Романов, много лет поработавший в лучших ресторанах Москвы, сегодня совершает свой первый воздушный рейс; в его распоряжении — электрическая кухня, горячая и холодная вода.

Самолет пролетел Ростов. За плотным слоем облаков открылись громады Кавказа. Двугорбый Эльбрус прорвал обледенелыми вершинами слепящие облака, а за ним гордо и властно поднялся Казбек.

Пассажиры играют в шахматы, читают газеты, беседуют. Удивительна устойчивость самолета: за время завтрака не шелохнулся в стаканах чай; в авторучках не протекло ни капли чернил, хотя обычно на высоте они нещадно портят карманы. Герметическая кабина позволяет пассажирам, летящим в субстратосфере, чувствовать себя хорошо: они курят, ходят, не замечая ни усталости, ни головокружения, ни кислородного голодания, ни качки.

Стрелка высотомера раскручивается обратно: высота уменьшается — 10 000 — 5 000 — 2 000 метров. Видна зелень долины Куры. Описав несколько кругов над столицей Грузии, «ТУ-104» идет на посадку. Тысячные толпы встречают реактивный лайнер.

Через 2 часа самолет отправляется в обратный путь.

На высоте в 11 тысяч метров в салоне воздушного корабля начинается беседа с корреспондентами. Заместитель начальника Аэрофлота Никита Алексеевич Захаров отвечает на вопросы журналистов московских, грузинских и болгарских газет. Он рассказал, что восемнадцать лет назад впервые были доставлены пассажиры из Москвы в Тбилиси и обратно за 12 часов 30 минут. Теперь такой же путь занимает немногим более четырех часов.

Н. А. Захаров говорит, что Аэрофлот открывает несколько «реактивных линий». Для этого переоборудуются аэродромы, создаются новые аэропорты, перестраивается метеорологическое обслуживание. Новые машины входят в быт гражданской авиации. В этом году, например, «ТУ-104» предстоит перевезти сотни советских спортсменов через высочайшие горы Азии в Рангун, откуда иностранные самолеты доставят их в Австралию, в Мельбурн, на Олимпийские игры.

— Под руководством партии и правительства бурно развивается наша гражданская авиация, создаются новые реактивные пассажирские самолеты, способные перевозить по 180 пассажиров. Мы получим первоклассные воздушные корабли конструкции А. Туполева, С. Ильюшина, О. Антонова и других мастеров самолетостроения. Если сейчас тысячи советских людей тратят много времени на поездки в поездах дальнего следования, то не за горами время, когда все города Советского Союза станут своеобразными «пригородами» Москвы: за одни сутки можно будет слетать в столицу, сделать все необходимое и в тот же день вернуться обратно. Кроме того, наши самолеты смогут без посадок летать за океан в Нью-Йорк, через горы и пустыни в Дели, Каир, в Пекин. Следует сказать,— замечает Н. А. Захаров,— что мы принимаем меры к снижению стоимости билетов, и полеты по стране будут доступны многим.

...«ТУ-104» — вестник поразительных перемен в гражданской авиации. Явью становится мечта К. Циолковского о том, что на смену эре самолетов винтовых наступит эра самолетов реактивных.

На кухне воздушного корабля (слева направо) повар С. Романов, борт-проводницы П. Колесникова и А. Маклакова.

Высота 11 тысяч метров. Заместитель начальника Аэрофлота Н. А. Захаров проводит по просьбе корреспондентов пресс-конференцию.

ЧЕРЕНКОВЫ ИЗ ЧУГУНОЛИТЕЙНОГО

ХТЗ — 25 лет

В. ШУМОВ

В октябре этого года Харьковскому тракторному заводу исполняется двадцать пять лет. Много кадровых тракторостроителей начинали свой путь в тридцатых годах. К ним относится и Черенков с восьмого конвейера чугунолитейного цеха. Начальник пролета формовки Сергей Иванович Гайдар на наш вопрос, как разыскать Черенкова, ответил почти загадкой: Черенковых в цехе муж с женой, да еще муж с женой, да отец с сыном, да мать с дочерью, да брат с сестрой, а всего пятеро... Кто из Черенковых нужен? Тут же выяснилось, что в эту смену работает только дочь — Александра Ермиловна. Глава этой рабочей династии Ермил Михайлович Черенков и его супруга Евдокия Акимовна выйдут на вечернюю смену, а сын, ныне известный формовщик, Иван Ермилович Черенков с женой Пелагеей Прокофьевной, тоже формовщицей, находятся в отпуске.

— На моем пролете полная семейственность,— шутит Сергей Иванович.— Черенковы, Маяцкие, Апухтины. Если муж собрался в отпуск, так и жену отпускать надо.

Александра Ермиловна, повязанная платочком до бровей, запорошенная черной пылью, просеивает на конусных ситах формовочную землю. В этом отделении за час обрабатывается более ста кубометров сыпучей земли.

— Руки не подаю, замараю,— улыбнулась она и сказала, что отца, пожалуй, можно застать дома. Адрес: ХТЗ-22, квартира 59.

Вышло так, что дома мы увидели всех Черенковых. Глава семьи Ермил Михайлович, усатый, с седым чубом, сидел за столом рядом с сыном, который приехал на несколько дней из села, где отдыхал у родных жены. Приехал он на отчетно-выборное цеховое партийное собрание: ему, партгруппоргу, обязательно надо быть.

— О чем разговор? Обсуждаем разные новости. Нахожусь в отпуске, а мыслями на заводе,— сказал Черенков-младший.— Как будем отмечать двадцатипятилетие ХТЗ? Батько, считайте, четверть века тут, да я с тридцать шестого года, да наши женщины в общей сложности годиков примерно около двадцати вложили, так что отмечать придется.

— На пустом месте начинали,— вставил старший Черенков.— Я, можно сказать, первые камни клал, а как стройку закончили, определился в чугунолитейный, да за делом и не заметил, как на седьмой десяток потянуло. — Старик искоса глянул на сына.— Теперь вот с него спрос, а наше дело подсобное!

— За семью краснеть не приходится,— отшутился Иван Ермилович.— И сами не отстаем, и кадры подрастают.

«Кадры» — Толя и Вова — въехали в комнату на велосипедах. Будущие тракторостроители — любимцы бабушки и дедушки.

Иван Ермилович Черенков работает отлично. Его показатели не раз записывали в книгу рекордов цеха. Формовочная машина только уплотняет земляную массу, а остальное делается руками. Черенков дает за смену четыреста форм, а каждая весит до трех пудов, так что через его руки в течение рабочего дня проходят десятки тонн продукции. Труд не легкий, безостановочный.

— Ездил я в Ростов, смотрел механизированную формовку, да нам она не подходит: там детали мельче,— рассказывает Черенков-сын. — В будущем надеемся и у себя кое-что сообразить, чтобы вперед двинуться.

Минувшей зимой в Киеве делегатам XIX съезда КП Украины был продемонстрирован экспериментальный трактор «ХТЗ-20». Новая машина снабжена гидравлической системой, позволяющей управлять навесными орудиями, например, плугом, без прицепщика. При помощи гидравлики и выносных гидравлических цилиндров тракторист распоряжается машинами и орудиями, которые могут размещаться впереди, с боков и сзади трактора.

В экспериментальном тракторе много конструктивных новшеств, повышающих его экономичность и срок службы. Конструкторы сделали различные усовершенствования, облегчающие работу тракториста. «ХТЗ-20» имеет герметически закрытую кабину, оборудованную приборами для отопления зимой и для вентиляции в жаркое летнее время.

— Какова судьба экспериментального трактора?

Главный конструктор завода Б. П. Кашуба, с которым мы беседуем, отвечает, что трактор проходит заводские испытания и доводку, после чего будет передан на государственные испытания.

— Что еще нового у конструкторов?

— Конструкторское бюро ведет интересную работу по созданию совсем маленького гусеничного трактора, мощностью в 16 лошадиных сил. Ширина его будет всего 900 миллиметров. Такой трактор пригодится для обработки виноградников, садов, лесопитомников. Можете указать, что мы модернизируем выпускаемый заводом трактор «ДТ-54»: снабдим его гидравлической системой. Гидравлика в тракторах и навесных орудиях высвободит огромную армию прицепщиков — в несколько сот тысяч человек.

Тракторы перед отправкой.

Фото Я. Табаровского.

Д. Д. ШОСТАКОВИЧ.

Выдающийся композитор

24 сентября в Большом зале Московской консерватории композиторы, музыканты, ученые, писатели, артисты, широкая общественность Москвы, а также гастролирующие в столице зарубежные артисты и музыканты тепло отметили 50-летие со дня рождения выдающегося советского композитора Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

Все было хорошо на этом вечере: и взволнованный, смущающийся больше, чем обычно, юбиляр, и радостные лица его друзей, и чудесный концерт из его произведений. По-новому, очень свежо и ярко прозвучала Пятая симфония Шостаковича в исполнении Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио, которым темпераментно и увлеченно дирижировал А. Гаук.

А потом, когда был оглашен Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Д. Д. Шостаковича орденом Ленина за большие заслуги в развитии советского музыкального искусства, зал, стоя, долго и искренне аплодировал и этому событию и юбиляру.

В своих думах о Шостаковиче я давно пришел к мысли, что он один из самых правдивых и честных художников нашего времени. Отражает ли он мир личных переживаний, обращается ли к явлениям общественного порядка,— всюду видна эта присущая его творчеству черта. Не потому ли его музыка с такой силой воздействует на слушателя, заражая даже тех, кто внутренне ей противится? Нередко приходится слышать упреки, порою гневные, в адрес композитора за остроту средств, применяемых им в своих творениях. Но если эти средства применены для передачи моральных уродств капитализма, для обличения зла, пороков, каких еще немало, они неизменно оказываются художественно убедительными.

Гуманизм Шостаковича органически вытекает из его протеста против всякого зла, насилия, всяческой неправды. Силам войны, которые с такой рельефностью показаны автором в его Седьмой, Восьмой, Девятой симфониях, он находит нужный художественный противовес — в образах светлых, чистых, незатуманенных, человечных.

В широком смысле борьба Шостаковича есть борьба за человека, что и составляет сущность его гуманистической драматургии. Как ни условен мир инструментальной музыки в сравнении с конкретными картинами, отображаемыми в оперном или драматическом искусстве, талант автора заставляет нас верить в реальность тех острейших коллизий, которые он разрабатывает в своих партитурах. В этом отношении он является прямым наследником классического русского искусства, будь то музыка, драма, живопись или роман.

В цепи симфоний Шостаковича, начиная с Пятой и кончая Десятой, большие события нашего времени проходят сквозь призму личного мира композитора. И таким образом Шостакович становится как бы историографом, далеко притом не бесстрастным, событий, протекших на его глазах. Мне кажется, что именно это и привлекает широкие массы не только у нас, но и за рубежом к творчеству нашего выдающегося современника.

Творческая биография Шостаковича необычна по неожиданным поворотам судьбы этого художника. Духовные силы и творческий гений композитора помогли ему преодолеть горечь поражений и предостерегли его от ненужного прекраснодушия.

Мы, его друзья, его современники, горячо верим в то, что завидный дар композитора будет еще долгие годы приносить художественные радости нам и далеким потомкам.

Ю. ШАПОРИН,
народный артист СССР.

Каору ЯСУИ,

профессор международного права, генеральный секретарь Национального совета борьбы за запрещение атомного и водородного оружия, член Всемирного совета мира

Близилась одиннадцатая годовщина атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. По сложившейся традиции, в августе 1956 года в Токио и Нагасаки состоялась 2-я Международная конференция за запрещение атомного и водородного оружия. В работе конференции приняло участие много делегатов из различных стран мира, большая делегация прибыла из Советского Союза. Я был очень рад возможности передать со страниц «Огонька» дорогому советскому народу свои сердечные приветствия и коротко рассказать о движении японского народа за запрещение атомной и водородной бомб.

Одиннадцать лет тому назад японцы пережили неизмеримые страдания и горе, когда атомные бомбы были сброшены на Хиросиму и Нагасаки. Наш народ преисполнился гневом на тех правителей США, которые применили это зверское оружие массового уничтожения. Однако поражение в войне и оккупационный режим вынуждали японский народ молчать. Выпущенное в 1950 году Стокгольмское Обращение Всемирного совета мира о запрещении атомной бомбы всколыхнуло общественное мнение Японии. Потом последовали американские испытания водородной бомбы на острове Бикини — это было 1 марта 1954 года,— и нам снова пришлось понести тяжелые потери. Тогда гнев японского народа вспыхнул с новой силой. Поток, который сдерживали долгое время, прорвал плотину и устремился вперед. Создались условия для широкого движения за запрещение атомной и водородной бомб.

Оно началось как всенародное движение по сбору подписей. Количество подписавших уже к октябрю 1954 года превысило 10 миллионов, в декабре число это перевалило за 20 миллионов, а к августу 1955 года — за 30 миллионов человек. Во время наших заседаний была оглашена точная цифра: 33 556 308.

Эта цифра как нельзя лучше говорит об огромном размахе движения. В нем участвуют различные слои народа, люди прогрессивных и консервативных взглядов, люди разных партий, религиозных верований и общественных идеалов. К движению с охотой примкнули домохозяйки, матери, которые в Японии раньше никогда не участвовали в движениях подобного рода.

В начале 1955 года мир облетело Венское обращение Всемирного совета мира. Это был не просто призыв к запрещению атомного и водородного оружия: оно воспринималось как обращение против подготовки атомной войны. Народы всего мира поддержали Венское обращение, и количество подписей под ним приблизилось к 700 миллионам. Успеху движения способствовало самое активное участие в нем советского и китайского народов.

Мы от всего сердца рады такому замечательному развитию. Но надо ясно понять, что сбор подписей не самоцель. Сейчас движение переходит к новому этапу. Сила общественного мнения должна содействовать повороту современной международной политики на путь запрещения атомной и водородной бомб.

В Японии 33 миллиона подписей стали силой, которая уже заставила осуществить поворот в политике. Считаясь с голосом народа, парламент — и нижняя и верхняя палаты его — единодушно одобрил требование о запрещении испытаний атомной и водородной бомб. Политика японского правительства сейчас еще недостаточно активна в этом отношении, однако уже не делается открытых заявлений о сотрудничестве с Америкой в испытаниях атомной и водородной бомб, как это делали и премьер-министр и министр иностранных дел во времена кабинета Иосида.

Сессия Верховного Совета СССР поддержала резолюцию японского парламента. Верховный Совет с удовлетворением отметил единство взглядов народов Советского Союза и народа Японии по вопросу о запрещении атомного и водородного оружия и прекращении испытаний термоядерного оружия и выразил надежду, что позиция Советского Союза и Японии в этом благородном деле будет активно поддержана парламентами других государств.

Близится время, когда и Соединенные Штаты, где определенные круги настойчиво ратуют за продолжение испытаний атомной и водородной бомб в районе Тихого океана, должны будут наконец пересмотреть свою позицию в этом вопросе. В пользу такого пересмотра раздается все больше голосов из среды американского народа. Доктор международного права Эммануил Марголис заявил: «Только немедленное прекращение испытаний на Тихом океане, которое противоречит международному праву и правилам гуманности, обеспечит доверие и авторитет Америке в глазах мировой общественности». Мы хотим надеяться, что усилиями миролюбивого американского народа будет изменена политика американского правительства в вопросе об атомном и водородном оружии и в связанном с этим вопросе о разоружении.

На сессии Всемирного совета мира, состоявшейся в Хельсинки в июле 1955 года, было решено, что день 6 августа будет отмечаться ежегодно как «международный день действий в защиту мира». Таким образом, день, когда была сброшена атомная бомба на Хиросиму, стал датой, которую отмечают во всем мире. Очень важно то, что это день борьбы не только против атомной войны, но и за всеобщее разоружение.

Во 2-й Международной конференции за запрещение атомного и водородного оружия, помимо представителей различных стран, приняло участие около двадцати тысяч человек, представителей народных масс Японии. Было принято Токийское обращение.

Три дня конференция происходила в Нагасаки. Здесь тоже участвовало около трех тысяч представителей японского народа. Помимо того, что были обсуждены основные вопросы повестки дня, серьезному обсуждению подвергся вопрос об острове Окинава, который является сейчас важной американской базой атомных и водородных бомб. Были приняты Нагасакская декларация и семь резолюций, которые сейчас широко опубликованы. Эти декларации и резолюции ясно указали путь, по которому должно дальше развиваться наше движение.

Вторая Международная конференция была не правительственной, а народной конференцией. Но ряд видных руководителей разных стран, в том числе председатель Совета Министров Советского Союза Булганин, премьер-министр Индии Неру и другие, поддержали эту конференцию и прислали теплые приветствия. Особенно вдохновило нас, японцев, приветствие премьер-министра Булганина, сделанное от имени великой державы, которая располагает атомным и водородным оружием.

В прошлом мы явились жертвами оружия массового уничтожения. Теперь мы требуем его запрещения. Но мы не должны также забывать о помощи пострадавшим. Хиросимская декларация, принятая на 1-й Международной конференции в августе 1955 года, обратилась ко всему миру с призывом помочь пострадавшим от атомной и водородной бомб. Из разных стран мира и из всех уголков Японии была протянута теплая рука помощи. Советский комитет защиты мира от имени советского народа прислал для оказания помощи 80 тысяч рублей. Не только пострадавших, но и широчайшие круги японского народа это глубоко растрогало. В основном поступившие средства были использованы на лечение пострадавших, а часть израсходована на выпуск документального фильма, который рассказывает о жизни пострадавших. Название фильма — «Хорошо, что мы остались в живых». Одна женщина, испытавшая на себе атомную бомбежку в Хиросиме, произнесла эти слова, и они были взяты для названия документального фильма.

Каору ЯСУИ.

Жизнь пострадавших от атомной и водородной бомб полна горя и трагизма. Недавно одна женщина, пострадавшая от атомной бомбежки в Нагасаки, потеряла веру в жизнь и наложила на себя руки. Я посетил ее дом и долго, пристально смотрел на покойную. С болью в душе я почувствовал, что наше движение еще не в состоянии приостановить подобные трагические случаи. Мы должны действовать так, чтобы все пострадавшие от атомной и водородной бомб могли твердо сказать: «Хорошо, что мы остались в живых».

В заключение хочу добавить следующее. Наш японский народ, настойчиво требуя запрещения атомной и водородной бомб и выступая против их испытания и применения, в то же время не забывает об ответственности Японии за войну на Тихом океане.

Японский народ ясно отдает себе отчет в том, что, ведя эту войну, японский милитаризм принес неисчислимые бедствия и горе китайскому и другим народам Азии. Японский народ и сам понес из-за этой войны большие жертвы, испытал большое горе, которое нельзя описать словами. Благодаря этому горькому опыту взгляды японского народа на войну и милитаризм начали меняться в корне. Это незримая революция, но значение ее велико. Люди серьезно стали думать о том, что для счастья и жизни будущего поколения надо преградить дорогу новой войне. Именно эти настроения являются основой японского движения за мир.

Наш японский народ от всего сердца желает смягчения напряженности в Азии и упрочения мира во всем мире. Для этого прежде всего необходимо восстановить нормальные дипломатические отношения между Японией и Советским Союзом. Участие советской делегации во 2-й Международной конференции по запрещению атомного и водородного оружия было удобным случаем для обмена мнениями, для углубления взаимопонимания. Мы будем счастливы, если это послужит дальнейшему развитию дружественных отношений между обоими народами.

Токио, 1956 год.

Из «Осенней тетради»

Сергей ВАСИЛЬЕВ

29 ЛЕТ НАЗАД

Это было, это было
двадцать девять лет назад.
Память точно сохранила
мокрый поздний листопад,
топот амовского[1] грома
по булыжной мостовой
и лоточниц Моссельпрома,
завладевших всей Москвой;
низких туч суровый полог,
и людской водоворот,
и согбенных богомолок
возле Иверских ворот.
По Тверской еще, бывало,—
нэпачи на лихачах...
А меня лишь волновала
мысль о собственных харчах.
Был тогда я дюже тощ
меж другими шкетами
и, крича в сентябрьский дождь,
торговал газетами.
— Лотерея Автодора!
Проверяй и получай!
— Балерина Айседора
отправляется в Китай!
— В Тегеран летит Чичерин!
— В новом фильме Гарри Пиль!
— Продается сивый мерин,
сильный, как автомобиль!
Эта громкая реклама
пестрых фактов из газет
мне давала, скажем прямо,
заработать на обед.
Это было, это было
двадцать девять лет назад.
Время четко, как зубило,
мне на память зарубило
вехи давних горьких дат.
Что ж поделаешь, стареем.
Не стареет лишь хорей,
и поэтому с хореем
дело движется быстрей.
Как сейчас, отлично помню
(этот вечер мне запал
прямо в сердце!): повезло мне —
в руки Шолохов попал.
Взял я книжку-невеличку
и хоть вымок и продрог,
но от первой же странички
оторвать глаза не мог.
Весь квартал вокруг облазав,
выбрал я сухой подъезд
и все шесть «Донских рассказов»
прочитал в один присест.
Вторгся в душу мне зеленый
аромат донских степей,
покорили волны Дона —
хоть черпай в ладонь и пей!
Верьте мне или не верьте,
с той поры на вечный срок
в душу врос до самой смерти
добрый шолоховский слог.
Как забудешь ту страницу,
где вдруг встали пред тобой
эти судьбы, эти лица
над рекою голубой!
Этот месяц, как подпасок,
попадающий в пейзаж!
Все свои запасы красок
за донскую ширь отдашь!
А кудель степного дыма
от костра в ночной тиши!
Как все подлинно, как зримо,
как понятно для души!
Или звезды над стожаром
в блеске лунного гнезда!
Нет, недаром, нет, недаром
свет влюбился навсегда
в тихий Дон с его полынью,
и в покосы, и в жнивье,
и в красавицу Аксинью,
и в Григория ее!
Сколько раз, читая снова,
перечитывая вновь,
я мечтал постичь основу
властных шолоховских слов!
В самом деле, где тут тайна
кисти, тонкого резца!
Как же так необычайно
слово трогает сердца!
В чем секрет!
Ни водопада,
ни роскошных райских птах.
Только вброд коровье стадо,
да и то репей в хвостах.
Только поле в курослепе.
Но готов свести с ума
шелест шолоховской степи,
уводящей в терема
разнотравного цветенья
по тропинке луговой,
в мир такого откровенья,
что под стать любви самой!
Мак вблизи иль подорожник,—
как искусный полевод,
знает вдумчивый художник,
чем он дышит, как живет.
Хвощ ли с жалким опереньем,—
видит Шолохов его
молодым, завидным зреньем,
раскрывая естество
неприметливого стебля
(мал ли он или велик),
видит ясно, словно в землю
на семь сажен вглубь проник,
словно влажной почвы токи
все разведал целиком
и впитал земные соки
с материнским молоком...
И читателя пленяют
не принцессы, не цари,
а земли родня простая —
хлеборобы-плугари,
не застывшие от скуки
длани касты родовой,
а мозолистые руки
честной знати трудовой.
Почему же и откуда
эти звуки и цветы!
Почему пленит, как чудо,
слово редкой красоты!
Потому что в чистом поле
снарядил его в полет
по своей великой воле
славный труженик-народ.
Потому что от народа
верный сын неотделим
и родимая природа
заодно повсюду с ним.
Страсть к труду его вскормила,
подняла людская боль.
В этом власть его и сила,
в этом суть его и соль.

[1] Имеются в виду автомобили завода АМО (ныне Московский автомобильный завод имени И. А. Лихачева).

ПЕСНЯ О МОЛОДОМ КОМИССАРЕ

В этот вечер волна бушевала,
белой пеной слепя на ходу.
Это было в заливе Байкала
в раскаленном двадцатом году.
Окрыленный счастливой удачей,
обманув задремавший конвой,
на дощатой на лодке рыбачьей
уплывал партизан молодой.

Пуля-дура во тьме просвистела,
догнала над водой беглеца
и впилась неожиданно в тело
напрягавшего силы бойца.

Кинул весла, туманом укрытый,
комиссар девятнадцати лет.
И окрасился кровью зашитый
в черной куртке партийный билет.

Волны к берегу лодку прибили,
в лунном свете, как слезы,
зажглись.
И друзья храбреца схоронили
и врагам отомстить поклялись.

Как и прежде, сурово и дико
хмурит брови Байкал штормовой.
Но спокойно алеет гвоздика
там, где спит комиссар молодой.

ЗА УРАЛЬСКОЮ ГРЯДОЙ

И вот я снова в городе Кургане,
где в раннем детстве бегал
босиком.
Как на чудесном праздничном
экране,
неузнаваем город стал во всем.
Произошли такие перемены,
что просто так о них
не рассказать.
И я решил об этом непременно
с простым припевом песню
написать.

На просторе в чистом поле,
за Уральскою грядой,
на степной реке — Тоболе —
вырос город мой родной.
С каждым годом все дороже
сердцу милый уголок.
Чем он старше, тем моложе,
вот так город-городок!

Иду ли вдоль по улицам широким
или стою у яра на краю —
гляжу вокруг с волнением
глубоким,
знакомых с детства мест
не узнаю.
Ласкает взор живых огней сиянье,
где были избы, ныне чудеса:
прямых кварталов радостные
зданья
и молодых заводов корпуса.
А выйдешь в поле — нивам нет
границы,
богатства их попробуй сосчитай!
Шумят колосья мальцевской
пшеницы,
высокий обещая урожай.
Синеет лента бронзового бора,
и чередой, спеша издалека,
неторопливо смотрятся в озера
плывущие над степью облака.

На просторе в чистом поле,
за Уральскою грядой,
на степной реке — Тоболе —
вырос город мой родной.
С каждым годом все дороже
сердцу милый уголок.
Чем он старше, тем моложе,
вот так город-городок!

Рисунок В. Михайлова

* * *

Что-то есть в тебе такое
жесткое, сердитое,
по характеру мужское,
с женственностью слитое.
Затихаю почему же!
Уступаю что же я!
Будто ты меня, как мужа,
накрепко стреножила.
Как бы я ни рвался к бою,—
в результате пó полю,
покоренный, за тобою
молчаливо топаю.
Может, я тебя не стою!
Может, в этом истина!
Рядом с дерзкой красотою
выгляжу бессмысленно!
Сколько ты мне, золотая,
ран на сердце сделала!
Хоть бы ты их залатала
ниточками белыми.

НА ПЕРЕЛЕТ!

Что ж поделаешь: привычка!
Даже в поздний час, во сне
диких уток перекличка
не дает покоя мне.

Только стихну, только лягу,
только чуть сомкну глаза —
вижу утреннюю тягу,
слышу кряквы голоса.

Слышу шорохи осоки,
уводящей не спеша
в непролазный и высокий
плотный терем камыша.

Что ж томиться! Все готово:
патронташи на столе,
два ствола, застыв сурово,
дремлют в кожаном чехле.

Путь на озеро разведан,
вымпел поднят. И уже
заскучавшая «Победа»
бьет копытом в гараже.

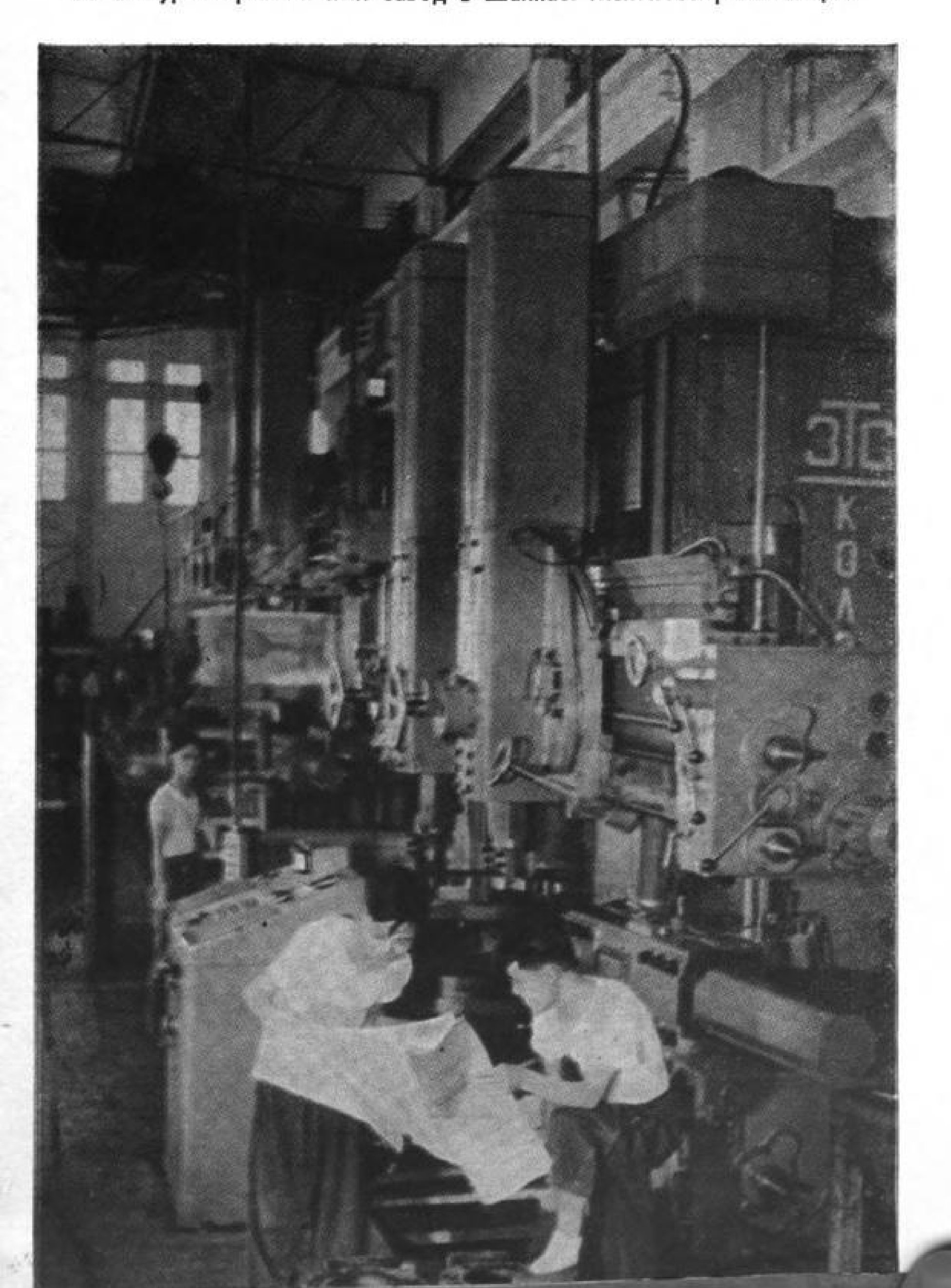
КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

Шанхай. Канал Сучжоу. →
Фото М. Савина.

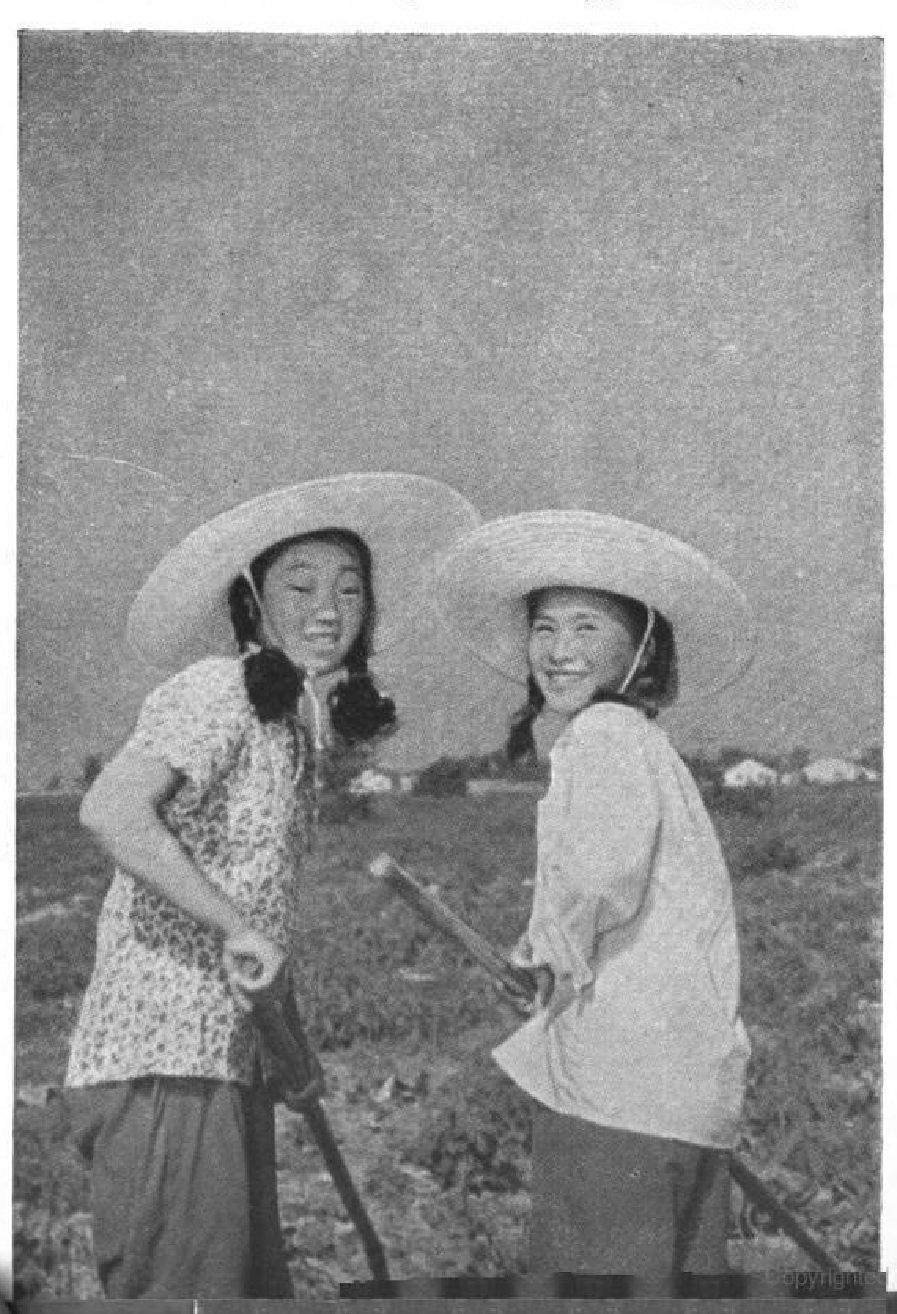

На рисовых полях.

Новый турбостроительный завод в Шанхае. Механосборочный цех.

Девушки из сельхозкооператива «Авангард» близ Шанхая.

Лампочка

ЧЖОУ ЛИ-БО

Трехлетняя Суй-суй родилась в городе, росла в городе и привыкла только ко всему городскому; она никогда не была в деревне. Суй-суй, как и другие дети, любит и пошалить, и похныкать, и посмеяться; и часто бывает так: заплачет, появятся на ее круглом личике две хрустальные слезинки — и вот уже снова смеется.

Как и другие дети, Суй-суй очень удивляется вещам, которых она прежде не видела. А не видела она еще очень многого, всего и не сочтешь. К тому же ей кажется, будто то, чего она до сих пор не видела, и в самом деле только что появилось. Но среди этих новых для нее вещей есть и такие, которые существуют много лет и даже много веков. Например, как-то вечером, когда мы с ней вышли на тесный задний дворик, Суй-суй вдруг подняла голову к небу и, глядя на ярко сиявший диск, удивленно спросила:

— Папа, что это такое?

— Это луна.

Луна существует несчетное количество веков, а Суй-суй только что узнала о ней!

В другой раз мы снова увидели вечером диск луны, висящий высоко над кроной вяза, что рос на заднем дворе.

— Папа, смотри! Луну включили! — радостно закричала Суй-суй.

Она часто слышит, как тетя говорит об электрической лампочке, что ее «включили», вот и решила, что с луной происходит то же самое: как только наступает вечер, кто-то поворачивает выключатель, и луна немедленно загорается.

Суй-суй узнала о существовании электрических лампочек раньше, чем о луне, и в глубине своей маленькой души, вероятно, считает их более интересными игрушками. Каждый день, как только стемнеет, она упрашивает, чтобы ей позволили включить лампу. Если же случается, что зажигает свет тетя, то Суй-суй с криком: «Я сама, я сама!» — поспешно взбирается на стул, со стула на стол и там своей маленькой ручонкой выключает лампу, а затем снова включает ее.

С каждым днем новых впечатлений становится все больше. Однажды летним вечером в прошлом году у меня на работе показывали кино, и я взял Суй-суй с собой. Сидя перед натянутым во дворе полотняным экраном, она озиралась по сторонам. Вдруг электричество во дворе погасло, и на белом полотне экрана появились люди, животные и дома. Суй-суй была поражена и обрадована: она долго не произносила ни слова, только внимательно, с удивлением смотрела на экран. Через некоторое время она заулыбалась, а потом, размахивая руками, стала звать мальчика сойти с экрана и поиграть с ней. Больше всего ей понравились в кинокартине мальчик, кукла и яблоки. Как только она видела это, сейчас же начинала радостно кричать:

— Смотри! Негритенок... Кукла! Смотри! Яблоки, яблоки!

Суй-суй так шумела, что соседи часто оборачивались, а затем начали останавливать ее:

— Смотри, дружок, как следует. Не надо кричать.

В киноаппарате произошла какая-то поломка, и сеанс прервался. Во дворе вспыхнул свет. Я повел Суй-суй посмотреть, как механик чинит аппарат. Увидев внутри яркую лампу, она весело крикнула:

— Папа, смотри, лампочка! Лампочка в машине сидит!

Судя по ее оживлению, она как будто поняла, что между кинокартиной, которую она видела на экране, и электрической лампочкой существует тесная связь. С этого времени она стала относиться к электрической лампочке с еще бóльшим уважением.

В сентябре, незадолго до того, как Суй-суй исполнилось четыре года, мы отправились в путешествие и взяли ее с собой. Двое суток ехали поездом, затем пересели в машину. Через равнины, горы и реки мы добрались наконец до юго-западной окраины нашей страны.

В дороге Суй-суй увидела множество вещей, которых ей еще не случалось видеть: водоемы, буйволов, бурлящие воды Янцзы, громадные пароходы и маленькие парусные лодки на реке... И обо всем, что видела, она расспрашивала у меня.

Мы поселились в южной деревушке. Здесь не было ни электрических лампочек, ни тем более кино, однако новое и здесь окружало Суй-суй.

В первый же день, как мы приехали сюда, Суй-суй увидела на столе странную стеклянную посудину. Она была разделена на две части: верхняя представляла собой круглый стеклянный пузырь, а нижняя — пузатую стеклянную подставку. Суй-суй удивленно спросила:

— Папа, что это?

— Керосиновая лампа.

— А что там, в керосиновой лампе? Вода?

— Не вода, а керосин.

Постепенно мы познакомились с соседями. По вечерам крестьяне из ближнего кооперативного хозяйства часто приходили к нам посидеть, покурить, поболтать.

Мы говорили о первой пятилетке, о плане развития сельского хозяйства, о машинно-тракторных станциях в деревнях и о гидроэлектростанции на реке Хуанхэ в районе ущелья Саньмынься и еще о многом другом; при этом глаза моих собеседников светились таким воодушевлением, как будто они воочию видели прекрасное будущее своей деревни.

Во время этих бесед Суй-суй обычно стояла рядом со мной. В последнее время у нее появилась такая привычка: стоило мне заговорить с гостями, как она тотчас прибегала и, опершись на мои колени, внимательно слушала, задавая иногда вопросы. Когда мы беседовали об электростанции в ущелье Саньмынься на реке Хуанхэ, Суй-суй спросила:

— Папа, а что такое Хуанхэ? (Наш поезд пересек Хуанхэ ночью, поэтому она не видела реки.)

— Ты видала Янцзы?

— Видала.

— Вот и Хуанхэ такая же широкая и большая река.

— А на Хуанхэ есть электролампочки?

Не знаю, почему она вдруг вспомнила про электролампочку; возможно, потому, что слышала, как мы говорили об электростанции. Суй-суй, конечно, не поняла, что такое электростанция, но слово показалось ей знакомым: ведь в словах «электролампочка» и «электростанция» есть общее.

Я ответил на ее вопрос:

— Председатель Мао сказал, чтобы Хуанхэ дала нам электричество, и скоро повсюду на Хуанхэ будут лампочки, по всей стране засверкает электрический свет.

— И здесь тоже?

Здесь? В этой деревне? Мои глаза невольно остановились на керосиновой лампе, стоявшей на столе. Но я решительно ответил:

— Да, и здесь! Пройдет время — и в деревне тоже будет электрическая лампочка.

Все знают, что это будущее недалеко. Через двенадцать лет, когда осуществятся намеченные партией сорок пунктов «Основных положений плана развития сельского хозяйства КНР», то есть в то время, когда Суй-суй будет учиться в средней школе, в тысячах и тысячах деревень нашей страны появятся электрические лампочки, которые ярко осветят все вокруг. К тому времени дети, родившиеся и выросшие в деревне, тоже, вероятно, не будут знать, что такое керосиновая лампа, и, увидев такую странную стеклянную посудину с круглым пузырем, они тоже, вероятно, спросят родителей:

— Что это?

Точь-в-точь, как сейчас спрашивает Суй-суй, родившаяся в городе.

Чжушаньвань.
1956 год.

Перевели с китайского Б. Занегин и В. Кунин.

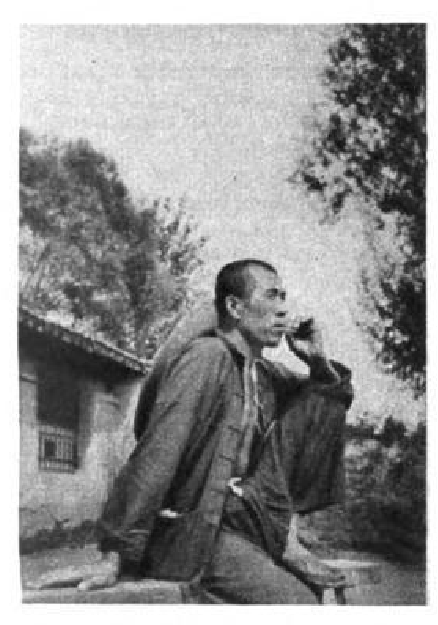

Рисунок В. Высоцкого.

СНОВА В ПАЙПЭНЬЯО

Г. БОРОВИК Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Ли Цун-хэ. Снимок из «Огонька» за 1954 год.

Только два года

Велосипедист весь был перетянут ремнями, на которых висели многочисленные кожаные и брезентовые сумки. Из сумок торчал кончик резиновых перчаток, выглядывали куски медной проволоки, белая изоляционная лента, плоскогубцы, отвертки, молоток и всякий другой инструмент.

— Деревня Пайпэньяо? — весело удивился парень.— Я еду как раз туда. Двигайтесь за мной. Я электротехник.

Выпалив все это одним духом, но сделав особое ударение на последнем слове, он помчался вперед, а машина последовала за ним.

Пока автомобиль двигается к Пайпэньяо, следует рассказать, что это за место и почему мы туда едем.

«Пай» по-китайски значит «белый», «пэнь» — «горшок», «яо» — «гончарня». Когда-то были две соседние деревни: Пайяо — Белая гончарня и Пэньяо — Горшечная гончарня. В декабре 1953 года кооперативы, существовавшие в обеих деревнях, слились в один, и во избежание взаимных обид он был назван «Пайпэньяо» — Гончарня белых горшков.

Ровно два года назад мы побывали там. К тому времени кооператив прошел уже бурную историю, начавшуюся с земельной реформы, разоблачения помещиков, создания маленьких объединений крестьян на основе взаимопомощи; затем — долгое преодоление старых традиций собственников; постепенно бригады взаимопомощи превратились в кооперативы переходного типа, объединились, и в сентябре 1954 года мы увидели уже кооператив высшего типа — с распределением доходов по труду, независимо от того, сколько земли внес крестьянин при поступлении.

Нас встретил тогда высокий, сильный человек, снимок которого, воспроизводимый здесь снова, был в те времена напечатан в «Огоньке». В обширном глинобитном здании правления мы слушали тогда обстоятельный рассказ Ли Цун-хэ об истории кооператива, об успехах и неудачах. Тогда же были записаны следующие цифры.

Количество дворов в кооперативе — 260.

Количество единоличных хозяйств в Пайпэньяо — 200.

Построено после освобождения 36 домов, 1 школа.

Куплено новой техники на доходы кооператива — 2 колодезных насоса для поливки, 3 новых плуга, соломорезка.

Мы долго бродили по деревне, и цифры приобретали плоть и кровь. У новых домов три высокие глиняные стены и чуть покатая земляная крыша. Четвертая стена, фасадная, глиняная лишь наполовину, верхняя ее часть сделана из деревянных реек, оклеенных чистой белой бумагой,— это для того, чтобы в доме было светло. А вот и насос; несложный механизм приводит в действие осел, бредущий по кругу. До освобождения на всю местность был один такой насос, да и тот у помещика.

На прощание председатель сказал тогда:

— Приезжайте к нам через пять лет, к десятилетию республики,— не узнаете Пайпэньяо.

Но прошло не пять, а всего два года, и нам снова выпало счастье быть в Китае. Мы снова едем туда же, в Пайпэньяо...

Наш велосипедист, показав рукой: вот, мол, Пайпэньяо,— сворачивает на боковую тропку. Да, вот они, знакомые очертания холмов, маленькие рощицы, где надрываются цикады. Но погодите, не ошибся ли наш провожатый, не привел ли он нас в другое место? Почему по полям шагают столбы электропередачи? Почему из глинобитной будочки в двух десятках метров от нас несется шум мотора, а из колодца через толстую трубу хлещет вода и льется в поле? Осла нет. На дороге под электропроводами укреплена табличка: «Внимание, электричество!». И неизвестно, чего больше в этой надписи: заботы о безопасности прохожих или чувства гордости.

Нет, это все же Пайпэньяо! Человек, встречающий нас возле правления, не кто иной, как наш знакомый — председатель. Он несколько мгновений всматривается в наши лица, потом узнает, и мы радостно пожимаем руки, хлопаем друг друга по плечам. Потом наш хозяин отстраняется и с шутливой строгостью произносит:

— Что же это вы так рано? Ведь я приглашал через пять лет!

— Не вытерпели, товарищ Ли Цун-хэ.

Пока мы идем в просторный дом, где на стол ставят чашки с обязательным в таких случаях чаем, выясняется, что кооператива Пайпэньяо уже не существует. Он объединился в прошлом году с кооперативами четырех соседних волостей, и теперь в нем 2 127 дворов. Ли Цун-хэ в этом новом кооперативе — секретарь партийной организации.

Мы извлекаем старый блокнот с записями, сделанными два года назад, и просим Ли Цун-хэ рассказать, что же изменилось в Пайпэньяо (об объединенном кооперативе в целом говорить не будем, чтобы можно было сравнивать).

И вот возле старых цифр появляются новые, под рубрикой «1956».

Дворов в кооперативе — 460.

Единоличников — нет.

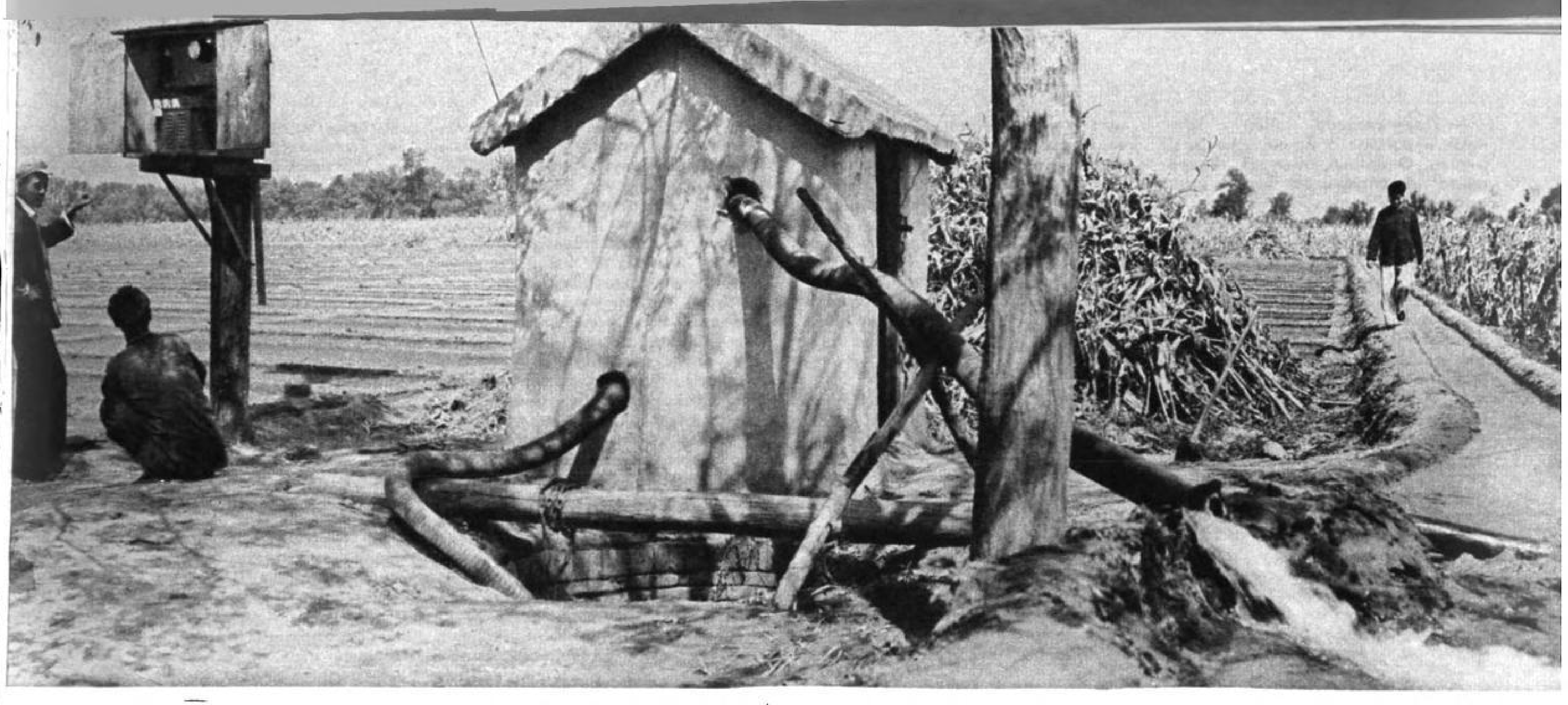
Построено за два года — 40 домов, 5 теплиц для выращивания овощей зимой.

Куплено новой техники — 7 электронасосов, 2 бензомотора, 28 плугов, из них 2 двухлемешных.

И, кроме того, проведено электричество для орошения полей (свет в дома, правда, еще не провели: не хватило средств). Доходы кооператива увеличились в 1955 году на 28,6 процента по сравнению с 1954 годом. В 1956 году доходы несколько сократятся, так как значительная часть урожая погибла от дождей.

Секретарь парторганизации кооператива Хуантуган товарищ Ли Цун-хэ беседует с членами второй бригады во время перерыва.

Ли Цун-хэ говорит:

— Вы записали экономические данные. А за ними стоят люди. Переверните листок в блокноте, вспомните ваших знакомых, и пойдем к ним в гости. Это все-таки самое важное.

Плакаты, ставшие ненужными

Первый дом, в котором мы побывали два года назад, освежает в памяти то, что мы записали об этом посещении.

Тогда навстречу нам поднялась с кана женщина с ребенком на руках. Розовощекий голопузый мальчишка весело пускал пузыри, не обращая ни малейшего внимания на гостей. В комнате, помнится, стояло несколько новеньких вещей: термос, резиновые ботики. Мы спросили:

— Товарищ Чен, что из находящегося в этой комнате вы приобрели до того, как стали членом кооператива, а что после?

Чен засмеялась и, кладя ребенка на цыновку, сказала:

— Очень легко вам ответить. До сорок девятого года у меня с мужем вообще ничего не было. Мы батрачили. После освобождения получили землю, купили коекакие, самые необходимые вещи из одежды. Впервые тогда я зимой надела ватную куртку. Жили в полуразвалившемся доме. Они у нас в Пайпэньяо глиняные и очень портятся от дождей. Ну, а как вступили в кооператив, получили новый...

Женщина поднялась и начала двигаться по комнате, легкими движениями трогая вещи: сундук с хлебом, комодик — там белье и новая зимняя одежда, три новые цыновки, часы, два новых одеяла — одно ватное, резиновые ботики, термос, бак для варки пищи, чайник, настоящие фарфоровые чашки...

Товарищ Чен перевела дух, взяла малыша на руки и добавила немного смущенно:

— И еще — двое мальчишек. До освобождения мы с мужем не хотели детей: боялись, что не прокормим. Это младший. Мы зовем его Сяо Ар — «Маленький второй».

Она звонко шлепнула мальчика по спине. Младший представитель семьи Ченов возмутился, перестал пускать пузыри, сморщил личико и громко заплакал на языке, общем для всех детей мира.

На стене висел тогда яркий плакат: молодая девушка держит на руках толстого мальчика и горько плачет.

— Вот как раз обратная картина,— сказали мы,— ребенок смеется, а мать плачет.

— Это не мать,— посерьезнев, ответила Чен.— Это жена и ее муж. Сейчас мы боремся в деревне за новый закон о браке, против таких пережитков, когда девушку продавали в семью «жениха» как рабочую скотину. Поэтому и развесили плакаты. Нам, в союзе деревенских женщин, это стоит немалых трудов.

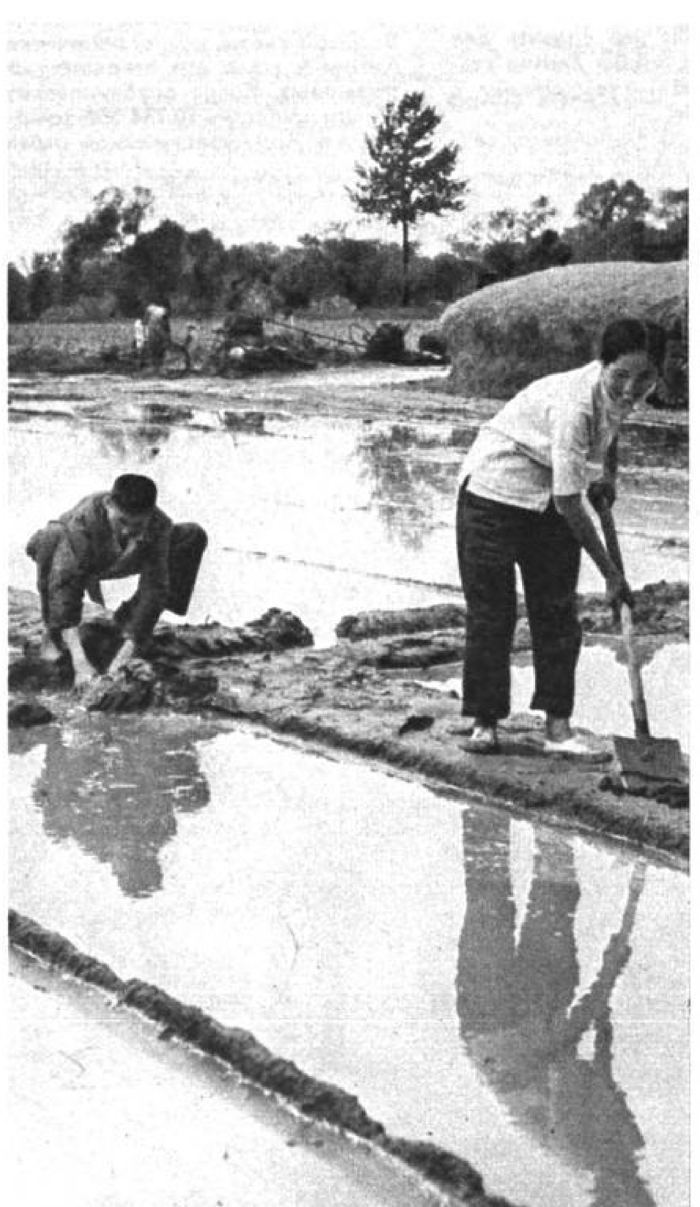
...С тех пор прошло два года. И вот мы снова в доме у Чен. Хозяйка почти совсем не изменилась. И на руках у нее... совершенно такой же ребенок, как и тогда. Так же весело пускает он пузыри, не обращая внимания на гостей.

— Сяо Ар?! — удивились мы.

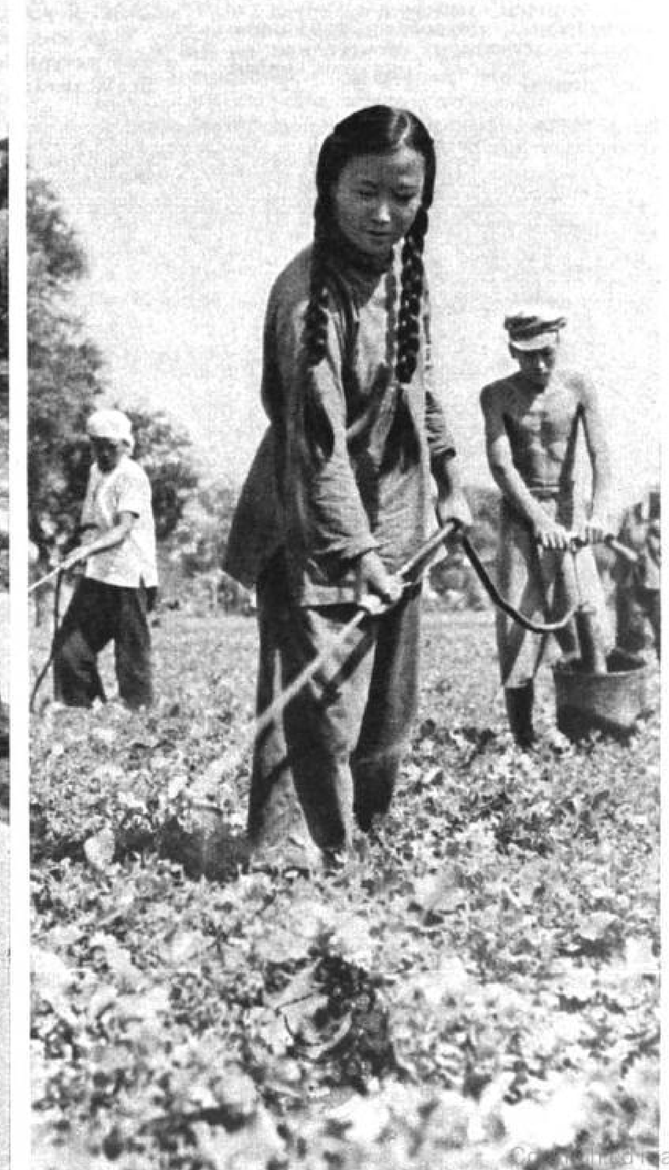
Наша старая знакомая долго смеялась и наконец, утирая слезы, ответила:

— Это Сяо Сань — «Маленький третий»...

Вокруг все было попрежнему, если не считать репродуктора на комоде в комнате. Но на месте старого плаката на стене висел новый: несколько ребятишек резвятся под присмотром няни в белом халате.

На кооперативном поле. Подготовка к посеву.

Для борьбы с вредителями полей крестьяне теперь пользуются распылителями...

— Да,— сказала Чен Ши-чжэн,— вопрос о браке уже разрешен. О старых обычаях теперь никто не вспоминает. Теперь идет агитация за ясли...

Из рассказа товарища Чен мы узнаем, что нашлись мужья, которые воспротивились яслям. Вот, например, Ло Мин. На собрание женщин вся в слезах пришла его жена и сказала, что муж не разрешает ей «раскрепощаться». Актив деревенских женщин решил послать к Ло Мину нашу знакомую — Чен Ши-чжэн — и поручил ей «перевоспитать его методом тщательного подсчета».

— Что это за метод? — поинтересовались мы.

— Сейчас расскажу. Я пришла к нему днем, во время обеденного перерыва. Он только что вернулся с поля.

— Ты, наверное, устаешь, Ло Мин,— говорю я ему.— Ходишь пешком, а поле от дома далеко. Хорошо бы тебе купить велосипед. Мой муж уже купил себе.

— Я и то смотрю,— отвечает он,— откуда бы взять деньги на велосипед.

— А если родится у вас третий ребенок — еще трудней будет с деньгами, правда ведь?

— Правильно.

— А вот если бы ты отводил по утрам детей в ясли, стало бы гораздо легче. За одного ребенка надо платить в день одну точку, за двоих — полторы, за троих — тоже полторы [1]. Все остальное платит кооператив.

— Ах, ты вот зачем пришла! Не зря тебя выбрали председателем женского союза!

— Да, и если дети будут в яслях, жена твоя тоже сможет работать. Пусть и она зарабатывает немного. Пусть одну точку в день — кооперативу от того польза, и всей вашей семье легче...

Вначале Ло Мин хотел рассердиться, но потом стал прислушиваться к речам Чен. Она ходила к нему несколько дней подряд. Наконец метод «тщательного подсчета» возымел свое действие, и Ло Мин понял свою ошибку.

— Значит, и этот плакат уже устарел? — спросили мы у Чен Ши-чжэн.

— Ну, не совсем еще,— улыбнулась она,— Ло Мин не один в деревне. Но наш женский союз надеется, что скоро и этот плакат можно будет снять.

Большая семья

— А помните вы робкого Лю Дэ-мина? — хитро прищурясь, спросил Ли Цун-хэ, когда мы вышли из дома Ченов.

И сразу перед глазами возник образ отчаянно смущающегося юноши, сидевшего перед нами с красным лицом, не знавшего, куда девать длинные руки. Он был одним из лучших работников в кооперативе, но невероятно застенчив. Над ним подтрунивали все товарищи. Наше интервью с ним два года назад кончилось тем, что он... сбежал.

— Конечно, помним! Еще бы! Что он сейчас делает?

— Недавно мы приняли его кандидатом в члены коммунистической партии,— серьезно ответил Ли Цун-хэ и рассказал, как это произошло.

...На собрании первичной ячейки слово вначале дали самому Лю Дэ-мину, чтобы он рассказал о своих недостатках и положительных качествах. Лю Дэ-мин, краснея с головы до пят, рассказал. Потом кто-то спросил: «Что руководило тобой, Лю, когда ты подавал заявление о приеме в партию?»

Лю Дэ-мин никогда раньше не задумывался над этим. Он помолчал немного и ответил: «Для меня партия сделала очень много. Для всех нас она сделала очень много. И я хочу все сделать для партии. Я хочу, чтобы партия стала еще сильнее,— вот почему я в нее вступаю».

Всем хотелось улыбнуться, слушая, как застенчивый, щуплый человек хочет своим вступлением сделать могучую, почти одиннадцатимиллионную партию еще сильнее. Но никто не улыбнулся. Лю говорил от души и, в конце концов, говорил правильно: сила партии зависит от каждого коммуниста в отдельности.

Потом стали выступать члены ячейки. Все соглашались, что Лю — очень хороший работник. Но все говорили и другое: «Слишком уж Лю стеснительный. Как заговорит — обязательно краснеет, как вареная свекла. Как же он будет воспитывать массы? Как он, например, перевоспитает лодыря Чжина, который плохо работает в звене? Ведь коммунист не только должен сам хорошо работать, но и уметь воодушевлять других!»

Лю Дэ-мина приняли в партию, но посоветовали преодолеть застенчивость и молчаливость.

Лю начал преодолевать. Раньше он работал молча, теперь попробовал петь. Разбрасывает удобрения — поет, разбрызгивает опылителем жидкость против вредителей — мурлычет что-то под нос. Во время перерыва Лю теперь не уходил в сторонку, а заставлял себя принимать участие в разговоре. Все друзья по звену одобряли. Только уж эта насмешница Ли Ген! Скажет слово Лю,— а она уже смеется: «Ну и болтлив же ты стал, Лю!»

Скоро Лю выбрали звеньевым. Теперь он уже отвечал не только за себя. Он долго готовился к разговору с лодырем Чжином. Лю беседовал с ним спокойно, уверенно, без увещеваний, без угроз, а просто, по-товарищески. И представьте себе, эти разговоры лучше подействовали на Чжина, чем длинные речи иных ораторов...

Другим человеком становится и сам Лю. Он почувствовал себя в крепкой партийной семье. Вместе со всеми он готовился встретить Восьмой съезд коммунистической партии и ждал его открытия, как праздника. Когда опубликовали в печати цифру — 10 734 384 коммуниста в Коммунистической партии Китая,—Лю подумал: «Какая у меня большая семья!».

Обо всем этом рассказал нам сам Лю, когда мы сидели во время обеденного перерыва под навесом возле теплицы. Лю остался таким же скромным, неразговорчивым, как два года назад, но появилась в нем уверенность человека, чувствующего правоту своего большого дела.

— Значит, недостатка, о котором говорили на собрании, больше нет? — шутя спросили мы.

— Не совсем,— с улыбкой заметил вместо Лю секретарь партийной организации.— Есть человек, которому он не может сказать и двух слов, робеет перед ним, язык прилипает к нёбу.

— Кто же это?

— Та самая девушка Ли Ген. Но уж тут парторганизация бессильна. Правда, Лю?

Лицо Лю Дэ-мина медленно покрывал густой румянец...

...Вечером мы прощались. Прощались с не существующим уже, но близким сердцу кооперативом Гончарни белых горшков, который теперь только часть могучего кооператива Хуантуган, что означает «Желтый холм». Прощались со здешними замечательными людьми. У них теперь новые планы — еще более широкие и смелые, чем два года назад. Теперь они много сильнее, опытнее, увереннее в себе.

— Ведь это не шутка,— говорил Ли Цун-хэ,— две тысячи с лишним дворов! Я вам и другую цифру назову. Когда здесь партийная организация начинала свое существование, нас было шесть членов партии. Теперь только в Пайпэньяо тридцать два. А во всем объединенном кооперативе сто семьдесят шесть! Представляете, какая это сила!..

— Приезжайте к нам через пять лет,— хитровато улыбаясь, добавляет Ли Цун-хэ.— Не узнаете! Впрочем, и через год тоже найдете много интересного...

[1] Единица измерения труда в китайском сельскохозяйственном производственном кооперативе — «точка». Полный трудодень равен 10 точкам.

Крестьянка У Сю-лань пришла за своим ребенком в кооперативные ясли.

ВАРЕНЬКА

Рассказ

Анатолий ФЕРЕНЧУК

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Сколько бы ни стучали колеса, унося состав все дальше и дальше от родных мест, рано или поздно наступает момент, когда надо собирать вещи и покидать обжитый за дорогу вагон. Каждый переживает эти минуты по-своему, и поэтому не было ничего особенного в том, что еще задолго до остановки Кривцов стоял в пальто и шляпе у окна и, сдвинув брови, мрачно глядел на унылую Кулундинскую степь. Вряд ли кто-нибудь другой в поезде ехал к месту своего назначения с более тягостным чувством, чем он: после окончания курсов клубных работников ему предстояло работать в далеком, неведомом селе. Ему казалось, что молодость его загублена, что впереди нет ничего светлого, ничего отрадного, в общем, все кончено...

Поезд приходил на одинокий степной разъезд после полудня, но Кривцову, когда он спрыгнул с чемоданом на железнодорожную насыпь, показалось, что уже сумерки. Шел мелкий дождь со снегом. Даль затянуло; сквозь белесую дымку угрюмо чернел в стороне сосновый бор. Ветер дул порывами, со свистом, нес промозглую предвесеннюю сырость.

Под насыпью, около кирпичной сторожки путевого обходчика, мок серый битюг с курчавой шерстью и мохнатыми шпорами над утопающими в грязи копытами. Он подбирал в опустевшей холщовой торбе остатки овса и то и дело вскидывал голову, гремя удилами и шумно отфыркиваясь. На погрязшей чуть ли не по ступицы бричке горой были навалены бумажные кули, в каких обычно перевозят минеральные удобрения. Сверху их прикрывали солома и набухший от дождя домашний половичок.

Состав скрылся за сосновым бором, а на разъезде все еще потрескивали рельсы от дальнего хода поезда и, клубясь, в длинные седые космы вытягивался прижатый туманом к насыпи угарный дымок паровоза.

Кривцов услыхал позади себя хруст гальки и обернулся. К нему подходил долговязый парень в просторной, перепачканной мазутом брезентовой куртке, на поясе которой висели кирзовый футляр для флажков, похожий на обрезанные стволы охотничьего ружья, и круглая жестяная банка петарды. С козырька его суконной фуражки стекала вода.

— Ежели вы по телеграмме из области, так Варенька велела вам обождать, — сказал путевой обходчик, исподлобья глядя на Кривцова.

В его позе, и в том, как он произносил слова, и особенно в зеленоватых, слегка навыкате глазах чувствовались явное недружелюбие и настороженность, но беглый взгляд, каким он по временам окидывал с ног до головы незнакомого человека, выдавал в то же время и нескрываемое ревнивое любопытство.

— Кто эта Варенька? — хмурясь, спросил Кривцов.

Брови путевого обходчика дрогнули, на красном, обветренном лице изобразилось недоумение и тут же сменилось вспыхнувшей надеждой.

— Будто и в самом деле не знаете?.. — недоверчиво произнес он.

Кривцов досадливо поморщился, зябко поднял воротник бобрикового пальто и ниже на глаза надвинул намокшую, с обвисшими полями шляпу.

— Не знаю...

Ни слова больше не говоря, обходчик подхватил с земли чемодан Кривцова и зашагал с насыпи. Галька, шурша и постукивая, катилась из-под его грубых башмаков вниз. У крыльца сторожки, обходя хрумкавшего овсом битюга, парень вдруг замедлил шаги и оглянулся. На губах его показалась смущенная улыбка.

— Как же это выходит? Говорите, что не знаете, а почему же Варенька жаловалась, будто вы ей всю жизнь перевернули?..— сказал он, и Кривцов снова ощутил на себе недоверчивый, испытующий взгляд.

Это окончательно вывело его из терпения. Он и без того всю дорогу находился в подавленном, дурном расположении духа, злился на все и всех на свете, считая себя жертвой несправедливости, а тут еще этот парень со своим странным и назойливым допросом! Чего он хочет? Почему смотрит так, словно уличил в чем-то нехорошем?

— Я не знаю ни вас, ни вашей Вареньки... В чем наконец дело?..— сказал Кривцов и протянул руку, намереваясь забрать багаж.

— Заходите,— не отвечая на вопрос, сказал обходчик.

Он бесшумно распахнул углом чемодана дверь сторожки, и Кривцову ничего другого не оставалось, как последовать за своим провожатым: не хотелось стынуть на пронизывающем ветру, под дождем и снегом в ожидании попутной машины.

Свет слабо цедился сквозь маленькие, затянутые водяными подтеками окна, и сторожку окутывал полумрак. В русской печи, у которой хлопотала сухонькая, повязанная черным платком старушка, потрескивали дрова; на простенок со множеством выцветших фотографий и на крашеную лавку под ними падал яркий пляшущий отсвет. Укрытая старым брезентовым плащом, на лавке спала девушка. Лицо у нее было совсем юное, обсыпанное редкими крапушками веснушек, широкоскулое и раскрасневшееся от комнатной духоты. Пухлые губы она во сне оттопырила, а густые с рыжинкой брови нахмурила, отчего лицо ее приняло сердитое и по-детски капризное выражение.

«Не это ли и есть Варенька?» — подумал Кривцов, стряхивая с пальто и шляпы мокрый снег. Девушка неожиданно, будто и не спала вовсе, открыла глаза и несколько секунд молча смотрела на Кривцова, затем отбросила в сторону дождевик, спустила с лавки ноги, обутые в яловые сапоги, и, неприметно одернув юбку, вскочила. Она оказалась невысокого роста, плечистой и несколько неуклюжей, с фигурой, сложенной сильно, по-мужски.

— Давно приехали, товарищ? — слегка охрипшим со сна голосом спросила она и с укором взглянула на путевого обходчика.— Опять ты меня жалеешь? Не смей...

Парень сделал вид, что занят осмотром петарды, и ничего не ответил. Сорвав с гвоздя ватную стеганку, девушка принялась торопливо одеваться. Кривцов обратил внимание на ее широкую спину, на которой трещал по швам пересохший у печки ватник.

— Будем трогаться, темнеет... — сказала она.

— Снег пошел, Варенька, оттого и засумеречило, — отозвалась старушка, вынимая сковороду с шипящими в масле пышками. — Вечно ты так... Погоди, скоро и чай поспеет...

Накинув на голову пуховый платок и заматывая концы его вокруг шеи, девушка упрямо возразила:

— Нет, мы поедем! — Она вдруг круто повернулась на каблуках к Кривцову и тоном, не допускающим возражений, спросила: — Вы ведь не хотите чаю, правда, товарищ?

Хотя Кривцов и не прочь был посидеть в тепле, около кипящего самовара — к тому же от пышек тянуло дразнящим аппетит запахом,— он, помимо своей воли, почти не раздумывая, кивнул в знак согласия и стал застегивать пальто.

— Сама бы напилась в дорогу, Варенька...— робко, что так не вязалось с его могучим ростом, сказал обходчик. — Холодно ведь, не версту ехать...

— И ты с уговорами! — перебила его Варенька. — Не разбудил во-время, так молчал бы уж... — Она махнула рукой и, громыхая по скрипучим половицам, направилась к двери, где у порога видна была высветленная желтоватая полоса — след от недавно снятого половичка. — Смотри же не забудь про вечер, приходи! — выкрикнула она уже из сенцев.

Кривцов устроился на твердых кулях, свесив ноги. Он глубоко ушел головой в поднятый воротник, нахлобучил на уши измятую шляпу. Липкая сырость заползала в рукава, казалось, морщила на спине охваченную ознобом кожу. После жарко натопленной сторожки холод был особенно ощутим и неприятен, и Кривцов пожалел, что так необдуманно отказался от горячего чая.

Варенька сняла с головы битюга торбу, вложила меж его отвислых губ лязгнувшие о зубы удила и, отвязав вожжи, взобралась на передок брички. В это время из сторожки вышел путевой обходчик. Он накинул поверх варенькиной стеганки брезентовый дождевик и молча отошел к крыльцу. Девушка взглянула на него тепло загоревшимися глазами, но тут же равнодушно вымолвила:

— Вот еще выдумал, нежности какие!..

Дорога шла через голую, без единого де-

ревца, степь. Дождь перестал, но снег продолжал валить тяжелыми, мокрыми хлопьями. Битюг плелся шагом, хлюпая копытами по жидкой грязи, мотая головой и лениво шевеля боками. От потемневшей его шерсти валил пар.

— Зря вы на него так, поезд пришел недавно, — нарушил молчание Кривцов.

Варенька повела плечом и слегка откинула назад голову в залепленном снегом платке. Он видел, как дрогнула ее румяная щека, и догадался, что она улыбнулась.

— На Павла-то?.. — переспросила Варенька с необычной для ее грубоватого голоса нежностью и задумчиво, точно сама себе, ответила: — Не обидится... знаю уж...

«Какое мне, в конце концов, до всего этого дело?» — подумал Кривцов и отвернулся, глубже упрятав в карманы пальто зябнущие руки.

Они долго ехали молча. Ветер, завывая, раскачивал на телефонных столбах вдоль дороги низко провисшие провода, косо и стремительно нес над степью снежные хлопья так густо, что Кривцову невольно приходило в голову сравнение, будто совсем где-то неподалеку с усердием вытряхивали вспоротую перину из летучего гусиного пуха. Всхлипывая и чавкая, из-под задка брички ползла и ползла дорога, медленно затягивало прорезанные колесами глубокие колеи, и у Кривцова начало рябить в глазах.

— Давно клубами заведуете, товарищ? — неожиданно спросила Варенька.

Ее вопрос снова вернул Кривцова к невеселому раздумью, которому он предавался еще в вагоне, и он ответил не сразу, а лишь после того, как девушка в немом ожидании повернула к нему свое настуженное лицо, на котором от холода даже веснушки стали невидимыми.

— Я прямо с курсов... — буркнул он.

Она отвернулась и горько вздохнула. И если бы Кривцов в это время смотрел на нее, то от него не ускользнуло бы, как сжались ее плечи и в какой-то непосильной скорби ссутулилась под плащом спина. Но он был занят своими мыслями и ничего не заметил.

— Вас послали за мной на полустанок или я попутный?.. — помолчав, спросил он.

— Попутный на телеге груз... А вам не все ли равно?

Кривцов пожал плечами.

— Нет, разумеется.

— То, что вы после курсов работать на целинные земли, в степь нашу поехали, — это хорошо... — продолжала Варенька. — Я ведь понимаю: после городской жизни не так просто на это решиться...

— Меня послали — и вот я еду! — перебил ее Кривцов.

Варенька искоса, из-под насупленных бровей окинула сгорбленную, занесенную снегом фигуру Кривцова, его унылое, осунувшееся от стужи лицо и, ничего не сказав, опустила глаза.

Снег повалил еще гуще. Он теперь не успевал таять на потной спине лошади и укрывал ее от гривы до хвоста белой пушистой попоной. В степи посветлело, и только одна дорога, раскисшая и залитая лужами, попрежнему оставалась темной...

— Послали... — после долгого молчания произнесла Варенька, и в голосе ее почудилось Кривцову что-то обидное и осуждающее.

* * *

Уже смеркалось, когда впереди зачернели избы села. Битюг прибавил шагу и вскоре втащил вихляющую на ухабах бричку на хозяйственный двор. Вдоль всей ограды высились бревенчатые амбары с плоскими крышами, стоял длинный соломенный навес, под которым, будто хоронясь от непогоды, сгрудились плужки, конные грабли, сортировки, тачки, силосорезка и многое такое, о чем Кривцов даже не имел понятия. Протянув через весь двор колесный след, бричка остановилась.

— Приехали, — сказала Варенька.

Кривцов спрыгнул на землю, забрал свой чемодан и поспешил укрыться под навес. Он продрог до костей, ноги его занемели, лицо насекло ледяным ветром; давало о себе знать и то, что у него с утра не было во рту и маковой росинки. Все это, да к тому же еще и захолустный вид безлюдного, словно бы вымершего села, где предстояло ему жить и работать, вконец испортили и без того дурное его настроение. Хмуро сидя на чемодане, он смотрел, как опускались на двор лохматые хлопья снега, как на ближней избе странно, книзу, струился по венцу трубы дым, растекаясь по крыше, и как Варенька поднимала бумажные кули с суперфосфатом и, сгибаясь под их тяжестью, переносила под навес, на сухое место. Он оставался равнодушным и безучастным ко всему, ощущал лишь свою тоску, был весь поглощен думами о превратности судьбы, занесшей его в это село.

— Варенька, не трожь! Ва-а-ренька! — неожиданно пронесся над двором чей-то простуженный голос.

Кривцов обернулся. К навесу ковылял на деревянной ноге сторож в длиннополом овчинном тулупе. Тяжело переводя дух, он стряхнул тулуп с плеч прямо на снег и рукой отстранил Вареньку от телеги.

— Погрейся, вон, пойди лучше в будку, а то шустра больно! Не девичье это дело — мешки с бричек таскать.

— Пожалели... — сказала Варенька. — На полустанке-то надо было грузить или как?

Привычно вскидывая тугой, похрустывающий бумагой куль на плечо, сторож скосил поверх оправы очков глаза на девушку и хитровато ухмыльнулся.

— Ска-а-зывай... — протянул он. — По-мужски уложено, сразу видать!

Кривцов, словно бы взглянув на себя вдруг со стороны, ясно увидел, в каком нехорошем, постыдном свете он выглядит, и в смущении подошел к телеге. На его беду, случилось именно то, чего он больше всего боялся, но что почти неизбежно для человека в таком состоянии: первый куль был подхвачен им неловко и шлепнулся в лужу, обдав сторожа и Вареньку грязью.

— Уж не трогали б, управимся и без вас... — сказал сторож.

— Дядя Герасим, зачем вы так? — сказала Варенька. — Товарищ тут ни при чем, его послали...

Она произнесла последнее слово тем же укоризненным тоном, что и в дороге. Кривцов понес куль под навес, закусив от обиды губы, мучительно стараясь понять: почему его встречают здесь так, как будто он уже бывал в этих местах прежде и в чем-то показал себя с плохой стороны? Однако тяжелая работа, которой он, сам того не замечая, увлекся, постепенно и незаметно отвлекла его, рассеяла грустные мысли. Он разогрелся, забылся и, таская куль за кулем, почувствовал себя легко и свободно, дышал полной грудью. Покидая с Варенькой хозяйственный двор, он с улыбкой и без всякой обиды на сторожа сказал:

— Ну и мрачный же человек, такому не попадайся...

— Что вы! — отозвалась Варенька. — Он в нашем драмкружке самые комические роли представляет.

— На деревяшке?

У Вареньки опустились уголки губ. Она нахмурилась и бросила на Кривцова осуждающий взгляд.

Они замолчали и долго шли по темной улице, не глядя друг на друга, оба делая вид, что заняты обходом то и дело попадавшихся на их пути луж с густеющей к ночи снежной кашицей. Сумерки давно превратились в крутую темень, а они все бродили по селу в поисках квартиры Кривцову, и из края в край их сопровождали скрип колодезных журавлей, хлопанье закрываемых на ночь ставен и лай собак. Порой Варенька на выбор заходила то в одну, то в другую избу, но вскоре возвращалась и, лишь пожав плечами, продолжала путь дальше. Кривцов без слов понимал, что и здесь для него нет квартиры. Иногда Вареньку окликали из какого-либо двора, и тогда она догоняла Кривцова возбужденная, сияющая. Он наконец спросил ее:

— Что за дела у людей к вам в такую поздноту?

— Все же знакомые... — просто ответила она. — Я уж привыкла, каждый раз вот так, когда по селу иду. А сейчас за спектакль благодарят, ставили мы вчера «Любовь Яровую»...

— Какую же роль в пьесе вам дали?

Варенька промолчала, и тогда Кривцов сказал:

— Вы на меня не сердитесь, что я так о стороже... не хотел я его обидеть.

— Он ногу на фронте потерял, — вымолвила Варенька и молча, пройдя несколько шагов вдоль покосившегося плетня, с силой толкнула набухшую от сырости калитку.— Ладно уж, ночуйте у нас, незачем в такую слякоть по селу грязь месить! Утром сельсовет найдет вам квартиру.

— Зачем же вас стеснять?

— Меня не стесните, я сама в чужой избе живу. А хозяева не откажут...

В дверях их обдало густым сладковатым паром. Склонившись над закопченным чугуном, дородная, полная женщина в подоткнутой юбке, из-под которой поблескивали новые мужские калоши, надетые на босу ногу, толкла у порога сваренную в кожуре картошку. Волосы у нее растрепались, мешая, лезли в глаза, и женщина по временам откидывала их.

На скрип двери хозяйка подняла голову, скользнула по фигуре Кривцова холодным, даже, как ему показалось, враждебным взглядом.

— Тетя Луша, пусть товарищ у нас переночует, — сказала Варенька.

— Полы не протопчет, лежанку не пролежит...

Хозяйка подхватила на живот окутанный паром чугун и направилась во двор, откуда доносились хрюканье и поросячий визг. Кривцов собрался было уходить, но Варенька удержала его.

— Не надо, — сказала она. — Это хозяйка из-за меня так... А я ведь понимаю: вашей-то тут вины никакой нет.

Кривцов недоуменно посмотрел на девушку, но в это время вернулась в избу хозяйка с пустым чугуном и крохотным поросенком подмышкой.

— Пристыл, что ли? Не ест...— молвила она, опуская поросенка на пол.

По крашеным половицам дробно застучали маленькие копытца, перекатываясь из угла в угол. Заметив все в той же позе стоявшего у двери Кривцова, хозяйка отняла у него чемодан и поставила под лавку.

— Чтой-то вы, никак уходить собрались? Негоже так, — сказала она, покачав головой. — Садитесь-ка ужинать. Варенька, собирай на стол.

Погремев у печи заслонкой, она вынула и поставила на стол кастрюлю с пахнущими чесноком щами и глиняную миску, полную масляных оладий. Ели молча, прислушиваясь к разгулявшейся на улице метели, к завыванию ветра в трубе. После ужина Варенька постелила Кривцову за перегородкой, в тесной своей каморке, где умещались лишь раскладная кровать да белая, как в больнице, тумбочка с походным складным зеркальцем, пудрой и пузырьком цветочного одеколона.

Без всякого интереса листая старые журналы, Кривцов слышал, как Варенька о чем-то шепталась на другой половине с хозяйкой, шуршала платьем, повидимому, переодеваясь. Немного спустя хлопнула входная дверь, и в избе стало совсем тихо. Слышно было лишь, как под печкой укладывался на соломе поросенок да стучали стенные ходики.

Кривцов поднял глаза. Стрелки показывали восьмой час. Спать ему не хотелось, хотя он и разомлел после сытного ужина в тепле. Он решил пойти в клуб и вышел на кухню. Хозяйка, придвинув к самому краю стола керосиновую лампу, латала мужскую рубаху.

— Отдыхали бы с дороги-то...— посоветовала она.— Еще заблудитесь, метель какая крутит!

Деревянный, неказистого вида клуб, снаружи напоминавший сдвинутые вплотную две избы с замшелыми стенами, неожиданно поразил Кривцова своим домашним уютом, теплом и светом. Где-то за стеной стучал движок, и в клубе ярко, хотя временами и помигивая, горели электрические лампочки. Чисто вымытые полы, побеленные стены, плакаты, фотовитрины, портреты в рамах, цветы на окнах за тюлевыми занавесками — все это сразу же, с порога, бросалось в глаза, говорило о чьих-то заботливых и неутомимых руках.

Сам того не сознавая, но невольно с особым старанием вытирая о половик ноги, Кривцов осмотрелся. В длинном коридоре, служившем фойе, никого не было. Из-за дверей, расположенных напротив главного входа, доносились голоса, звуки струнных инструментов. Наугад подойдя к одной из дверей, Кривцов постоял, прислушиваясь, и взялся было за ручку, намереваясь войти. Но его остановил раздавшийся за его спиной окрик:

— Туда нельзя, товарищ! Идет репетиция...

Кривцов только теперь заметил в дальнем углу фойе курчавого, как барашек, паренька. На нем была гимнастерка, перетянутая в талии широким офицерским ремнем, галифе и щегольски скроенные сапоги. Паренек стоял перед раскрытой железной печкой, широко расставив ноги, и держал в руках сосновое полено. Отсвет пламени играл на его медной пряжке, на голенищах сапог, начищенных до зеркального блеска.

— А вы молодец, ноги вытираете по-нашему, — сказал паренек, сверкнув в улыбке крепкими, туго посаженными зубами.— А туда нельзя! — уже, повидимому, для пущей важности добавил он.

Паренек бросил полено в гудевшую печь и, отряхнув ладони от липкой, пахнущей смолой сосновой кожуры, присел на дрова.

— Грейтесь, — сказал он. — Погода на дворе вроде злой мачехи.

— За истопника, что ли? — спросил Кривцов, протягивая к огню озябшие руки.

Паренек улыбнулся и покрутил головой.

— От же ж мне беда с этой печью! — воскликнул он. — Каждый новый человек непременно меня к данному штату приписывает. А всё из-за нее!

— Из-за кого это?

— Та из-за Вареньки ж! Сами посудите, договорились в клубе печи топить по очереди, так нет же, отдувайся за всех! Я тут постоянно у нее под рукой, меня и просит, а ей разве в чем откажешь?

— Кому это?

— Да Вареньке! Подъедет так ласково, что не углядишь, как и сам вместо дров в печь сиганешь. А у меня при клубе, между прочим, все же должность киномеханика...— сообщил он и, немного подумав, не очень внятно добавил: — «Врио», конечно...

— Может, я все-таки пройду в зал? — сказал Кривцов.

У паренька округлились глаза, он потеребил свой курчавый чуб и безнадежно махнул рукой.

— И не подумайте! Все равно выгонит... Она не любит, когда во время репетиции в зал врываются.

— Кто ж она у вас тут такая? — спросил Кривцов.

Подросток задумался и, морща лоб, стал подтягивать голенища сапог, хотя они и без того ладно обхватывали икры его стройных ног.

— Всё... — после долгого молчания сообщил он.— Сами посудите. Кто в стенгазете на карикатуры мастер? Варенька. Кто плакаты пишет? Варенька. Кто драмкружком руководит? Она же. А кто декорации для постановок рисует? Я вам прямо скажу: она всюду! Мы ей, само собой разумеется, помогаем, но душой всему Варенька.

— Она, что же, местная?

— Не-ет... москвичка... С первым комсомольским эшелоном на целинные земли приехала. В МТС работает, а по вечерам в клубе. Тут, я вам по секрету скажу, с испокон веку картошку ссыпали колхозную, а Варенька молодежь на воскресники подняла, оборудовали помещение! Нравится? А вы, должно быть, к нам с комиссией по проверке какой, что всем интересуетесь, да? — вдруг спросил паренек, заглядывая Кривцову в глаза. — Если с комиссией, так я могу вам и зал показать через мою кинобудку, оттуда хорошо видать!

Но Кривцов уже не слушал его. Он сидел перед раскрытой печкой, ссутулившись, зажав коленями крепко сцепленные руки, и задумчиво смотрел на пляшущие языки пламени. Ему все стало понятным: и слова путевого обходчика «...А почему же Варенька жаловалась, будто вы ей всю жизнь перевернули?», и обидная неприязнь сторожа, и горько произнесенное Варенькой «послали...», и тщетные поиски квартиры, и враждебный взгляд варенькиной хозяйки... За всем этим ему сразу, неожиданно, как будто распахнул кто-то перед ним створки запотелого окна, открылась скупая людская любовь к шустрой и веснушчатой толстушке из далекой столицы. И он искренне, ощутив глухую боль, позавидовал ей, с горечью и сожалением признался самому себе, что в своей жизни не знал еще такой любви, такого уважения, ничем не заслужил их у людей.

Как текла его жизнь? Легко и бездумно, за надежной спиной родителей, которые ничего не жалели для единственного сына, готовы были ради него на все. Кто бы мог сказать, с чего это началось, когда и почему он стал считать себя выше других, откуда пришло и укоренилось в нем чувство, что в мире все для него, все ему? Окончил школу, подал заявление в институт. Чего проще? И как болезненно переживал, когда не попал в число принятых по конкурсу, каким незаслуженно униженным казался себе лишь из-за своего самолюбия! Вел праздную жизнь, пока не подвернулись курсы клубных работников. На них он пошел с таким чувством, словно кому-то делал одолжение. И снова довелось отстрадать его самолюбию, когда не оставили на работе в городе, предложили выехать в село. Не только жаль было расставаться с домашними удобствами, заботами матери, хорошей квартирой, со всем тем, без чего немыслима и сама городская жизнь, но, более того, это просто пугало, казалось чем-то страшным и губительным. В обкоме комсомола он приводил десятки причин в свою пользу, хотя и сам хорошо понимал их вздорность. Кого он обманывал? Не самого ли себя? Разве не перед ним открывалась новая и неведомая ему дорога в жизнь? Разве не он начинал свой самостоятельный трудовой путь? Почему же его сверстники получали назначение с радостью, почему столько юношей и девушек отправлялось на целинные земли добровольно? Зачем же он отделял себя от других, откуда взял он такое право? И что же иное, кроме стыда и досады, должен был он испытывать за прожитую свою, пока еще короткую жизнь? «Подумай, Кривцов, подумай... Пока не поздно, взгляни на себя со стороны...» — настойчиво звучал в ушах чей-то голос.

— Ну, идете в мою кинобудку? — тронув Кривцова за плечо, предложил паренек и захлопнул дверцу печки.

Кривцов встал и почти машинально последовал за подростком.

В обитой жестью кинобудке было свежо, даже холодно, и Кривцов передернул плечами. Из зала долетал неразборчивый шум. Кривцов приник к квадратному окошечку.

При затемненном зале, где чернели ряды скамеек, особенно ярко освещенной показалась сцена с декорацией горницы деревенской избы. Кружковцы сидели в первом ряду, два парня и девушка стояли на сцене. Кривцов сразу заметил там Вареньку. В темновишневом платье с глухим воротом, в туфлях на высоких каблуках она казалась и выше и стройнее и обрела ту женственность, которой ей так не хватало в сторожке обходчика, где он увидел ее впервые. Ее каштановые волосы, сухие и гладкие, подстриженные коротко, помальчишечьи, так, что открывались маленькие, прижатые к голове ее розовые уши, матово светились в лучах низко свисавшей с потолка лампочки.

Она стояла сбоку, у самого края рампы и, заложив руки за спину, плечом касаясь раздвинутого занавеса, молча следила за разыгрываемой перед ней картиной из какой-то пьесы. Но вот Варенька оживилась, легко выскользнула на середину сцены. В тишине зала гулко простучали ее каблучки.

— Нет, нет, это совсем не так... — сказала она. — У героя на сердце горечь, боль, тоска, его словами протестует, кричит сама душа, а у тебя выходит жалоба. Может быть, это надо так?..

Она мгновенно, свободно, неуловимо перевоплотилась в мужскую роль, произнесла монолог с такой страстью, так горячо и искренне передав душевную боль, что у Кривцова невольно пробежали по спине мурашки. В ее игре было столько обаяния, глубины, сердечности и убежденной веры в правоту своих слов, как будто ей самой не раз доводилось переживать подобное в жизни. Когда она умолкла, безвольно уронив руки, Кривцов отошел от окошечка и, потупившись, стал застегивать пальто. Пальцы не слушались его, и пуговицы выскальзывали из рук.

— Ну, как... понравилось? — поблескивая карими, как влажные желуди, глазами, спросил подросток. — Что это вы помрачнели? А хотите, я вам наш читальный зал и библиотеку покажу? А то давайте пройдем, где музыкальный кружок занимается...

Кривцов промолчал. Что он мог сказать этому приветливому и словоохотливому пареньку? Разве в состоянии тот был понять, что происходило в его душе, да и мог ли Кривцов доверить ему такое, в чем нелегко было признаться и самому себе?

— ...Ехал от самого полустанка, а даже не спросил ее, кто она, чем занимается, откуда сама... — едва слышно пробормотал он и, не взглянув на юного киномеханика, направился к выходу.

— Стойте!..— закричал паренек ему вслед.— Я только теперь догадался: вы же наш новый заведующий!

На улице в разгоряченное лицо Кривцова дохнуло влажной весенней ростепелью. Звонко булькали по лужам капли дождя. От недавнего снега лишь кое-где остались грязно-белые пятна. Одинокий фонарь на столбе, раскачиваемый из стороны в сторону ветром, мутно светил в наплывавшем со степи тумане, казался жалким и затерянным в ненастной ночи, навевал еще бо́льшую тоску.

Кривцов долго плутал по темным улицам, пока не набрел на свой двор. В доме спали. Ему открыл сам хозяин, мужчина лет сорока, высокий и худощавый, с остриженной под машинку чернявой головой и редкими, так что сквозь них просвечивала задубелая кожа, отращиваемыми усами.

— Вы один, без Вареньки? — спросил он, высоко над головой поднимая коптящую на сквозняке лампу.

Шаркая калошами впереди Кривцова и освещая ему дорогу через холодные сени, заваленные рухлядью, хозяин без всякого вступления, как будто они уже говорили на эту тему, сказал:

— Женщина она у меня добрая, чувствительная, жаль ей Вареньку, оттого-то она и на вас напустилась... Уж вы на нее не обижайтесь, не обращайте внимания... Женщина — она всегда женщиною и останется... — И уже на кухне, поставив на стол лампу и кутаясь в накинутое на плечи пальто, из-под которого виднелись розовые в полоску подштанники с болтающимися по полу завязками, мягко, с явным сочувствием продолжал: — С первого дня, как они, значит, к нам в село прибыли, Варенька на квартире у нас... За родную стала... Видели бы вы, как она с лица переменилась, когда в сельсовет бумажка из области пришла о вас! Сама не своя стала, замкнулась, молчит, да разве только одни слова о том, что на сердце, выдать могут? И то сказать, кому не понять ее? Сил своих не жалела, сколь труда вложила, и — на тебе, посторонись, уступи место другому... он на готовенькое едет! — Он поднял на Кривцова свои маленькие заспанные глаза и, вздохнув, закончил: — Вы не примите в обиду такое, тут не про вас речь. Я вот думаю: до чего ж порой у нас нескладно выходит! Ведь тому, кому про то знать положено, совестно должно быть! Он же в ведении обязан находиться, что есть тут человек, на своем месте трудится, честно дела ведет, сил и здоровья своего не жалеет... Так нет же! Вместо благодарности обиду ему несут! Тягостно и больно видеть такое... А вы не беспокойтесь, живите у нас, пока лучше квартиру не подыщете. Может, пить чай станете?

— Нет, спасибо.

— Ну, как знаете... А я, пожалуй, оденусь да снесу ей плащ, не то, пока добежит, вымокнет вся, еще простудится...

Хозяин погремел, обуваясь, сапогами и ушел. Кривцов перенес лампу за перегородку на тумбочку и устало опустился на хрустнувшую под его тяжестью раскладушку. Он взял с подоконника первую попавшуюся книгу, чтобы хоть немного рассеяться, и к его ногам, фиолетово мелькнув в воздухе, упал исписанный листок из школьной тетради.

«...а вчера я ходила получать за отца пенсию и повстречала заводских подруг твоих, — прочитал Кривцов. — Они затащили меня на завод, заставили держать речь перед молодежью, уезжающей на разные стройки в Сибирь. За твоим станком другая теперь работает, тоже в передовых на заводе числится. Расстроилась я, доченька, прости ты меня, старую, даже слезу на людях обронила... уж больно много хорошего о тебе наслышалась. А домой пришла, все Маринке и Верочке рассказала. Они мне и говорят: «Мы все знаем, это она из-за нас, чтобы нас кормить, из школы на завод в войну ушла, и мы учиться хорошо должны!» Пиши им, доченька, почаще, гордятся они такой сестрою, подражают, каждое твое слово им дорого...»

Кривцов не смог читать дальше: какой-то теплый комок подступил к его горлу и душил, застилая туманом глаза. Он положил книгу с письмом на прежнее место и загасил лампу.

Хозяин и Варенька вернулись не скоро, но Кривцов все еще не спал. Он лежал на раскладушке в одежде, подложив руки под голову, и, слушая, как скрипели под окном на ветру деревья и глухо стучал по крыше дождь, думал о своем доме, об отце и матери, о Вареньке и той новой для него жизни, которая раскрывалась перед ним, звала, волновала, тревожила. Она захватила его, и он сам еще плохо понимал, что происходило в его душе...

* * *

Прошло всего три дня, как Кривцов ступил на железнодорожную насыпь одинокого степного разъезда, и вот он снова стоял на ней с тем же чемоданом. И хотя здесь все было таким же, как и прежде, в день его приезда, он на все смотрел совсем по-иному, и все представлялось ему в другом свете, — где-то в глубине души он даже испытывал жалость, что уезжает, покидает эти места.

На этот раз не было ни дождя, ни ветра, ни снега, и хотя также не было и солнца, оно все-таки чувствовалось за пепельно-рябой наволочью, наглухо затянувшей низкое небо.

— Запаздывает, что ли? — спросил Кривцов, переводя взгляд на стоявшего рядом с ним путевого обходчика.

— Такого у нас не бывает, хоть ветка и новая, а все в аккуратности...

— Аккуратно... — поправил Кривцов.

— Верно, так надо говорить, — без всякой обиды согласился парень. — Варенька тоже меня часто поправляет, и поделом мне: учись правильному языку... — Он вздохнул, вытащил из-за пояса брезентовой куртки чехол с флажками и, шлепнув им по раскрытой ладони, сказал: — Нужда кого не заставит бросить школу из-за куска хлеба!.. Мне рано пришлось на работу становиться. Ну да не беда! Выучусь. Говорят, знания всегда можно приобресть, не то что душу...

Он вскинул на Кривцова свои зеленоватые, навыкате, добрые глаза, в которых слишком свободно можно было прочесть довольство тем, что Кривцов уезжает, и улыбнулся светлой, немного застенчивой улыбкой.

— Чудно́... Ведь я тогда подумал, что вы с Варенькой где-то уже встречались... — сказал он.— Не объяснила мне толком, что к чему... Гордая она, все боится, как бы ее жалеть не стали...

— А вы ее все-таки жалейте, она того стоит,— мягко сказал Кривцов.

— Стоит... — повторил обходчик, и густая краска залила его обветренное лицо.— Значит, уезжаете... А то оставались бы, Варенька помощницей бы у вас была... Она ведь временно заведует, не вы, так другой сменит,— подумав, проговорил он, желая сказать Кривцову что-либо приятное, и, словно бы испугавшись, что тот и в самом деле может остаться, быстро повторил: — Значит, решились уехать...

— Не далеко же, в соседний район у меня направление, а за Вареньку не бойтесь: она останется... — сказал Кривцов.

За сосновым бором раздался протяжный и сиплый гудок паровоза, над деревьями всплыло белое облако дыма.

— Вишь, как гудок «садится»! — заметил обходчик.— Это к теплу...

— Да, это, говорят, к теплу,— повторил Кривцов и поднял с насыпи свой чемодан.

Чжан Янь. КАНИКУЛЫ.
Цветная тушь.

Лю Бо-шу. ЛОВЛЯ КОНЕЙ. Цветная тушь.

Чжан Дин. СУДОРЕМОНТНЫЙ ДОК. Цветная тушь.

Дэн Шу. К ВЕЧЕРУ.

Урок истории

А. ПОЛТОРАК,
кандидат юридических наук

В зашторенном зале Нюрнбергского дворца юстиции стояла напряженная тишина.

— ...В соответствии с разделами обвинительного заключения... Международный военный трибунал приговорил Германа Вильгельма Геринга к смертной казни через повешение... Иоахима фон Риббентропа — к смертной казни через повешение... Вильгельма Кейтеля — к смертной казни через повешение...

Мы заметили, как нервно передернулся гитлеровский «сверхдипломат» Риббентроп, как побледнел фельдмаршал Кейтель, как стиснул зубы атаман эсэсовских палачей Эрнст Кальтенбруннер.

Это были исторические минуты: эпилог кровавых авантюр гитлеризма. Вероятно, с древнейших времен до наших дней история не знала возмездия более заслуженного и неизбежного. Это был первый в истории суд народов над агрессией и агрессорами. И нельзя не согласиться со словами главного обвинителя от Англии Шоукросса, который назвал Нюрнбергский процесс «авторитетной и беспристрастной летописью, к которой будущие историки могут обращаться в поисках правды, а будущие политики — в поисках предупреждения».

Приговор главным военным преступникам, вынесенный десять лет тому назад — 1 октября 1946 года,— показал, что союзники смогли найти общий язык не только на полях жестоких битв, но и за судейским столом.

Поставив подпись под Нюрнбергским приговором, Член трибунала от СССР И. Т. Никитченко вместе с тем оказался вынужденным дополнить его Особым мнением, которое в 1946 году казалось кое-кому не то излишним, не то «чрезмерно суровым».

Вспоминается пылкая дискуссия в кулуарах Дворца юстиции. Только что завершился суд. Нюрнберг еще бурлил. Некоторые представители делегаций западных стран, с которыми советские юристы работали в полном согласии в течение всего процесса, выражали сожаление по поводу того, что советские судьи, как им казалось, «без всякой необходимости» внесли своим Особым мнением «столь нежелательный диссонанс» в приговор.

— Зачем нужно было это Особое мнение? — спрашивал меня один английский журналист.— Ведь германский милитаризм раздавлен... Неужели не ясно, что после такого урока немцы будут минимум столетие бояться самого слова «солдат»?..

Интересно, что бы сказал наш тогдашний собеседник сейчас, когда в Западной Германии полным ходом создают новый агрессивный вермахт, совсем по-фашистски расправляются с коммунистической партией, разжигают самые низменные милитаристские страсти. И все это не через столетие, а только через десять лет после того, как гитлеровские агрессоры были разбиты в бою и осуждены в Нюрнберге.

Нет, Особое мнение Советского Союза не было излишним. Опыт прошедшего десятилетия показал, что оно было очень и очень дальновидным.

И когда Советский Союз в соответствии с Обвинительным заключением, в частности, требовал признания гитлеровского генштаба преступной организацией, то он думал не столько о прошлом, сколько о будущем.

Пожалуй, ни в чем американские и английские официальные лица в Нюрнберге не проявляли такой нервозности, я бы сказал, нетерпимости, как в вопросе «о судьбе военных». В зале Нюрнбергского суда часто появлялись американские генералы и адмиралы. Приезжали военный министр Паттерсон, генерал Донован и многие другие. Приезжали, но, не выдержав «нападок» на «почетную военную профессию», покидали зал суда. Вспоминается статья из американского журнала. В ней сквозит страх... и не только за Кейтеля и Иодля: «...На основании такой теории права когда-нибудь могли бы быть казнены в качестве военных преступников и питомцы Вест-Пойнта и, само собой разумеется, члены американского генштаба, если бы США когда-либо, упаси бог, проиграли войну». Вот, оказывается, чего боялись уже в то время некоторые круги за океаном!

...Началась невидимая простым глазом борьба реакционных сил за спасение гитлеровского генералитета. Закончилась она тем, что Международный трибунал, вопреки Особому мнению СССР, отказался признать гитлеровский генштаб преступной организацией.

И, может быть, сейчас, когда в Бонне все откровеннее бряцают оружием, особенно интересно подробнее рассказать об этом.

...К трибуне подходит адвокат германского генерального штаба и предъявляет суду какой-то документ.

— Ваша честь,— обращается он к председательствующему лорду Лоуренсу.— С разрешения высокого трибунала предъявляю точный текст речи достопочтенного сэра Монтгомери, произнесенной им на днях в Портсмуте. Она полностью подтверждает нашу точку зрения.

Английский фельдмаршал заявил в своей портсмутской речи: «Армия стоит над политикой... Государство нуждается в повиновении армии, и солдат не должен отступать от повиновения из-за своих политических убеждений». Солдатский долг состоит в том, заявил Монтгомери, чтобы, «не спрашивая, выполнять приказ».

Так речь Монтгомери, имевшая весьма точный адрес, оказалась в числе доказательств... невиновности гитлеровской военной клики.

Вслед за спасательным кругом, брошенным из-за Ламанша, появился спасательный круг из-за океана. На защиту генералитета «третьей империи» встал не кто иной, как генерал Маршалл, начальник штаба американской армии в годы войны. Те, кто присутствовал на процессе, могли видеть, с какой радостью уцепились за его выступление гитлеровские генералы и их адвокаты. «Если уж сам начальник американского генерального штаба Маршалл... высказывает убеждение, что между генеральным штабом (Германии.— А. П.) и партией (национал-социалистской.— А. П.) не было общего плана, а чаще всего между ними возникали острые противоречия, то это, конечно, солидное и убедительное доказательство, к которому мне нечего добавить»,— заявил на суде адвокат гитлеровского генерального штаба.

И все-таки ни юридические хитросплетения адвокатов, ни поддержка с флангов Монтгомери и Маршалла не могли пробить броню ужасающих и леденящих кровь доказательств преступной деятельности гитлеровских генералов. Тогда родился новый план: зачем объявлять германский генштаб преступной организацией, заявил один из адвокатов суду, не лучше ли «четырем великим победоносным державам... на практике разрешить вопрос об индивидуальной виновности или невиновности этих ста семи людей (гитлеровских фельдмаршалов и генералов.— А. П.) с помощью ста семи отдельных судебных разбирательств». Расчет был верный: подавляющее большинство высших гитлеровских генералов находилось в руках англо-американцев, и те могли избрать такой способ «отдельных судебных разбирательств», который их больше всего устраивал.

Тем и завершилось рассмотрение в Нюрнберге дела о гитлеровском генштабе. Много честных людей, принимавших участие в процессе — американцев, англичан, французов, — в день оглашения приговора пришли к советским представителям, чтобы выразить им свою солидарность с Особым мнением СССР, протестовавшим против такого решения трибунала. «Вот увидите, чем кончатся эти «индивидуальные суды»,— с чувством обиды и огорчения сказал один из сотрудников французской делегации.

И действительно, последующие судебные процессы над гитлеровскими фельдмаршалами и генералами превратились в дешевый судебный фарс. В короткое время на свободе оказались все оставшиеся в живых гитлеровские милитаристы: Гудериан и Гальдер, Манштейн и Рунштедт, фон Лееб и Шперле, Мантейфель и Блюментрит и многие другие. Вновь уже воссоздан германский генштаб. Как правильно заметил один из обвинителей на процессе, гитлеровский генштаб, будучи призван к ответственности, сначала распался на 107 отдельных кусочков, как детские кубики, выброшенные на пол, а потом, когда опасность миновала, эти кубики вновь собрались вместе, и мгновенно, как бы по волшебству, возник прежний зловещий рисунок.

Сэр Дэвид Максуэлл Файф, английский обвинитель, представлял Международному трибуналу доказательства пиратских действий гитлеровского подводного флота. Невозможно забыть нарисованную обвинителем страшную картину злодейского потопления гитлеровскими подводными лодками британского торгово-пассажирского судна «Атения», чудовищные расправы с тонущими пассажирами.

На скамье подсудимых сидел глава немецких морских пиратов гросс-адмирал Дениц. Это он издал 17 сентября 1942 года приказ: топить без предупреждения торговые суда и уничтожать их команды. «Не следует делать никаких попыток спасать членов команд потопленных кораблей,— требовал приказ,— спасение противоречит элементарным требованиям ведения войны».

Дениц был приперт тяжелыми уликами. На наших глазах гитлеровский гросс-адмирал тонул. И вот опять пришло неожиданное спасение, и откуда? Из той же Англии!

В дни, когда в Нюрнберге выступали английские обвинители, к туманным берегам их родины подошел корабль, на борту которого можно было встретить подтянутого моложавого человека в форме германского морского офицера. Это был Кранцбюллер — бывший судья в гитлеровском флоте, а теперь адвокат гросс-адмирала Деница на Нюрнбергском процессе. Прибыв в Лондон, Кранцбюллер направился прямо в здание Британского адмиралтейства.

В долгой истории этого кастового учреждения, вероятно, не было случая, чтобы иностранцу, а тем более вчерашнему врагу, было разрешено беспрепятственно рыться в военных архивах. И с какой целью? Чтобы с помощью сотрудников адмиралтейства найти документы, которые, пусть ценой компрометации британского флота, спасли бы престиж германского флота, пиратствовавшего под девизом: «Готт, штрафе Энгланд!» — «Боже, покарай Англию!»

С видом победителя вернулся адвокат Кранцбюллер из Лондона. Он положил на стол трибунала добытые в Англии «доказательства». Отсюда оставался один шаг до реабилитации гитлеровского флота и его гросс-адмирала.

Но этим странные события не ограничились. Из-за океана адвокату гросс-адмирала был сделан прямой намек: морское командование США готово засвидетельствовать, что во время войны американские подводные лодки дей-

Нюрнберг, 1946 год. Выступает главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко.

ствовали так же, как и немецкие,— следовательно, для суда над Деницем особых оснований нет. Намек был понят на лету. Дениц шлет запрос главнокомандующему флота США на Тихом океане адмиралу Нимицу. Тот охотно подтверждает, что американские подводники на Тихом океане делали то же, что и немецкие в Атлантике. «Это замечательный документ!» — восторженно воскликнул гитлеровский гросс-адмирал, ознакомившись с письменными показаниями Нимица.

В результате усердной помощи английских и американских генералов Дениц был оправдан по одному из наиболее тяжких обвинений.

«Прежде чем шлифовать оружие, следует отполировать репутацию»,— так заявили немецкие милитаристы своим западным друзьям. И друзья шли на все, чтобы восстановить престиж вчерашних военных преступников. И, пожалуй, наиболее тщательно и рьяно шла «полировка» Ялмара Шахта.

...Как-то во время перерыва между заседаниями суда американский офицер охраны обратил внимание на то, что подсудимый Шпеер, бывший гитлеровский министр вооружений, по профессии архитектор, что-то увлеченно чертит.

— Что вы там рисуете? — строго спросил американец.

— Видите ли,— ответил Шпеер,— Шахт заказал мне проект виллы, которую он собирается построить после окончания этого процесса.

Кивком головы Шахт подтвердил, что он сделал Шпееру такой «заказ».

Спустя несколько дней главный американский обвинитель Джексон в ходе допроса напомнил Шахту, что даже после отставки, будучи министром без портфеля, он продолжал получать у Гитлера 50 тысяч марок в год.

— А как же иначе, господин обвинитель? — нагло отозвался Шахт.— Я надеюсь и после этого суда получать пенсию.

Потратив немало усилий для доказательства того, что гитлеровское правительство и монополии были далеки друг от друга, западные юристы, пользуясь своим большинством в суде, отметили в приговоре, что если Шахт и ковал для Гитлера оружие, то лишь с той целью, чтобы «Германия могла проводить внешнюю политику, способную завоевать ей уважение».

Так Шахт был «отполирован» до неузнаваемости.

Оправдать же руководителей ряда гитлеровских монополий после освобождения Шахта было уже гораздо проще. Американские трибуналы в соответствии со специальным законом обязывались «признать как прецедент приговор, по которому был освобожден Шахт». Вскоре на свободе оказались Крупп, Флик и другие руководители концернов смерти.

Сейчас Ялмар Шахт занимается примерно тем же, чем и во время своего двенадцатилетнего сотрудничества с Гитлером. В прошлом он, как подчеркивается в Особом мнении Советского Союза, «подготовил экономику Германии для ведения агрессивных войн». Теперь он готовит к агрессивным авантюрам экономику Западной Германии.

Нужно ли более разительное доказательство правоты и дальновидности Особого мнения Советского Союза?!

Рано, очень рано видеть в материалах Нюрнбергского процесса только исторические документы. Им еще чуждо понятие «архив». Они живут, волнуют, будят мысль, продолжают разоблачать, и не только самих фашистских агрессоров.

Вспоминаются июльские дни 1946 года, когда американский обвинитель Додд представил трибуналу «Список военных преступников из состава гитлеровского генералитета». Перелистаем этот список... Оказывается, крупнейшие фигуры преступного германского генералитета сейчас, десять лет спустя, не только действуют, но и в союзе с западными покровителями воссоздают «ударную мощь Германии».

В американском списке значится имя фельдмаршала Манштейна. Чем он занимается сейчас? Западногерманская печать сообщает, что он завершил разработку для Западной Германии стратегии «меча и щита»...

Большую активность проявляет и фельдмаршал Кессельринг. Ратуя за возрождение военной мощи Западной Германии и восхваляя ее прошлое, он совсем недавно заявил, что «в эсэсовских дивизиях была представлена лучшая часть немецкой крови». И вскоре после этого боннское военное министерство официально разрешило эсэсовским офицерам вступать в ряды вермахта.

Гитлеровский генерал Мантейфель занят сейчас не чем иным, как усиленной пропагандой... Северо-атлантического союза. Как один из руководителей так называемого Немецкого атлантического общества, он ратует за «наступательную стратегию». «Оборона Европы,— заявляет генерал Мантейфель,— может быть осуществлена только наступательными боевыми действиями... В своей политике относительно России мы должны всегда действовать в соответствии с ростом нашей собственной силы».

В Бонне создан «Комитет экспертов», разрабатывающий военную структуру Западной Германии. Кто же в нем представлен? Бывший начальник гитлеровского генерального штаба Гальдер, бывший фельдмаршал Манштейн, фашистские генералы Венк, Штумпф, Сикст и другие — именно те, о ком в Нюрнбергском приговоре сказано, что они «ответственны за несчастия и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей».

Совсем недавно многих из этих генералов можно было встретить в городе Висбадене, где состоялся слет матерых немецких милитаристов. Генерал Шпейдель, зверствовавший на оккупированной немцами Украине, заявил, обращаясь к старым фашистским генералам: «Мы хотим принять из ваших рук пылающий факел и понести навстречу более светлому будущему...»

Опасно для дела мира, когда факел попадает в такие руки. И не на эту ли опасность указывал главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе Р. А. Руденко, когда он говорил, что немецкая военщина всегда готова «продать свою честь и шпагу» любым политическим силам, которые сделают ставку на восстановление германского милитаризма?

...Пройдет не одно десятилетие, но Нюрнбергский процесс не будет забыт. История вновь и вновь подтверждает справедливость основных положений приговора и дальновидность Особого мнения представителя СССР в Международном военном трибунале.

1 октября 1946 года в зале Нюрнбергского дворца юстиции. Зачитывается приговор Международного военного трибунала главным военным преступникам.

Ручной мяч

Футбольное поле. Две команды по одиннадцать игроков стараются попасть мячом в ворота противника. Свисток судьи. В чем дело? Оказывается, один из игроков ударил по мячу ногой. По правилам игры за это полагается штраф.

...Мы присутствуем на игре, которая является только дальней «родственницей» футбола.

Игра в ручной мяч распространена почти по всему земному шару. Советские спортсмены дважды выступали в международных матчах и оба раза одержали победу. Соревнования по ручному мячу были и в программе Всесоюзной спартакиады 1928 года. Но затем игра была забыта почти на два десятка лет. Лишь на Украине да кое-где в Прибалтике продолжались соревнования.

Два года назад столичные спортсмены после семнадцатилетнего перерыва возобновили розыгрыш «Кубка Москвы» по ручному мячу. Москвичи этим как бы дали сигнал к возрождению несправедливо забытой интересной игры. Соревнования стали проводиться в Ленинграде, Воронеже и других местах, и теперь любители ручного мяча вновь появились среди городской и сельской молодежи.

В прошлом сезоне в Риге были проведены соревнования восьми городов. Недавно в Вильнюсе впервые в истории советского спорта состоялись соревнования на первенство СССР. В чемпионате участвовали 14 мужских и 9 женских команд Москвы, Ленинграда, городов и областей Российской Федерации, Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии и Азербайджана. Почетное звание первых чемпионов Советского Союза по ручному мячу завоевали спортсмены Московской области и женская команда Киева. Личными призами были награждены лучшие игроки — киевлянка С. Луцик и В. Тюрин (Московская область).

Созданы мужская и женская сборные команды страны, которым вскоре довелось встретиться в Москве со сборными командами Германской Демократической Республики. Немецкие спортсмены имеют большой опыт международных соревнований и в этих встречах победили молодых советских игроков.

Ю. БАТЮШКОВ

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В МЕЛЬБУРН

Фрэнк ХАРДИ,
австралийский писатель

Скоро все дороги будут вести в Мельбурн, на Олимпийские игры.

Уже сейчас все говорят о Мельбурне и о предстоящих соревнованиях. Везде, где я побывал — в Восточной и Западной Европе,— это было постоянной темой разговоров. Но нигде не встречал я такого горячего интереса к спорту, как в Москве. Поэтому мне хочется рассказать читателям «Огонька» кое-что о Мельбурне и подготовке к Олимпийским играм.

Советские спортсмены, официальные представители и туристы, очевидно, прибудут в Мельбурн самолетом на аэродром Эссендон. Они сразу заметят, что австралийский пейзаж совсем не похож на русский, что он своеобразен и по-своему удивительно красив.

В Мельбурне наступит как раз время, когда весна переходит в раннее лето, и дни будут стоять теплые, ясные. До советских людей, возможно, доходили слухи, будто в Мельбурне всегда идет дождь. Не верьте этой небылице, ее из зависти выдумали жители Сиднея.

Недавно мне довелось видеть, как идет подготовка к Олимпийским играм в Мельбурне. Спортивные соревнования будут происходить на самом большом стадионе в Австралии — «Крикет Граунд», вмещающем более 100 тысяч человек и расположенном в кольце парков, неподалеку от центра. Стадион этот был первоначально предназначен для крикета и австралийского футбола, овален по форме и обрамлен со всех сторон внушительными трибунами, обеспечивающими зрителям великолепную видимость.

В подготовке Олимпийских игр были некоторые трудности, но сейчас все уже готово к соревнованиям. Стадион «Крикет Граунд» переоборудован и расширен. Чудесный бассейн для плавания построен к предстоящим знаменательным событиям, и целый олимпийский городок воздвигнут в Хейдельберге, северо-восточном пригороде Мельбурна. Перед самым отъездом из Австралии я слышал ряд критических замечаний по поводу того, что городок расположен слишком далеко от стадиона — почти за десять миль. Утверждали, что спортсменам будет утомительно ежедневно ездить на стадион для тренировки, и ходили разговоры о строительстве тренировочных площадок и дорожек около городка.

Советские гости убедятся, что Мельбурн — сказочно красивый город. Я провел в нем бо́льшую часть своей жизни и люблю каждую его улицу, каждый парк, каждое дерево. Планировка города прекрасна, улицы широкие, красивые, много садов, чудесных парков, содержащихся в образцовом порядке. А кругом, в горах и на побережье океана, раскинулись живописнейшие места, поражающие глаз.

Мне думается, что спортивных сооружений в Мельбурне больше, чем в любом другом городе мира, потому что австралийцы, а в особенности мельбурнцы,— страстные любители спорта. Пожалуй, наиболее популярный вид спорта в Мельбурне — австралийский футбол, зрелище весьма увлекательное, затем идут крикет, скачки и теннис.

В последние годы, и особенно после Олимпийских игр в Хельсинки, возросла популярность всех видов спорта; больше спортсменов-любителей принимает участие в соревнованиях, увеличилось и число болельщиков. Для страны с таким небольшим населением, как Австралия, у нас много прекрасных спортсменов, например, Джон Лэнди, Лоррэн Крэк, Ширлей Стриклэнд и масса других. Мы надеемся неплохо показать себя на Олимпийских играх.

Десятки тысяч австралийцев вместе с иностранными гостями будут приветствовать спортсменов. Австралийцы любят спорт как таковой, и спортсмен, умеющий мужественно и стойко принять поражение, восхищает их не меньше, чем победитель.

Мы тепло встретим всех спортсменов, из какой бы страны они ни приехали. И наши спортсмены, конечно, как и все другие, будут стремиться добиться победы в соревнованиях, но у нас говорят: «Пусть победит лучший или лучшая из нас».

Наше самое горячее желание: чтобы Олимпийские игры 1956 года прошли в подлинном олимпийском духе братства народов всего мира. Мы уверены, что так и будет.

Мельбурн.

ВЕНГЕРСКИЕ ВСТРЕЧИ

Е. ЛОГИНОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

«Мы все влюблены в Будапешт, в его старые дома и молодых девушек, его дворцы и спортплощадки, пристани и мосты, холмы и улицы, в его музеи...» — так начинался случайно прочитанный мною рассказ о венгерской столице. Пробыв в ней несколько дней, я убедилась, что неизвестный мне автор — житель Будапешта — удачно выразил самое характерное для города, соединившего в себе столько разного и красивого.

Художник Липот Херман.

Художник Дьёрдь Конечни.

И все же наибольшее впечатление оставило посещение Музея изобразительных искусств. Прелестны жемчужины этого богатейшего собрания: трогательная и поэтическая Мадонна Эстергази Рафаэля, великолепное по живописи полотно Веласкеза «Обедающие крестьяне», картины Гойи, Джорджоне, Тьеполо, Ван-Дейка, Дюрера. Исключительно богат раздел венгерской живописи XIX и начала XX века: полотна блестящих реалистов, художников-демократов Михая Мункачи, Имре Ревеса и других, более поздних мастеров пейзажной и жанровой живописи, таких, как Ласло Паал, Пал Синеи-Мерше.

Многообразно представлено и творчество современных художников Венгрии. Среди этих произведений выделяются полотна современных мастеров передовой реалистической надбаньской школы — Иштвана Чока и более молодых, но работающих в той же манере. Иштвана Чока товарищи назвали мне «венгерским Бакшеевым». В прошлом году отмечалось его 90-летие. 75 лет творческой жизни! И все та же неутомимая кисть, то же острое умение видеть, пленительность колорита! Мы долго рассматривали его пейзажи, тонкие и глубокие портреты-характеристики, натюрморты. А сколько художников воспитал этот педагог!

Два дня у художников

Интересным оказалось посещение мастерской живописца Липота Хермана. Трудолюбие этого художника почти героическое: Херман создал около 3 500 полотен!

— Не пугайтесь, — сказал Липот Херман. — Вы увидите у меня не все. Многое утекло за границу, продано с выставок в Париже, Берлине и в других городах Европы, увезено в Нью-Йорк.

Большая и уютная мастерская. Останавливает внимание необычного вида, почти квадратный тяжелый мольберт.

— Я случайно купил его у одного парижского художника. Это мольберт Давида. Понимаю, что это, может быть, несколько нескромно, но я пишу на нем свои исторические композиции.

Всюду, на стенах, в штабелях на полу, картины в рамах.

— Целая галерея на дому! — шутит хозяин. — Жаль расставаться со всем этим...

Великолепный портретист, Херман сначала показывает портрет своей матери, о которой хранит нежную память, — с него начинаются обычно и экспозиции его выставок. Написано полотно полстолетия назад, просто и выразительно, уверенной рукой мастера; это скромная женщина с добрым и в то же время энергичным лицом, лучащимися теплом глазами. Рядом другое полотно — красивая, полная задора юности женщина.

— Рози Херман — моя жена,— представил ее нам художник,— а вот и она теперь.

У стола, за неизменным кофе, уже хлопотала, приветливо улыбаясь, хозяйка дома.

— Это красота самой Венгрии, идеальный тип ее женщины, — сказал один из нас, снова обращаясь к портрету.

— Я тоже так думаю, — ответил, смеясь, старый живописец.

Но и сам Херман был красив в молодые годы, чему свидетели автопортреты. И сейчас он сохранил обаяние лукавого взгляда, заразительный смех, порывистые, быстрые движения.

— Ваш Непринцев был у меня в гостях, смотрел пейзажи, кажется, они ему понравились.

Мы не могли не согласиться с художником-ленинградцем, когда в течение двух часов перед нашими глазами прошли один за другим,— право, не меньше сотни — лесные пейзажи: чащи, поляны, прогалинки, могучие дубы и буки, устремляющиеся в небо сосны.

Липот Херман отдал в свое время немалую дань классическим сюжетам. Не раз обращался он к героическим эпизодам родной истории, писал жанровые сцены. Но особенно много у него натюрмортов. И всё без исключения написано блестящим рисовальщиком, хорошо чувствующим колорит, с чудесной простотой настоящего художника.

Липот Херман и блестящий публицист в сфере искусства, критик, исследователь. В 20-х — 30-х годах он сотрудничал в газетах и журналах, где печатал обзоры выставок, статьи о классике, музеях, архитектуре, очерки о современных художниках. Интересна серия статей Липота Хермана «Как писать тело человека» — ценнейшее пособие для художника. Несколько полемически острых статей о формализме. Он же вел в газете постоянный раздел «Весело о художниках» — юморески из их быта. И все это с собственными рисунками. Иногда Липот Херман просто давал серии красноречивых жанровых зарисовок, не нуждающихся в тексте.

Липот Херман обещает еще написать специально о живописцах-классиках:

— Не сочтите это за хвастовство, но я считаю себя верным их учеником, у них учился всю жизнь. А вообще-то я давно не садился за письменный стол. Еще много надо сказать кистью, разбрасываться уже не стоит.

Мы прощаемся, произнося традиционные слова «До встречи в Москве»: супруги Херман собираются быть у нас в будущем году.

Следующей встрече с одним из самых ярких современных художников Венгрии, Дьёрдем Конечни, предшествовало знакомство с его мыслями о творчестве: в журнале «Сабад мювесет» («Свободное искусство») только что появилась беседа с ним. Конечни прошел не совсем обычный путь. Окончив художественную школу живописцем, он на 20 лет «ради графики, против своего желания, оставил живопись». А ныне оставил полностью графику ради живописи, хотя за это время стал признанным мастером и одним из ведущих преподавателей графического факультета Художественного института.

— Теперь, в сорок пять лет, — говорил Конечни, — мне вновь улыбаются порывы юности. Я чувствую, что мне недоставало этих искренних порывов, драматических чувств... И разве не эти, неосуществленные, невысказанные искания живописцев довели у иных до крайности вычурность форм, рассчитанную на острую реакцию? Как нелепо все это, когда в самой современной жизни есть действительные конфликты, активные ситуации, драматические и героические эффекты!

После этой страстной отповеди формализму еще больше захотелось увидеть художника.

И вот мы в отдаленном от центра районе Будапешта, похожем на курорт своими холмами, садами, тихими улицами. Квартира Дьёрдя Конечни. Широкие окна выходят в сад, много света и простора. Переходим в огромную мастерскую. Всю ее центральную стену занимает полотно в четыре метра вышиною — будущее панно для нового вокзала в городе Секешфехерваре: паровозники тамошнего депо собрались на платформе, чтобы проводить в показательный рейс до города Мишкольца знатного советского машиниста Панина. Взволнованный теплой встречей, Панин берет из рук товарища фуражку венгерского паровозника, друзья желают ему доброго пути. Рядом последний просмотр карты пути, последние советы бригадира напарнику Панина. Паровоз сейчас двинется вперед, десятки лиц, старых и молодых, серьезных или смеющихся, оживляют картину. Натурщиками были сами машинисты. Огромное полотно состоит из 18 частей-картин, некоторые уже близки к завершению, на других нанесен абрис фигур, выписаны лишь лица, словно повисшие в воздухе.

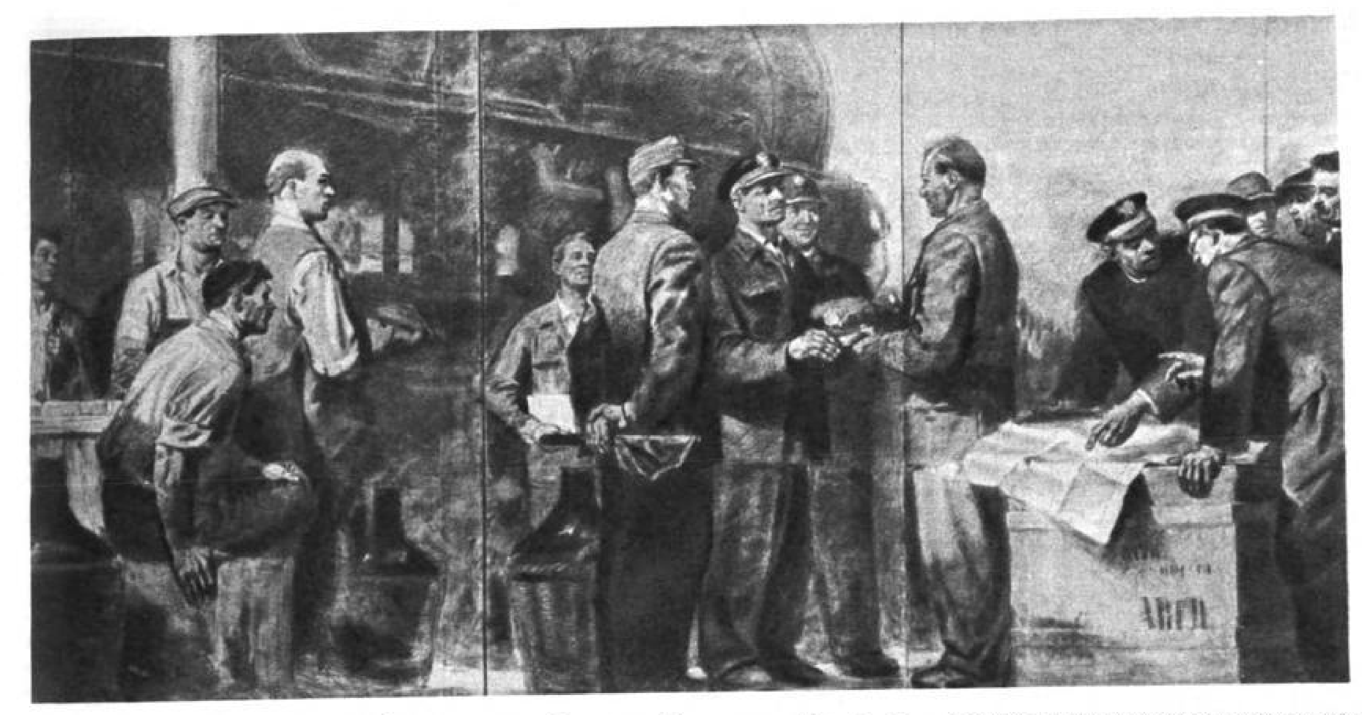
Конечни говорит:

— Никакой парадности, картина должна быть естественна и правдива. Я не искал здесь ни живописных пятен, ни броскости жеста.

И мы видим: все живет в этой мастерски, точно, выразительно, реалистически написанной композиции.

«Когда река выступает из берегов» — так назвал одну из последних своих картин Конечни.

— Это эпизод недавнего драматического события — наводнения, захватившего врасплох огромные массы людей, — говорит он.

Дьёрдь Конечни. Фрагмент будущего панно.

Такого же плана и другая картина Конечни, «На шахте Сухакалла». Здесь несколько лет назад случилась авария. Шахтеры были спасены, но семьям, товарищам и администрации пришлось пережить тяжелые часы. И опять удачно найденное художником композиционное решение, безупречный рисунок, чувство колорита.

Конечни не бесстрастный наблюдатель, да, кроме того, мы уже знаем, что он ищет больших чувств человека своего времени. Поэтому нас не удивила и картина Конечни «Наш завод». Какие здесь типы рабочих!

Конечни не пишет больше плакатов, но охотно показывает старые, сохранившиеся у него эскизы.

— Всего я сделал тысячу эскизов плакатов на разные темы. Далеко не все увидели свет: меня критиковали за «увлечение формой», хотя мне до сих пор кажется, что в плакате форма — дело существенное. И еще одно непременное условие — лаконичность.

Мы уходим от Дьёрдя Конечни, покоренные целеустремленностью этого художника, его активным влечением к темам, живо и непосредственно волнующим людей.

...Снова утонувшая в зелени окраина. В саду ощутимые признаки профессии хозяина: на ступеньках лестнички, ведущей в верхнюю часть двора, сохнут вылепленные из глины головы.

Андраша Бека мы застали в разгар работы. Не сразу согласился он снять влажное покрывало с тщательно укутанной статуи, изображающей его отца, выдающегося венгерского скульптора, умершего в 1945 году. Высокая, худая, чуть наклоненная фигура; движение руки, держащей молоток, выражение лица выдают большое напряжение художника. Пристальный взгляд, твердый подбородок, волевая складка у сжатых губ. Портрет отца удался сыну. У младшего Бека та же сила мускулистых рук, те же нервные, изящные пальцы, та же увлеченность работой...

«Секрет» скульптора — незаконченный памятник отцу — перестал быть секретом. Остальное сразу было открыто нашим глазам, и Андраш Бек, немного смутясь, ждал вопросов.

На возвышении — гипсовая статуя Ленина. Владимир Ильич в пальто, без шапки, в руке листки бумаги, лицо серьезное, чуть сошлись брови,— сейчас начнет речь... Рядом небольшая модель в глине — то же решение.

— Завтра жюри смотрит эту работу,— говорит Бек, отвечая на наши вопросы. — Конкурс, в котором участвуют трое ваятелей, подходит к концу. Столько волнений позади! Это так сложно — попытаться передать ленинскую простоту, человечность, отцовскую заботу о людях и в то же время мудрость гения и вождя!

Андраш Бек ведет нас в свой кабинет, или, скорее, музей,— столько здесь и моделей и готовых работ!

— Я много работал, искал разные решения темы «Ленин говорит с рабочими». Хотелось передать близость его к народу. К сожалению, лично я не видел Ленина, но мне кажется, за этот год и я стал ближе к его образу.

— Сколько часов вы отдаете работе?

— С утра до сумерек. Иногда и вечерний отдых становится работой: руки привыкли что-то лепить, я всегда держу рядом пластилин. Вот часа два назад сделал, — говорит Бек, показывая маленькую и необыкновенно выразительную жанровую сценку: привстав с колена, девушка гладит кошку; с ноги Жужи (так зовут девушку) свалилась туфелька.

Пытаемся по эскизу определить характер девушки: она капризная, часто меняется настроение?

— Да, вы угадали, — улыбается Андраш Бек.

На подставках, полках, этажерках бюсты и головы: советский скульптор Н. Томский (Бек сделал его портрет в бытность свою в Москве), композитор Бела Барток, писатель Дьюла Йени, певица Мария Базилидаш... Тут их много, знакомых, друзей, и в каждом портрете глубина психологической характеристики. А вот результаты других встреч: «Читающий рабочий» с одухотворенным лицом, затем «Сталевар из города Иноты», похожий на объятого страстью боя воина.

Миниатюра и многофигурная композиция, психологический небольшой портрет и строгий по формам, выразительный, мощный монумент — такова разносторонность дарования скульптора, при всем этом прочно стоящего на земле, отвергающего и ложно понятую патетику и холодную заглаженность.

Рождение киносатиры

В венгерской художественной киностудии идут съемки нового комедийного фильма, «Чудесный нападающий», по сценарию писателя Тибора Мераи. Ставит картину заслуженный деятель искусств Мартон Келети — ему принадлежат постановки многих венгерских фильмов. Присутствующие взволнованно обсуждают только что полученное известие из Карловых Вар: две венгерские кинокартины — «Пропасть» и «Кружка пива» — отмечены премией. Хорошее предзнаменование для участников создающегося фильма!

Автор сценария Тибор Мераи говорит, что в основу сюжета картины положено действительное, хотя и анекдотическое происшествие: некий авантюрист, находясь во Франции, выдал себя за участника сборной футбольной команды Венгрии. Проделка удалась благодаря шумихе, поднятой газетами и радио. Только на футбольном поле обман был раскрыт.

— Моя «Футболия», в которой развертывается действие, — говорит Мераи, — мифическая страна, где-то в Южной Америке. Футбол — главный интерес ее жителей, вопрос большой политики, он даже решает судьбы правительства. После неудачно прошедшего матча адмирал Дука решает «спасти страну от позора» и отправляется в Швейцарию, чтобы переманить центрального нападающего из находящейся там венгерской команды. По ошибке он заключает соглашение с неким авантюристом и везет его вместе с приятелем, таким же искателем приключений, в «Футболию»...

Мы слышали, что другой сценарий Тибора Мераи — «Палата № 9» — вызвал после выпуска картины споры.

— Да,— сказал Мераи,— «Палата № 9» была предметом острой дискуссии в нашем министерстве здравоохранения, там были недовольны тем, что показаны «плохие врачи». Думаю, что и у «Чудесного нападающего», в котором болельщики показаны в юмористическом освещении, найдутся свои противники. Таковы уж трудности комедийного жанра!

В павильоне, где снималась сцена в Швейцарии, мы с радостью увидели в роли одного из авантюристов артиста венгерской оперетты Камилла Фелеки. Артист так естественно и легко передает переход от страха к нагловатой самоуверенности искателя приключений, что все кругом улыбаются.

Фелеки просит передать привет артисту театра Моссовета Мордвинову, который ему очень нравится.

— Вы еще не забыли поездки в Москву? — спрашиваю я.

— О, нет! Московскую публику забыть невозможно. Мы много пережили у вас хороших часов.

На экране беснуется спортивный радиообозреватель: команда «Футболии» терпит поражение! Во все нарастающем темпе перечисляет он лучших игроков, умоляя «мальчиков» «сделать еще один гол». Но гол сделан... в ворота команды «Футболии», счет 2 : 0 в пользу противника. «Лучше бы я умер! — восклицает комментатор, хватаясь за голову.— Конец!»

Очень искренне, с теплым юмором сыграна сцена болельщиков.

— Футбол — это все... — говорит чистильщик сапог. — Я ни одной книги не читал, ни разу не был в театре. Все сапоги и сапоги! А дома вечные сцены с женой... Но приходит воскресенье... Новая игра! И мы становимся другими людьми. Вот это жизнь!

Массовые сцены будут сниматься на «Народном стадионе» Будапешта, где соберутся для этого случая три тысячи статистов.

Кадр из нового фильма «Чудесный нападающий».

Нам кажется, что этот фильм принесет еще одну удачу венгерскому кино в жанре комедии.

Венгерская киностудия невелика, работа ведется всего в двух павильонах. Но студия из года в год выполняет свой план в 11—12 полнометражных и несколько короткометражных картин. Обо всем этом нам рассказывают, перебивая друг друга, воспитанники московского института кинематографии Шандор Кё и Янош Тот. Скоро они приедут в Москву защищать свои дипломные работы.

Вышивальщицы Мезекевешда

Мезекевешд — городок-курорт невдалеке от Будапешта, славящийся горячими серно-бромистоиодистыми источниками, и в то же время центр сельскохозяйственного района. Есть и еще одна достопримечательность Мезекевешда — знаменитый «Дом матьо». Здесь работают вышивальщицы по холсту, шерсти, коже, отделывая ярким, своеобразным рисунком «матьо» национальную одежду. Женские платья, на которые идет до 30 метров ткани, отяжеленные вышивкой, хранятся в семье долгими годами, переходя от матери к дочери. Мужская одежда состоит из шерстяных или войлочных накидок, курток, украшенных, как и женские платья, вышивкой, тесьмой. В музее собраны образцы национальной одежды, которая теперь надевается, пожалуй, только участниками местного ансамбля песни и пляски.

В музее мы с огорчением узнали о смерти старейшей народной художницы Бори Кишьянко. Директор «Дома матьо» направил нас к другой народной художнице — Анне Тотх. Мы застали Анну дома: был воскресный день. Высокая и стройная миловидная девушка с умным взглядом темных глаз заведует в «Доме матьо» отделом народного творчества. Домик у нее ослепительно белый внутри, и только яркие вышивки, покрывающие табуреты и старинную печь, выделяются живописными пятнами. Анна рассказывает о себе:

— Училась у матери и у старой нашей мастерицы. Эскизы для вышивки рисую сама, чаще всего прямо на ткани. Моя бабушка еще писала гусиным пером, обмакнутым в разведенную сажу; потом у нас стали делать карандаши из древесного угля и воска. Я же пользуюсь обычным. Мотивы — различные цветы и травы — берутся с натуры, а часто это просто плод фантазии. Вот смотрите...

Анна Тотх взяла узкую полоску ткани, отточенный карандаш и, продолжая говорить с нами, быстро вывела цветок, другой — фантастическое соцветие с геометрически точными объемами.

— Теперь остается, — говорит она, — подобрать в тон нитки, матовую и блестящую шелковую, и начинать вышивку. Красный и синий цвета у нас главенствуют, берем и желтый — огонек, и цвета густого вина, и вишневый...

В «Доме матьо» сейчас только десять вышивальщиц, но их работы известны далеко за пределами Венгрии.

В «Доме матьо». Мезекевешд.

Шесть поколений мастеров

— Ручаюсь,— сказал знакомый журналист,— что такого музея, как в Шопроне — самом старом из старинных наших городов, — вы не найдете нигде...

Венгрия исключительно богата музеями. Но покинуть Венгрию, не увидев «Дом Шторно» — дом шести поколений чудесных мастеров,— показалось невозможным.

Первый взгляд на Шопрон — с городской башни на горе. Здесь когда-то городской страж наблюдал за окрестностями и трубил, извещая о приближении неприятеля. Добросовестно отсчитываем ступени и с 25-метровой вышки любуемся панорамой широко раскинувшегося в долине «города готики и барокко».

Направляемся в музей Шторно, и, конечно, с остановками. Сначала дом, у которого юный солдат Петефи стоял на карауле. Музей Листа. Через «Ворота верности» попадаем в старую часть города. Узкие улочки, дворы с арками и лоджиями, мощенные плитами, дома с деревянными воротами, украшенными резьбой, фронтоны с барельефами, гербами, орнаментами. На тротуаре на раскладных стульчиках устроились художники; на листах картона акварельной кисточкой они воспроизводят этот уголок города.

И вот «Дом Шторно». Во дворе колодец и сток для воды, дом густо увит плющом снизу доверху. Старые каменные ступени лестницы преграждают чугунные резные ворота. Плакат: «Венгерский Народный музей. Находится под охраной Министерства просвещения».

Нас приветливо встречает высокий, худощавый старик — хранитель музея Микса Шторно, представитель четвертого поколения семьи, создавшей это великолепное собрание. Переходя из комнаты в комнату, знакомимся с историей рода. Самый древний — Питер Шторно, мастер-трубочист и, как и все в этой семье профессионалов-мастеров, художник-любитель. Один из его внуков, Ференц Шторно, тоже трубочист, родился около 1886 года в этом же доме — доме потомственных трубочистов, кузнецов, столяров, деревообделочников и т. д. — творцов, собирателей произведений искусства.

Произведения искусства — это не то слово, думаете сначала вы. Здесь скорее изделия народного творчества, художественно выполненные предметы утвари. Но потом вас удивляют... ворота 1600 года, вделанные в стену одной из комнат. Присмотревшись, вы мысленно благодарите мастера, влюбленного в жизнь и в искусство подобно бессмертному Кола Брюньону и сохранившего для многих следующих поколений людей это чудо резьбы по дереву. Как много печей в этом доме! Но каждая — и та, что из белой, как снег, керамики, и другая, вроде камина, выложенная темными плитками под чугун, и третья, изумрудно-зеленая, и четвертая, украшенная скульптурой какого-то короля из дома Габсбургов, с характерными, выпяченными губами и тяжелым подбородком,— вызывает невольное восхищение. Двери здесь не только отделяют комнату от комнаты: они вделаны тут и там в стены, и каждая кажется чудом. Много утвари, связанной со средневековым бытом ремесленных цехов: свинцовые кружки всяких размеров с фигурными ручками и ленточкой орнамента — это меры объема, на каждой знак цеха. Инструменты для клейма, похожие на сахарные щипцы великанов. Дорожные ларцы цеховых мастеров с резьбой по оловянной пластине, крышки и ключи к ним, похожие на круглую ракетку настольного тенниса. На одной из шкатулок знак портновского цеха 1786 года. На другом ларце знак горного мастера, на третьем — кожевника, а внутри набор инструментов. Кружка-копилка цеха, в которую опускался штраф с нарушителя цеховых правил. Безмен «Мирлай», огромный, как палица. Тут же старинная кухонная печь под названием «Собака-огонь». Разнообразного назначения мебель, выполненная умельцами, в том числе и членами семьи Шторно... А вот шкаф с инкрустацией (1700 год) работы слесаря Шнеллера; его наследники и сейчас живут в Шопроне и тоже работают слесарями. В шкафах, буфетах, комодах имеются тщательно заделанные небольшие ящички с секретным запором: это личное и неприкосновенное хранилище хозяйки.

— Во все времена,— говорит Микса Шторно,— женщины имели секреты от своих мужей. Вероятно, повелось это еще со времен Адама и Евы...

Мы просим Миксу Шторно рассказать нам о его деде и отце. Он охотно соглашается:

— Начало музею было положено одним из моих предков по отцовской линии, Ференцем Шторно, более 250 лет назад, около 1700 года. К тому времени это была уже солидная коллекция. Как она образовалась? Каждый в роде свободное от работы время отдавал либо художественной обработке дерева, либо живописи, или другому какому-нибудь искусству. Часто начиналось с подражания — попыток воспроизвести понравившуюся вещь или сделать новую, получше. Из года в год каждый член семьи пополнял семейный музей. Ференц-старший любил реставрировать, каждый раз улучшая формы отделки. Он пробовал свои силы во многих жанрах. Вот его гравюры — иллюстрации к книге Шандора Кишфалуди. А вот несколько панно отца, он писал их маслом по дереву, на тему «Времена года». А вот натюрморт отца.

Ворота «Дома Шторно».

И мы восхищаемся сочностью красок. Приглядываемся ближе: необычна сама техника живописи — очень толстым, плотным слоем. Удивительна при этом выписанность деталей, тонкость передачи цветовых оттенков. Это был настоящий художник!

В музее много витражей. Их делал на продажу отец хранителя музея. «Музы» — называются четыре витража, изображающие покровительниц музыки, архитектуры, скульптуры, живописи. Музы эти — типичные представительницы современной автору среды, и это тоже говорит в пользу реалистического искусства Шторно.

— Говорят, что все Шторно связаны и с ремеслом и с искусством. А в вашей, лично вашей семье как?

— Так же, как и раньше,— улыбается Микса Шторно.— Традиция семьи не меняется. И мои дети всем сердцем служат обоим богам — производству и искусству. То же будет и у моих внуков.

— Почему вы так уверены в этом? Молодежь теперь стала другой. Кто поручится, что молодое, шестое поколение изберет ту же дорогу?

Но нынешний глава семьи Шторно, не колеблясь, повторил:

— Традиция семьи остается неизменной.

Мы горячо благодарим хранителя за интересную беседу, и за нами закрывается сначала одна, потом другая дверь, потом резные чугунные ворота на лестнице, потом — еще одни, ведущие на улицу.

* * *

Талантливый венгерский народ, как святыню, бережет памятники и создания своей многовековой культуры. Это входит в плоть и кровь каждого с детских лет. Поэтому вы здесь не встретите «незнаек», наоборот: и малый и старый охотно расскажут вам историю любого памятника, любого старинного дома, назовут имена, с ним связанные. И при этом каждый непременно проявит особую теплоту дружеских чувств к приезжему из Советской страны.

Хутор за Третьяковцами

Я. ФОМЕНКО

Рисунок Г. ХРАПАКА.

В правлении колхоза имени Молотова, в деревне Ёдки, представителю из Минска сказали:

— Болеслав Косяк — тот и покажет и расскажет. Что ходок, что говорун — не остановишь. И все хуторы знает...

Приезжий из Минска захотел посмотреть, как живут хуторяне западных областей республики. И вот идут они по тропе через редкий кустарник: впереди — бригадир Косяк, за ним — приезжий. Обоим за пятьдесят, но идут они бодро, несмотря на жару. Только походки разные. У приезжего — широкая, спокойная. Он будто меряет своими длинными ногами путь. А Косяк частит семенящим шагом, неутомимо загребает носками скошенных внутрь сапог мелкий, как мука, песочек и без умолку говорит:

...— Чтоб вы одеколон в хате нашли? Та ни боже мой! От пана Колесинского за три версты пахло, а от нашего брата... Разве, когда чесноку поешь... Спросите, была у кого швейная машина? Или вот гляньте себе под ноги. Что то есть?

Приезжий смотрит на змеящиеся узкие следы велосипедных шин и догадывается, о чем поведет дальше речь словоохотливый спутник.

— У меня теперь в хате радио, — продолжает бригадир, — часы с боем на стене, гармонь, два велосипеда: мой и сына. Подумаешь, богатство — велосипед! Коло колхозного правления загороды не хватает — ставить этих коней.

Косяк знает, зачем приехал человек из Минска, и рад случаю рассказать «все, как есть». Вплетая в свою торопливую, как и походка, речь русские, белорусские и польские слова, он выкладывает все, что, по его мнению, должно интересовать гостя.

— Возьмите нашу фамилию. Раньше в чем ходили? В домотканном. А теперь — ого! — подавай фабричный шелк да капрон. В будни одеваются, будто в праздник. Не подумайте — не хвастаю. Я такой человек: плохо — скажу, плохо, а когда хорошо — говорю, хорошо. Кто раньше вступил в колхоз, тот лучше живет. Дай бог, чтоб никто не сглазил нашу жизнь.

Приезжий деликатно возражает:

— Видите ли, у вас передовой колхоз, а рядом, соседи ваши, туговато живут.

— А-а-а! — многозначительно тянет Косяк. — Робили б так, как мы робим.

Впервые за всю дорогу бригадир останавливается и, подбоченясь, с торжествующим видом поворачивает к спутнику загорелое, крупноносое свое лицо.

— Найдете в районе еще такое поле?

Метрах в пяти стоит рожь до пояса высотою, колосок в колосок. Сколько достает глаз — нигде ни соринки.

— Нашей, четвертой бригады, — не без гордости сообщает Болеслав Косяк.

Теперь они идут вдоль поля. Несколько минут бригадир идет молча, притихший, и вдруг в конце поля внезапно бросается в сторону с криком:

— Ты что делаешь?! Что ты делаешь, нечистый дух?!

Забредший в рожь под видом бурого теленка «нечистый дух» поднимает хвост торчком и пускается наутек. Размахивая хворостиной, улепетывает перепуганная неожиданным появлением бригадира девочка-пастушка.

— Жизни нету от них! — со слезой в голосе восклицает Косяк. — То телята, то кабаны, то куры, то гуси... Могу я усторожить? А все хуторы — провались они под землю! Стоят среди поля. Трактором их объезжай, дорогу на все четыре стороны выводи, выпасы давай. Не жизнь — одни скандалы.

Исчезла у бригадира приветливость. Перед приезжим — ворчливый, желчный человек.

Молча они вошли в деревню.

Единственная улица в Третьяковцах вымощена крупным булыжником. Вымощена неровно, неодинаково. Сразу видно: разные руки по кусочкам мостили ее на разный манер. Так и было: каждый житель собирал с поля камни и по собственному вкусу замащивал участок против своего двора.

Может быть, потому, что улица единственная в Третьяковцах, деревня показалась приезжему из Минска неестественно вытянутой в длину. Сдвинуть бы дома поближе друг к другу, поставить, как им положено стоять, была бы деревня-деревней. А так, словно редкозубая стариковская улыбка, выщерблена и по верхнему и по нижнему порядкам. Дом — прогалина, еще дом — и опять прогалина без построек, без изгородей и ворот. Лишь старые липы кое-где напоминают, что здесь когда-то жили люди.

Было время, и Третьяковцы выглядели совсем обычно. Люди жили забор к забору, двор ко двору, Косяки возле Гришелей.

Потом, году в двадцать девятом, еще в старой Польше, началась «панская политика». Жил тут пан Колесинский. Его земли острыми клиньями врезались в крестьянские наделы, окружали их, словно вражеские полчища. Пану не нравилась чересполосица, зато нравились окультуренные нивы хлопов. За спиной пана стояло правительство из таких же панов, только покрупнее. Стоило Колесинскому заявить, что хлоп порушил границу, задел плугом межу, — и судья, выслушав наемных свидетелей, признавал хлопа виновным. У него отрезали часть земли.

Так раскорчеванные дедами, политые крестьянским потом десятины сжимались, а владения пана росли.

Хлопам не оставалось ничего иного, как сниматься с насиженных мест. «Щедрые» землеустроители нарезали хуторянам землю

с «надбавкой» за счет болот, песков и зарослей. И снова Косяки и Гришели очищали от валунов, осушали и корчевали скупую на плоды и злаки землю. Так было не только в Третьяковцах — во всей округе.

Не один произвол — и тонкий расчет входил в панскую политику. Хлопов отдаляли и отделяли от города, от школы, друг от друга, соблазняя «самостоятельным хозяйством», тревожа душу мелкого собственника заморским званием фермера. Были такие Косяки и Гришели, что поверили в легенду о хуторском благополучии. Они не жалели сил на устройство, а чтобы скорее «выйти в люди», брали «помощь» в банках и оказывались по уши в долгах. Не приди Советская власть — многих «самостоятельных» продали бы с молотка за неуплату процентов.

Нет больше Колесинских. Колхозный век на западных землях Белоруссии отсчитывает уже второе пятилетие. Пора бы распроститься с былыми заблуждениями. Ан нет! Сидит еще в душе гнилая заноза.

В одной из деревень представитель из Минска остановился возле могучей липы. Хороша красавица! Жить бы ей целый век и соревноваться в росте с дубами и ясенями! Увы, не судьба ей мериться осанкой со своими собратьями. Еще шумит на ветру густая крона. Еще прохладно в ее тени. Но скоро зеленая великанша угаснет, как чахоточный больной: завянет листва, иссохнут ветки, и вместо дерева-украшения останется на колхозном лугу деревянный скелет. Липа обречена. Чья-то рука с жестокосердным искусством окорила ствол у самого подножия. Не текут к вершине живительные соки земли.

Кто-то из колхозных активистов, сопровождавших представителя из Минска, осторожно высказал подозрение, назвав имя старика-хуторянина, упрямца из упрямцев, живущего по правилу «Если не мне — никому».

Подозрение не доказательство, но присутствующие согласились, что не всякий решится погубить посаженное собственными руками дерево. Нужен «особый характер». Про старика же говорили: «Он такой. Скорее отрубит себе руку, чем протянет ее кому-нибудь в помощь».

И вот такой «характерный» дед умертвил «свое» дерево, чтоб оно не красовалось на радость другим людям. Умертвил, закрыв глаза и не взглянув, что рядом поднимается молодая поросль и будет она куда краше, нежели одинокая липа на его старом подворье.

Так в диком и до смешного безнадежном мстительном поступке приезжий увидел и почувствовал, что такое «хуторские настроения». Он рассказал об этом случае бригадиру и спросил:

— Много у вас таких хуторян?

— Таких? — задумался Болеслав Адамович Косяк. — Не много, но встречаются. Разные хуторяне бывают. Я тоже живу на хуторе.

Вездеход послушно остановился у дощатого забора.

Первым из машины вышел бригадир, затем приезжий и последним, чуть заметно приволакивая раненную еще на Хасане ногу, сидевший за рулем председатель колхоза Василий Кузьмич Сливкин.

— Вот вы и в гостях у меня, — объявил Косяк. — Посмотрите мой хутор. Тут все: квартира, штаб бригады, ресторан для трактористов и дом отдыха.

Посреди двора корабельной мачтой высится громоотвод. Возле него лежат хомуты. Рядом — колодец с такой близкой водой, что, кажется, нагнись и пей. Близ колодца нежатся в грязи две дородные особы с розовыми пятачками на любопытных мордах. У сарая рвется с цепи и хрипло лает овчарка. Лает больше от радости, чем от злости. Когда приезжий подходит и протягивает руку, пес дружески подает лапу.

Дом и огород отделены от двора низким частоколом. Выкрашенный в голубой цвет дом похож на спрятавшуюся в зелени веселенькую дачку.

— Чем же вы недовольны, Болеслав Адамович? — спрашивает хозяина приезжий.

Бригадир, будто не расслышав, обращается к жене:

— Марыся, у нас гости.

Есть женщины, матери семейств, умеющие до зрелых лет сберечь легкую поступь и стройность девушки. Посмотришь на них — даже морщинки не портят моложавого лица.

Такою выглядит хозяйка хутора. Приветливо поздоровавшись, она приглашает мужчин пройти из кухонки-передней в комнаты.

— Вы интересуетесь, чем я недоволен? — переспросил Косяк, подвигая стулья. — Нечем будто, правда? Может, оно и так, если по-старому рассуждать. Хата лучше, чем у многих. Кормимся сытно. Раньше у нас была поговорка: «Хлеба прикупишь — жить можно». Лично я теперь не прикупаю. Заработал почти полторы тонны зерна. Не об этом, я считаю, говорить надо. Извините, большой разговор за пустым столом неловко вести.

Он вышел, чтобы посоветоваться с женой, чем угощать гостей.

— Интересно тут работать, но очень трудно, — заговорил Василий Кузьмич. — Особенно на первых порах. Я уже шестой год председательствую, знаю, кто чем дышит, как настроен, а тридцатитысячникам, да если они еще из восточных областей, на каждом шагу диковина. Колхозы тут на двадцать лет моложе, чем у нас. Думаешь иногда: другая эпоха! Я родом алтаец. У нас забыли слово «единоличник», а тут есть еще единоличники. Любопытно иногда получается. Заявляются и просят: «Товарищ старшина, дай, пожалуйста, на семена бульбы». Отвечаешь: «Вы же не колхозники, ругаете, наверно, нас, а бульбы просите». «Ругаем,—говорят,— а все-таки знаем: не откажете». И действительно, откажешь разве? Или так: «Товарищ старшина, за досками к тебе пришел. Бабка померла, хорошие доски нужны. Хочу захоронить получше». Тоже даешь. Как что — в колхоз. «Вы,— говорят,— миллионеры»...

Косяк возвратился, неся с полдюжины бутылок пива.

Издалека начался «большой разговор». С тех времен, когда на месте, где стоит голубой домик, была землянка, выстроенная в болотистой низине Адамом Косяком. Отец бригадира, как и многие жители Третьяковцев, переселился на хутор с мечтой о сытой, без притеснений жизни. Пусть болото, пусть глушь, а все-таки сам себе хозяин. Шло время, а «фермер» Адам Косяк продолжал жить в землянке. Только сыну удалось построить вот эту самую голубую хатку. Произошло это уже «за Советами».

— Хата неплохая, — говорит Косяк. — И добро в хате завелось. А вот эту штуку видите? — показывает он на керосиновую лампу. — Кто мне сюда электричество даст? Кто такой Болеслав Косяк, чтоб ему индивидуальный кабель тянули? Может, он такой миллионер, захочет — и трамвай ему сюда пустят? Кто мне тут кино будет показывать? Да ко мне добраться весной и осенью немыслимо! Я сам в болотных сапогах едва ноги из грязи выдергиваю. Вот так и живешь наполовину в новом, наполовину в старом. Сидишь в берлоге медведем, хотя интересы, между прочим, и привычки уже не медвежьи. На людях лучше себя чувствуешь. В чем соль, поняли?

Не забывайте, я не только в кино хочу пойти, электричество иметь. Я хочу в универмаг не ездить, а ходить, детей в школы, сады и ясли отдавать, доктора на случай болезни под боком видеть. Я работаю. Нужно оповестить всех во-время, собрать с хуторов, распределить на работы, уберечь урожай от потрав! И вот гоняешь, гоняешь на велосипеде, потом надоест педали крутить, как примешься на своих на двоих бегать! Не подсчитывал, но я за свое бригадирство, наверно, вокруг Земли уже не раз обошел. Вот что значит хуторы.

Знаю, чему вы улыбаетесь. Думаете: говоришь против хуторов, а сам сидишь в голубой хатке, жалко тебе ее бросать. Да я такую же голубую в Третьяковцах, в Едках, а то и в самой Лиде построил бы. Облюбовал я участок в Третьяковцах, а меня сосед обогнал. Тоже Косяк, и тоже Болеслав. Только у меня отец Адам, а у него — Станислав. Вы к нему заходили, помните?

Вот послушайте, как получилось. Те Косяки тоже в Третьяковцах жили. Старый Станислав музыкант был хороший, между прочим. И старшего сына, Болеслава, обучил на скрипке играть. И скрипку свою ему в наследство оставил.

Так вот... Станислав умер, а сыновья его не поладили между собой. Не так они сами, как жены. Старший брат, Болеслав, работящий, смирный, говорит Вацлаву, младшему: «Давай, мол, переселимся обратно в Третьяковцы. На что нам хутор? Поставим две хаты. Я тебе помогу, ты — мне». А Вацлав отвечает: «Не нравится тебе хутор — забирай скрипку и уходи. Мне и на отцовом месте хорошо».

Так и разошлись. Вацлав живет на хуторе, а Болеслав кончает дом в Третьяковцах и никак не достроит. Красивый дом, ничего не скажу. А сколько он строит его? Второй год. То лесу не хватает, то кровли, то подвезти нечем...

...Я не обижаюсь на тезку, — продолжает бригадир. — Места и мне хватит. Только вот что. При председателе скажу, не постесняюсь. Желающие сселяться с хуторов найдутся. Неправда, будто мы так приросли, что не оторвешь. Людей умных больше, чем глупых. А умный понимает, где лучше — на хуторе или в большой деревне. Но вот вы скажите, Василь Кузьмич: придут к вам завтра двадцать — тридцать хуторян и скажут: не желаем, товарищ старшина, на болоте жить.

Сколько мой тезка ходил, напрашивался: бросаю хутор, бросаю хутор... Много колхоз сделал ему? Одному?! А тут десятки, может, сотни придут. Обществом за это браться надо! Не иначе, как обществом!

— Верно! — согласился Василий Кузьмич. — Всерьез мы еще не брались. Признаться, страшновато. А решаться надо.

— Надо! — подтвердил Болеслав Адамович.

Представителю из Минска понятна была озабоченность Василия Кузьмича. Даже очень решительному человеку, а таким, несомненно, является председатель колхоза имени Молотова, есть о чем задуматься. Необходимость переселения с хуторов более чем ясна. Хутора распыляют силы, усложняют руководство.

В колхозе около полутысячи крупного рогатого скота, овцы, свиньи, птица. Создаются большие фермы, а доярки, свинарки, птичницы живут за тридевять земель.

— Строим животноводческие помещения, — вслух рассуждает Василий Кузьмич. — Стройматериалов не всегда хватает. Как же взять на себя еще заботу о хуторах? Не можем же мы предложить им, например, солому для крыши? Строить, так строить культурно. Значит, доставай железо, шифер. А у нас такая потребность в них для колхозных построек, что всех фондов района не хватит. Вот тут и задумаешься. Деревню тоже ведь надо благоустраивать, правда? Переселится хуторянин... А что он выиграет? Вот и строим клуб в Едках. И кино будет, и лекции, и самодеятельность...

Надолго затянулся разговор в голубой хате.

Приезжий остался ночевать на хуторе. Все уснули, а он сидел и писал. Если бы кто заглянул в его блокнот, мог бы прочесть: «Одностороние мы судим о настроениях хуторян... Есть деды-упрямцы, и есть люди, которые хотят по-новому жить. Кто сильнее? Ясно — не старики, тайком портящие деревья... Много говорим об отсталых настроениях... Мало делаем, чтобы практически поддержать желание выбраться из хуторской глуши... Как мы любим крайности! Находятся прожектёры, разглагольствующие о массовом переселении... Так сказать, одним махом... Лучше бы они подсчитали силы колхозов, учли возможности самих хуторян, занялись планировкой деревень и позаботились о лесе, шифере и гвоздях... Говорят о массах, а массы не видят... Что ответят в райсовете, если туда явятся сто хуторян и заявят: «Бросаем хутора!»?..»

Утром, выйдя во двор, приезжий увидел там бригадира. Он успел уже побывать во многих местах и стряхивал пыль с одежды.

— Дождик собирается,— сказал Косяк, показывая на шедшие со стороны Балтики тучи. — Вот положение: ждешь его и боишься. Радость и огорчение вместе входят в сердце. Раскиснет мое болото — ни на велосипеде, ни пешком... Такая жизнь...

Вскоре по крыше голубой хатки забарабанили крупные капли обильного дождя.

Лидский район, БССР.

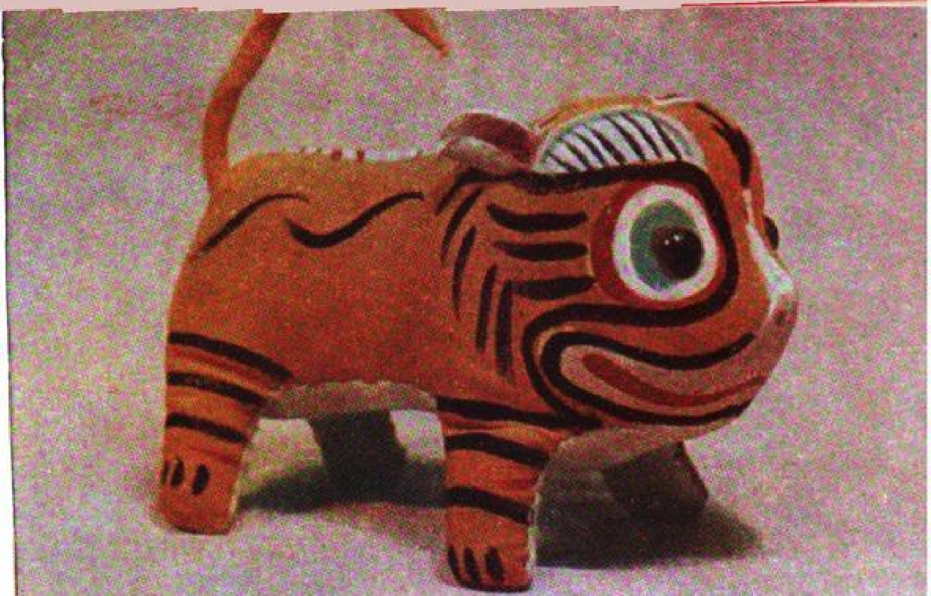
Журавль. Из глины и перьев.

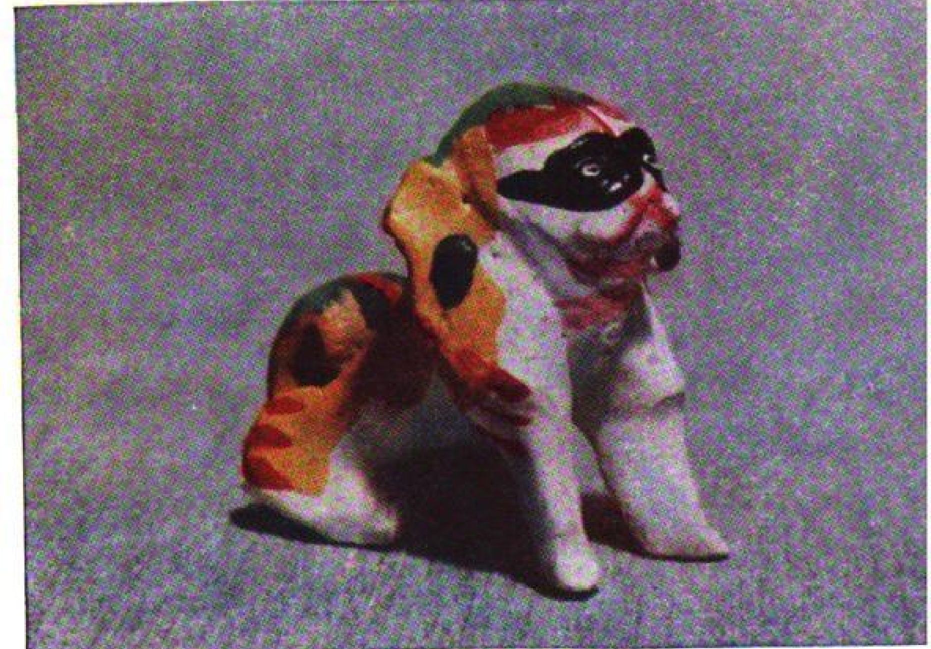
ИГРУШКИ НАРОДНЫХ МАСТЕРОВ КИТАЯ

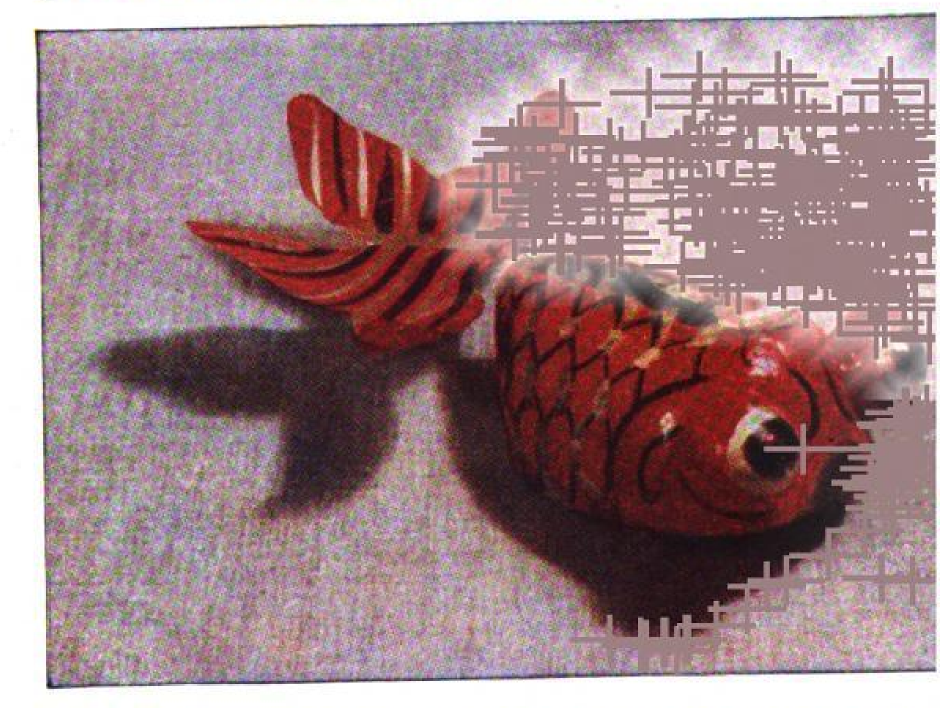

Петух. Из крашеной соломы.

Справа, сверху вниз: 1. Тигр. Мягкая набивная игрушка. 2. Пекинская собачка. Из необожженной глины. 3. Золотая рыбка. Папье-маше. 4. Современные игрушки, изображающие типы феодальной эпохи: женщина, ученый, купец. Из необожженной глины.

Танец дракона. Аппликация на шелке, посвященная Празднику весны.

Бабушка и внучек. Молодая крестьянка. Из рисового теста.

Пройдитесь по улице Ванфуцзин в центре Пекина; она не менее многолюдна, чем улица Горького в Москве или Невский проспект в Ленинграде. В каждой из нарядных витрин магазинов вы обязательно увидите игрушки из дерева, металла, соломы и глины. А попав на Ванфуцзин, никак нельзя не зайти и на Дунъань шичан — громадный крытый рынок внутри квартала. И здесь в магазинах и ларьках на прилавках горой лежат игрушки. И все же наиболее популярны традиционные народные игрушки.

Китайские мастера создают из самой обыкновенной необожженной глины, из волокон конопли, из соломы, проволоки, бумаги, ваты, папье-маше или расщепленных стеблей гаоляна подлинные чудеса. Игрушек из необожженной глины особенно много: свистульки в виде птиц, собачек, плодов, человечков, горшочки с цветами, рыбки, звери и птицы на колесиках, свинки, хлопающие ушами на пружинках. А вот в руках продавца журавли—любимые птицы в Китае. Если подергать за нитку, на которой висит птичка, крылья трепещут, головка покачивается: журавль летит!

Каждый знает, как сделаны «ежики» для мытья бутылок; таким же способом делают здесь игрушки из конопли. Вместо жесткой щетины двумя тонкими проволочками перевивают расчесанные и ярко окрашенные волокна конопли. Из таких «ежиков» получаются затем обезьянки, тигры, гуси.

Народные художники в миниатюрной скульптуре-игрушке охотно используют рис. Специальный клейкий рис дает при разваривании вязкую, тягучую массу; она идет и на приготовление различных сладостей и на игрушки. Мастер обычно носит с собой в ящике кусок неокрашенного теста и набор разноцветных «колбасок» краски. Фигурки он лепит на ходу. Чтобы тесто не сохло, его прикрывают влажной тряпкой. Все делается на глазах у покупателей удивительно быстро при помощи плоских роговых палочек разных размеров. Бронзовым порошком расцвечивается одежда фигурок.

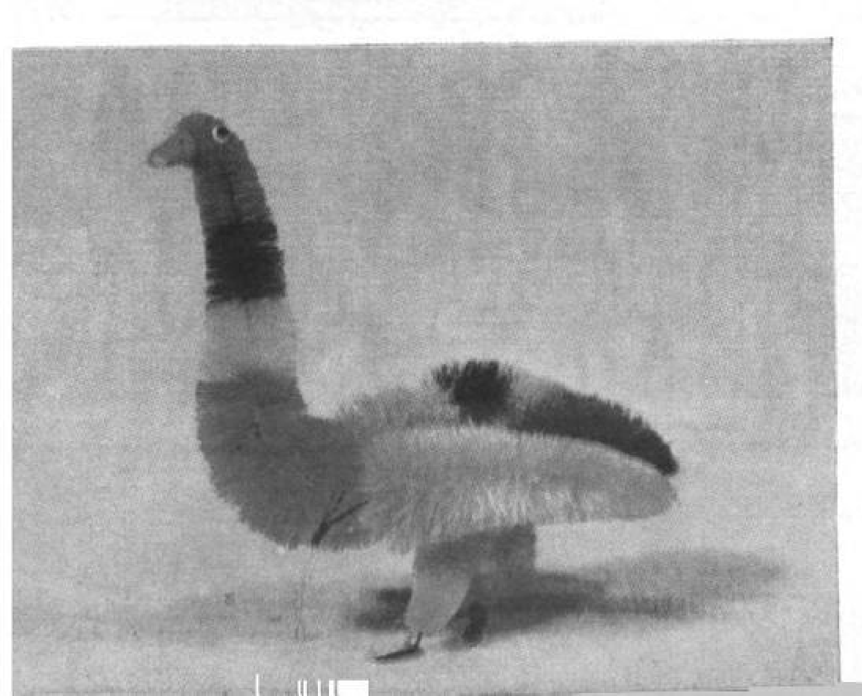
Когда мастер Чэн, выходец из уезда Чаочжоу, провинции Шаньдун, у которого я приобрел несколько изделий, узнал, что его игрушки попадут в СССР, он созвал своих земляков. Мастера расположились на складных скамеечках вокруг неизменного горячего чайника и принялись за работу. И через короткое время были готовы партизан, бабушка с внуком, девушка с корзинкой, различные популярные оперные персонажи в цветистых костюмах и красочном гриме.

Родина Чэна — Шаньдунский полуостров — с давних времен славится производством плетеных изделий из пшеничной и рисовой соломы, из гаоляна и тростника. В зимнее время этим подсобным промыслом занимаются чуть ли не все крестьяне, старые и малые, женщины и мужчины. Когда на ярмарку в город крестьяне привозят свои красивые игрушки, к ним бывает трудно пробиться.

Мы возвращаемся с ярмарки, которая ежегодно устраивается возле старого храма Пантаогун, в восточной части Пекина. Каждый встречный несет что-нибудь для своего ребенка. Вот улыбающийся папа с тростинкой в руке—на конце ее раскачивается на нитке празднично украшенная лодка. А вот на руках у матери малыш восторженно размахивает плетеной булавой с красными пятиконечными звездами и звонким голосом кричит: «Баовэй хэпин!» («Защитим мир!»).

В. СТАРИКОВ

Сяо Энь, персонаж оперного спектакля, ловит рыбу. Из рисового теста.

Гусь. Из волокон конопли. Клюв и лапы из теста.

ПО СЛЕДУ

Д. ХРАБРОВИЦКИЙ, В. ВЕДЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Основой для настоящего повествования послужили действительные события и факты. Изменены лишь имена и фамилии действующих лиц.

1

Виктор Шутов сидел в дежурке девятнадцатого отделения милиции Москвы и слушал, как старший лейтенант докладывал по телефону обстоятельства его дела. Час тому назад трое неизвестных, сев в такси, принадлежащее второму таксомоторному парку, под угрозой оружия ограбили шофера Шутова, а затем, выбросив его на ходу, угнали машину. В изложении старшего лейтенанта все получалось как-то незначительно: сели, ограбили, угнали...

Длинная скамья, на которой сидел Шутов, была по-вокзальному неуютной, лампочку на потолке засидели мухи, в помещении пахло сыростью и дезинфекцией, и от всей этой холодной обстановки Шутова охватила какая-то тоска. Он снова деталь за деталью перебирал в памяти печальные подробности прошедшего вечера.

Первым пассажиром был мужчина средних лет. Он сел на стоянке у Белорусского вокзала и доехал до улицы «Правды». Счетчик набил три рубля. «Надо же, на такое расстояние — и нанимать такси!» — разозлился Шутов.

Вторыми возле гостиницы «Советская» сели юноша с девушкой.

— Куда? — спросил Шутов.

— Все равно, — ответил юноша. Потом, подумав немного, добавил: — Пожалуй, лучше всего по Садовому. — Он наклонился к самому уху водителя: — Понимаешь, такое уж дело, негде посидеть вдвоем. Тебе же все равно, куда ехать?

В конце концов юноша был прав: действительно, какое дело ему, Шутову, до маршрута. Лишь бы счетчик работал.

Минуты на три их задержали у светофора, потом машина вырвалась на прямую, как стрела, магистраль Ленинградского шоссе. У площади Маяковского Шутов сделал правый поворот и, не торопясь, поехал по Садовому кольцу.

Не доезжая Зубовской, он случайно поднял глаза и увидел в зеркальце, что на заднем сиденье целовались. У Калужской площади он еще раз взглянул в зеркальце. Картина не изменилась.

«Интересно подсчитать, — подумал Шутов, — во сколько им обходится каждый поцелуй?»

Возле Курского юноша стал расплачиваться. У него едва хватило денег: последний рубль пришлось отсчитывать мелочью.

Было без пяти девять, смена только началась.

Кто-то энергично рванул на себя дверцу, и в машину протиснулся молодой человек. Сзади сели еще двое.

— На Ярославское, к Северянину, быстро! — Парень поднял воротник, устраиваясь поудобнее. У него были светлые волосы, выбившиеся из-под кепки. Через всю щеку наискось багровел глубокий шрам.

Свернув у Красных ворот и проехав мимо Комсомольской площади, Шутов по Переяславке выехал на Первую Мещанскую. Миновав мост за Рижским вокзалом, он прибавил газу.

Промелькнули площадь возле главного входа на Сельскохозяйственную выставку, новый мост у платформы Северянин. Шутову становилось не по себе...

Проехали еще пять километров.

— Ну? — спросил Шутов.

— Пожалуйста, направо.

Шутов свернул вбок от шоссе.

— Кажется, приехали.

Машина стала. Вокруг не было ни единого дома. Где-то метрах в трехстах тускло мерцал одинокий фонарь.

— Семнадцать рублей, — сказал Шутов и вдруг увидел, нет, скорее ощутил направленное на него дуло пистолета.

— Не рыпаться!

Предупреждение было излишним. У Шутова похолодела спина.

В это мгновение кто-то с силой рванул его назад. Шутов очутился на заднем сиденье. Ему заломили руки за спину и, повалив на сиденье, уселись сверху.

Развернувшись, машина вновь мягко понеслась по асфальту. Очевидно, парень со шрамом сел за руль. Они ехали обратно в город — это было единственное, что мог определить Шутов. Остальное осталось вне поля зрения: он лежал на сиденье, лицом вниз, уткнувшись подбородком в кожаную подушку.

Он покорно дал обыскать себя. Потом с него стащили пальто, пиджак вместе с документами...

Ехали молча. Тормозили у светофоров. Только однажды сидевший сзади заметил:

— Аккуратнее, здесь нет левого поворота!

Машина замедлила ход. Шутова подняли.

— Вывалишься — не вздумай кричать, — обернувшись, предупредил парень со шрамом. — Пикнешь — заработаешь пулю.

Шутов с размаху ударился об асфальт. Машина прошла в десяти сантиметрах, едва не задев его задним колесом.

За углом прогромыхал трамвай. Там начиналась Трифоновская. Шутов дошел до угла. У остановки стоял милиционер. Прихрамывая, Шутов побежал к нему.

Все, даже эти заключительные подробности были запечатлены в протоколе. Сущность дела в более сжатой форме старший лейтенант доложил дежурному по городу.

Выполнив необходимые формальности, он счел свою миссию законченной, встал из-за стола и подошел к Шутову.

— Можете быть свободны, гражданин Шутов. Если понадобитесь, вас вызовут.

— А машина? — упавшим голосом спросил тот.

— Будут искать. Между прочим, у вас есть деньги, чтобы доехать до дому?

Денег у Шутова не было. Дежурный порылся в кармане и протянул трехрублевку.

— Берите, да не стесняйтесь, чего уж тут! Как-нибудь, случаем, завезете.

2

Дежурный по городу майор милиции Василий Логунов доложил о случившемся дежурному по главному управлению и принял первые меры. Всем постам ОРУДа, находящимся в черте города и на прилегающих шоссе, был передан приказ о задержании автомашины «Победа ЭЖ-01-17».

Однако в течение пяти последующих часов машины с подобным номером замечено не было, хотя даже у тех светофоров, которые на ночь переводятся на автоматическое действие, были усилены милицейские посты.

В половине третьего ночи Логунову доложили о крупной квартирной краже, совершенной в новых домах в районе Каширского шоссе. Преступники скрылись на автомашине «Победа», обстреляв постового милиционера. Но тому все-таки удалось записать номер машины — «ЭЖ-22-08».

На место кражи выехала дежурная опергруппа Московского уголовного розыска.

Дом был одиннадцатиэтажный, построенный в форме буквы «П». Квартира, принадлежащая инженеру Лосеву, находилась на восьмом этаже. В подъезде работал лифт и круглосуточно дежурила лифтерша. Она клялась всеми святыми, что ни на минуту не сомкнула глаз, однако за время своего дежурства ничего подозрительного не заметила. Больше того, после двенадцати подъезд обычно запирался на ключ.

Однако жильцы из соседней квартиры около половины второго ночи слышали, что у Лосевых лаяла собака. Лай доносился из передней и продолжался не более десяти минут.

Далее, следователь угрозыска капитан Сергей Васильевич Брайцев узнал, что Лосевы жили одни.

Квартиру они оставляли редко, если не считать кратковременных выездов на рыбалку с пятницы на субботу и воскресенье. Сегодня Леонид Михайлович вместе с женой отправился на Истринское водохранилище, куда, по его словам, предполагался массовый выезд спиннингистов. Накануне он забегал к соседям за напильником: свой куда-то запропастился.

Как это ни было горько, Сергей Васильевич решил испортить Ло-

севу утреннюю зарю и, связавшись по телефону с МУРом, просил срочно передать на Истринскую базу «Рыболова-спортсмена» телефонограмму, вызывающую Лосева в Москву.

Наружный осмотр двери не дал результатов. Английский замок какой-то хитрой конструкции оказался в полном порядке. Но со стороны двора, куда выходили окна Лосевых и их маленький навесной балкон, в балконной двери оказалось вырезанным стекло. Однако, чтобы преодолеть расстояние до балкона от лестничной клетки, необходимо было пробалансировать не менее десяти метров по узкому карнизу, тянущемуся на высоте восьмого этажа.

В квартире стоял терпкий запах тройного одеколона. «Опытные», — подумал Брайцев. Служебной собаке делать здесь было нечего. В большой комнате, служившей столовой, пол был усыпан осколками стекла. У двери, ведущей на балкон, лежала овчарка. Брайцев насчитал одиннадцать ножевых ран. Стены и пол были обильно забрызганы кровью.

Вместе с экспертом научно-технического отдела лейтенантом Павлом Петровичем Аркадьевым Брайцев занялся внимательным изучением пятен крови. В одном месте багровое пятно им показалось особенно подозрительным: чувствовалось, что кто-то усиленно растирал капли подошвой. Пришлось соскоблить верхний слой паркета для лабораторного исследования.

За диваном был обнаружен будильник с разбитым стеклом. Очевидно, его свалили вместе с тумбочкой и не заметили второпях. Будильник молчал. Стрелки остановились на сорока минутах второго.

Теперь Сергея Васильевича занимал вопрос, почему лай доносился из передней, а не из внутренней комнаты, куда через окно лезли воры? Возможно, это было лишь обманом слуха и собака лаяла именно во внутренних комнатах?

Брайцев решил проверить. Вместе с Павлом Петровичем они прошли в соседнюю квартиру, оставив старшину Смирнова вместе со служебной собакой Рексом у Лосевых. В самом деле, когда собака лаяла во внутренних комнатах, лай доносился глухо, и только после того, как Рекса перевели в переднюю, Брайцев отчетливо услышал голос собаки. Значит, это не могло быть ошибкой: собака действительно лаяла в передней.

Нужно было во всем разобраться. Еще раз исследовали дверь. Осматривая ее с внутренней стороны, Аркадьев заметил на крашеной поверхности в полуметре от пола несколько свежих царапин. Не исключено было, что это — дело собаки, которая яростно скреблась в дверь. Действительно, под когтями убитого пса Аркадьев обнаружил несколько крохотных крупинок высохшей белой краски. Их можно было рассмотреть лишь с помощью сильной лупы, и окончательный вывод о химическом составе крупинок нуждался в лабораторном подтверждении. Но уже и сейчас это, казалось бы, незначительное открытие представляло далеко не отвлеченный интерес для капитана Брайцева. Вряд ли можно было предположить, что, испугавшись человека, лезущего в окно, собака стала искать спасения в передней, лая там и скребясь в дверь. Ведь убита-то она была в комнате, а не в передней. Кто-то, находящийся на площадке перед дверью, усиленно старался отвлечь внимание собаки, чтобы дать возможность своему сообщнику без особых помех вырезать стекло и проникнуть затем в квартиру. Но каким образом эти люди попали на лестницу, как вынесли вещи, если, по словам лифтерши, парадный подъезд был заперт всю ночь?

Лучше всех на эти вопросы мог ответить Рекс. Бедняге пришлось трудно. В комнатах, «обезвреженных» резким запахом одеколона, он лишен был возможности применить свое единственное оружие — обоняние. Но лестничная площадка была «чистой» от одеколона. И, разобравшись наконец в сложном букете лишь ему одному доступных запахов, Рекс выбрал главный из них и взял след...

Он вел по лестнице вверх, с этажа на этаж, оттуда на чердак, где замок оказался сорванным, к трубе мусоропровода. Для чего им понадобилось останавливаться именно у мусоропровода? Случайность? Но почему же в таком случае тут пахнет нафталином? Чтобы почувствовать это, не нужно обладать обонянием служебной собаки. Осматривая внутренность трубы мусоропровода, Аркадьев обнаружил и там следы нафталина. Теперь все становилось на место. Вероятно, чтобы не вызвать подозрений на случай непредвиденной встречи, вещи, похищенные из квартиры Лосевых, были спущены вниз через мусоропровод.

А между тем Рекс нетерпеливо натягивал поводок. Следуя за собакой, оперработники пересекли чердак и спустились по лестнице в другом, противоположном конце дома. Здесь в большом подъезде находился также и вход в дежурную аптеку, расположенную в цокольном этаже. Этот подъезд был открыт круглосуточно. Отсюда Рекс привел в подвал, где помещалась мусорная свалка. Оттуда — снова во двор. Тут следы обрывались.

Рекс остановился метрах в двух от стены. На асфальте смутно отпечатался след левого заднего колеса автомашины. Именно здесь постовой милиционер заметил, как двое неизвестных втаскивали в автомашину какие-то узлы. Тут он бросился к ним, но был остановлен выстрелом в упор, который лишь по счастливой случайности не достиг цели. В следующее мгновение машина рванула с места и исчезла на шоссе.

Резина была старая и потертая. В одном месте, судя по отпечатку, имелся небольшой порез. След сфотографировали. Когда уже совсем рассвело, неожиданно улыбнулась удача: осматривая двор, Брайцев поднял с земли пустую пистолетную гильзу.

3

Пока Брайцев занимался осмотром места происшествия, в городе произошло еще одно событие.

Около половины четвертого утра лейтенант ОРУДа Шульгин, дежуривший у моста возле Белорусского вокзала, заметил такси, у которого задний фонарик был погашен.

Магический милицейский свисток не возымел действия: машина не убавила хода. Пока Шульгин бежал к своему мотоциклу, такси скрылось из виду. Но постовой в будке на мосту тут же передал по телефону предупреждение по всей линии: любыми средствами задержать машину. У гостиницы «Советская» дежурный ОРУДа старшина Макаркин, выбежав на осевую линию, пытался преградить машине дорогу, но, резко вильнув в сторону и едва не сбив Макаркина, такси свернуло к Бегам и оттуда переулками вырвалось к Хорошевскому шоссе.

На хвосте ее повисли два мотоцикла. Но такси скрылось за поворотом... И когда, преследуя его, мотоциклы миновали поворот, шоссе перед ними уже оказалось пустынным.

Машину нашли за одним из трехэтажных домов, выходящих на Хорошевское шоссе. Левое ветровое стекло было разбито. Номерной знак исчез.

...Начальник одного из отделов Московского уголовного розыска полковник Иван Ильич Северцев приехал на работу рано утром. Из перечня разнообразных происшествий минувшей ночи он выделил те, которые, как ему показалось, заслуживали особенно пристального внимания: нападение на шофера Шутова, кража на Каширском шоссе и находка машины на Хорошевском шоссе. Эти события имели какую-то связь: во всех случаях фигурировали автомашины, а в двух — и огнестрельное оружие. Впрочем, это могло быть и случайным совпадением.

Полковник Северцев, назначив на 12.00 совещание оперативных сотрудников отдела, выехал на Хорошевское шоссе.

Иван Ильич поздоровался с сержантом милиции и, не торопясь, начал осмотр машины. Он не нашел на ней никаких следов от ударов. Почему же в таком случае повреждено ветровое стекло? Северцев установил, что оно разбито с помощью твердого, тяжелого предмета и удар был нанесен снаружи. Рассматривая осколки, Северцев обнаружил на одном из них отпечатки трех пальцев.

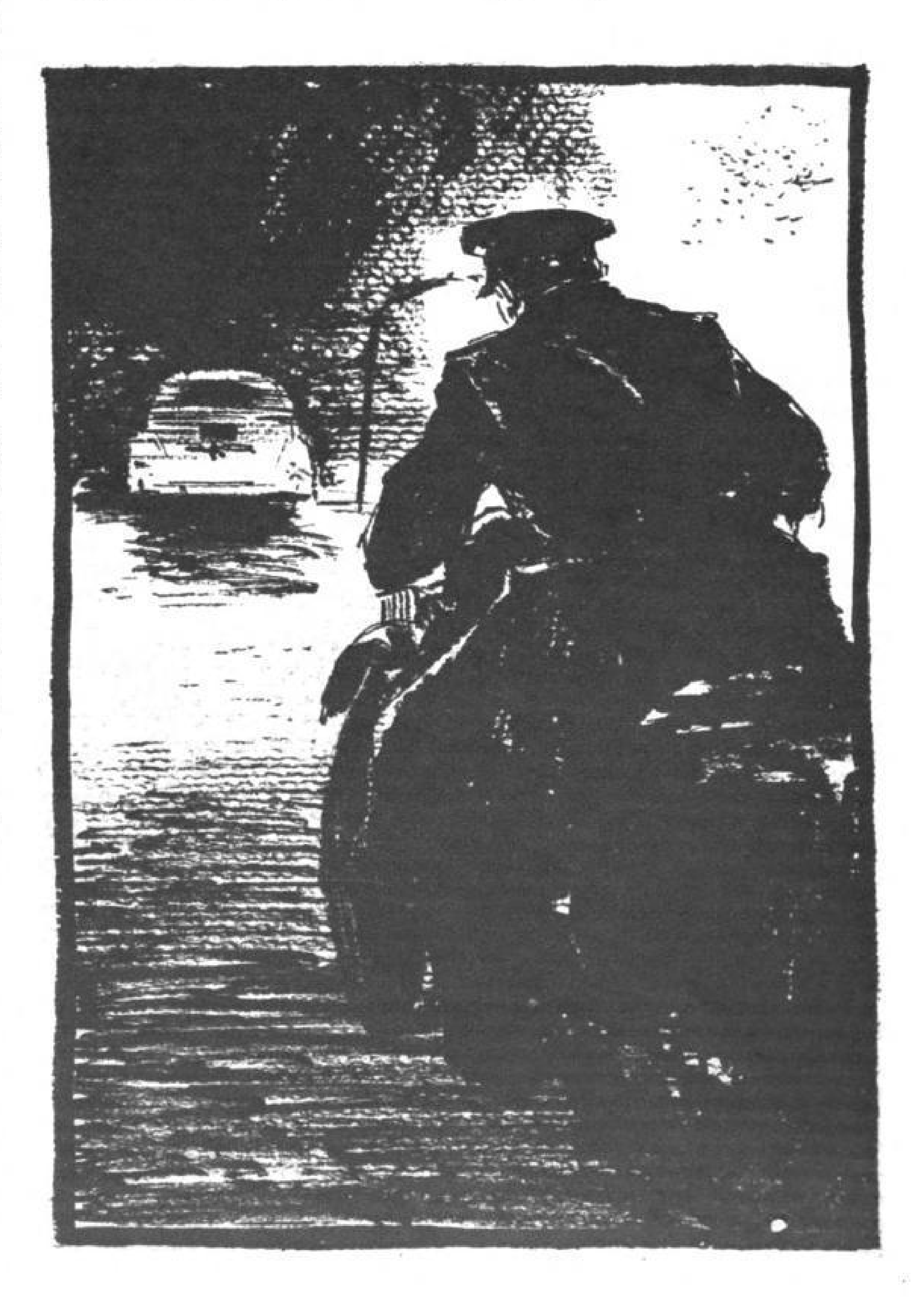
...Без четверти десять из бюро пропусков Сергею Васильевичу Брайцеву сообщили, что к нему приехал инженер Лосев.

Лосев был в старой, потертой телогрейке, залатанных брюках, резиновых сапогах — в никем не утвержденной, но общепринятой форме московского рыболова.

— Вот, как видите, весь тут — нищ и гол, как сокол, — сказал он упавшим голосом и опустился на стул. Потом Лосев заговорил, торопливо глотая слова, как бы опасаясь, что он не успеет выговорить все до конца.

Сергей Васильевич слушал, не перебивая, откинувшись на спинку стула, не задавая вопросов и не записывая ничего.

Потом Брайцев начал обстоятельный допрос. Но как ни бились они с Лосевым, тот так и не сумел вспомнить, кто, кроме соседей, к которым он заходил за напильником, мог быть в курсе его выезда на Истринское водохранилище.

И когда уже Брайцев собирался прекратить этот бесполезный разговор, его вдруг осенила новая мысль.

— Постойте, — спросил он, — а часто, эти ваши массовые выезды спиннингистов происходят регулярно?

— Нет, — ответил Лосев, — довольно редко. Например, в данном случае решение было принято на заседании секции.

— И там вы сказали вслух о своем намерении принять участие в массовке?

— Да, но какое это имеет значение?

— Решающее, — заметил Брайцев.

В этот момент дверь кабинета приоткрылась, и помощник Северцева напомнил о том, что Брайцева ждут на совещании у полковника.

Когда Брайцев вошел в кабинет, совещание уже шло. Сообщение делал представитель научно-технического отдела Павел Петрович Аркадьев. Он доложил о данных экспертизы.

Исследованием крови, обнаруженной на паркете у Лосева, было установлено, что она принадлежит человеку и классифицируется по II группе.

Баллистическая экспертиза показывала, что гильза, найденная во дворе, выстрелена из пистолета системы «ТТ» образца 1933 года.

Далее. След автомашины «Победа», найденной на Хорошевском шоссе, совпадал со следом, сфотографированным на месте кражи: та же стертая резина, тот же глубокий порез.

Представитель Госавтоинспекции сообщил, что номерной знак «ЭЖ-22-08», записанный постовым милиционером, был выдан на автомашину «Победа», принадлежащую шестому таксомоторному парку столицы.

Что касается отпечатков на осколках стекла, то прошло еще слишком мало времени, чтобы данные о их принадлежности могли поступить из дактилоскопического сектора.

Последним докладывал Брайцев. Он передал содержание своей беседы с Лосевым, сделав упор на коллективный выезд спиннингистов общества «Рыболов-спортсмен».

Теперь слово было за полковником Северцевым. Он поручил Брайцеву возглавить дальнейшее расследование и тут же наметил очередные оперативные мероприятия. Они сводились к следующему: первое — допросить шофера автомашины «ЭЖ-22-08» и выяснить по путевым листам, где находилась машина в период между двенадцатью ночи и четырьмя часами утра. Второе — изучить персональный состав членов секции спиннингистов московского общества «Рыболов-спортсмен», организацию и обстоятельства коллективного выезда на Истринское водохранилище и вероятность причастности кого-либо из членов секции к настоящему делу. Третье — ожидать данных дактилоскопического исследования и в случае необходимости заняться активной разработкой новой версии. На этом совещание закончилось.

Спустя час Брайцев входил в маленький дворик на улице Чкалова. За палисадником возвышалось одноэтажное здание с вывеской московского добровольного общества «Рыболов-спортсмен». Брайцев попросил показать ему учетные карточки участников коллективного выезда.

Не успел Брайцев разложить перед собой обширный пасьянс учетных карточек, как его попросили к телефону.

Звонил Иван Ильич Северцев.

— Немедленно приезжайте, — сказал он, — есть новости.

Брайцев торопливо собрал карточки, сказал, что заедет в следующий раз, и, вскочив в такси, помчался на Петровку.

Полковник разговаривал по телефону. Он знаком предложил Брайцеву сесть и тут же протянул ему две карточки, лежавшие на столе. С первой карточки на Брайцева смотрело открытое, довольно приятное лицо юноши лет девятнадцати. Рядом была его же фотография в профиль. Под фотографиями шли десять отпечатков пальцев правой и левой руки. На другой карточке были помещены рядом репродукция отпечатков трех пальцев — указательного, среднего и безымянного, сделанная с первой карточки, и фотокопия отпечатков, обнаруженных на осколке ветрового стекла. Узоры удивительно совпадали.

— Вы заметили, в последнее время вам чертовски везет, Брайцев, — сказал полковник, кладя на рычажок трубку, — ключ к делу принесли на блюдечке. Теперь остается действовать.

Брайцев привстал с кресла.

— Сидите, — остановил его Северцев, — я уже послал за старым делом. Сейчас оно будет здесь. Как он там по фамилии, кажется, Коваленко?

Витя Коваленко родился в 1935 году. Москвич. Учился хорошо. Был комсомольцем. Потом умер отец. Мать работала. Вечерами стирала на соседей белье. Мальчишка был предоставлен самому себе. Когда мать спохватилась, было уже поздно: влияние улицы взяло верх. Появились приятели, великовозрастные парни без определенных занятий. Школа пошла насмарку. Однажды он сообщил матери, что бросает школу. Уговоры и слезы не помогли: сын стоял на своем. Поступил учеником токаря на завод «Станколит», прогулял несколько дней — уволили, устроился на другой завод, потом грузчиком в типографию, потом разнорабочим в какую-то артель. Однажды в компании пьяных приятелей, сорвавших у женщины часы, был задержан. По дороге в милицию пытался бежать. Догнали. Ударил милиционера. Дело рассматривалось народным судом Октябрьского района столицы. Был приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях и отправлен на Север. В лагере тяжело переживал свое положение. Неоднократно заявлял командованию о раскаянии. Отлично работал. И спустя полтора года был досрочно освобожден. Возвратился в Москву. Был прописан по прежнему местожительству, в Горловом тупике.

— Вам все ясно, Сергей Васильевич? — спросил полковник, старательно завязывая бантиком тесемки на папке.

В домоуправлении Брайцев узнал номер квартиры и по шаткой деревянной лестнице поднялся на второй этаж. Как и во многих старых московских домах, квартира оказалась большой и густо населенной. Сергей Васильевич с трудом отыскал нужную комнату, но на двери висел массивный замок.

Он постучал к соседям. Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова девушки. Очевидно, она только что вымыла волосы и теперь накручивала их на бигуди.

— Вам кого? — спросила девушка, придерживая рукой спадавшую прядь.

Ухватившись за первое, что пришло ему в голову, Брайцев стал объяснять, что он школьный товарищ Виктора, не виделся с ним много лет и вот сегодня, очутившись проездом из Хабаровска в Москве, решил разыскать старого друга. Но, как видно, неудачно: поезд уходит через несколько часов, а на дверях, увы, замок.

— Неудачно, — согласилась девушка, — кажется, как раз сегодня Витя работает в вечерней смене. Впрочем, точно не знаю. Сейчас должна возвратиться Мария Авксентьевна, она вышла в магазин.

Брайцев догадался, что Мария Авксентьевна, очевидно, и есть мать Коваленко.

— Спасибо, я подожду в коридоре, — сказал Брайцев и посмотрел на часы.

— Зачем же в коридоре? Заходите. — Девушка отстранилась, пропуская Брайцева в комнату. — Только вы уж извините, пожалуйста, у нас тут небольшой разгром.

— Нет, это я должен просить прощения, — возразил Брайцев.

Состоялся обычный в таких случаях обмен любезностями. Брайцев уже проклинал себя за то, что так легкомысленно взялся играть эту не свойственную для него роль. В сущности, что он знал о Викторе Коваленко? Каждое сказанное невпопад слово могло теперь разоблачить его, но отступать уже было поздно. Лавируя между острыми рифами, как опытный лоцман, он начал осторожно расспрашивать девушку о том, как живет теперь его старый друг, где работает, с кем проводит свободное время.

Попросив Брайцева сесть к ней спиной, девушка продолжала заниматься прической. Она охотно отвечала на все вопросы, и чем больше слушал ее Брайцев, тем сильнее росло его недоумение. Нет, это был совсем не тот Виктор Коваленко, образ которого нарисовал себе он по дороге в Горлов тупик.

Коваленко работал на Первом подшипниковом заводе и, судя по рассказу, довольно неплохо: почти ежемесячно он приносил премии. Посещал вечернюю школу рабочей молодежи. Был левым полузащитником заводской футбольной команды, встречался с девушкой — студенткой московского пединститута. Все это как-то не вязалось с обычными представлениями об уголовном преступнике, уже прошедшем через лагерь.

Покончив наконец с прической, девушка повязала голову косынкой и, усевшись напротив Брайцева, стала, в свою очередь, бомбардировать его вопросами. Она считала долгом хозяйки поддерживать светскую беседу, а Брайцев готов был провалиться сквозь землю, придумывая на ходу несуществующие подробности своей жизни в Хабаровском крае. Неизвестно, как бы закончилось это испытание, если бы на выручку не пришла мать девушки. Узнав, в чем дело, она с готовностью вызвалась помочь Брайцеву:

— Я только что видела Марью Авксентьевну в химчистке. Она сдавала пиджак Витеньки, а сейчас, наверное, в гастрономе: у нее там очередь за яблоками. Пожалуй, я сбегаю за ней: ведь вам каждая минута дорога.

Но Брайцев уже не слушал ее. Упоминание о химчистке поразило его, как удар молнии. Он вспомнил квартиру Лосевых, овчарку, распростертую на паркете, кровь, старательно растертую чьей-то подошвой. Откуда такое поразительное совпадение, почему именно сегодня матери Коваленко понадобилось отнести в чистку его пиджак? Нет, он не мог, не имел права оставить без проверки этот новый факт.

Стрелки часов приближались к шести. С минуту на минуту мастерская могла закрыться.

— Знаете что, — Брайцев улыбнулся, — пожалуй, не стоит вам беспокоиться. Сейчас шесть, поезд уходит в десять тридцать. Я подумал, если взять такси, то, пожалуй, можно еще обернуться до «Шарикоподшипника» и обратно. Всего хорошего!

И, не дав им опомниться, Брайцев торопливо вышел из комнаты. Он сбегал по лестнице, прыгая сразу через две ступеньки...

Мастерская была уже закрыта, но приемщица еще не успела уйти. Предъявив удостоверение следователя угрозыска, Брайцев прошел в мастерскую и потребовал, чтобы ему показали мужской пиджак, сданный сегодня женщиной по фамилии Коваленко.

Рассматривая его, Брайцев обнаружил на левом рукаве, ниже локтевого сгиба свежую штопку и еле заметное желтоватое пятнышко. С обратной стороны на

подкладке пятно уже было значительно больше и в то же время бледнее. Его можно было различить лишь с помощью лупы. Цвет пятен, их форма не оставляли и тени сомнений, что это тщательно замытая кровь.

4

Из мастерской химчистки Брайцев позвонил к себе и вызвал оперативную машину. Теперь, как ему казалось, нужно действовать быстро и решительно. Он был уверен, что одна из основных нитей преступления находится уже у него в руках. В мастерской он оставил расписку и взамен получил пиджак вместе с копией квитанции.

Заскочив на несколько минут в научно-технический отдел и сдав пиджак на исследование, Брайцев захватил с собой двоих оперуполномоченных на случай, если придется провести операцию задержания Коваленко, и выехал на завод.

Оставив товарищей ожидать в машине, Брайцев прошел в цех. Первое, что бросилось ему в глаза, — это была Доска почета, висевшая на стене у самого входа в цех. Фотография во втором ряду справа показалась Брайцеву знакомой: открытое лицо, светлые, слегка прищуренные глаза. Коваленко, ну, конечно же, Коваленко! И как он не узнал его сразу? И опять, как во время разговора с девушкой в Горловом тупике, Брайцева охватило двойственное чувство. С одной стороны, в пользу выдвинутой версии беспощадно свидетельствовали неопровержимые факты: отпечатки пальцев, пиджак, разорванный, вероятно, в схватке с собакой, кровь... Но, с другой стороны, девушка, студентка педагогического института, футбольная команда и, наконец, фотография на Доске почета... Во всем следовало тщательно разобраться, и какой-то внутренний голос настойчиво подсказывал Брайцеву, что опаснее всего поспешить, броситься вперед, напролом, очертя голову.

Он разыскал начальника смены и, не посвящая его в сущность дела, начал осторожно, исподволь расспрашивать о Коваленко. И снова даже тон, даже слова, которыми начальник смены характеризовал юношу, приводили Брайцева все в бо́льшую и бо́льшую растерянность. Он чувствовал, как с каждой новой фразой начальника ослабевает та единственная нить следствия, которая еще четверть часа назад казалась ему незыблемо прочной.

Но заключительный удар был впереди — и он последовал, когда Брайцев задал своему собеседнику главный вопрос, — собственно, тот, ради выяснения которого он приехал сюда сегодня. Если бы собеседник ответил «нет», Брайцев, несмотря ни на что, все-таки задержал бы Коваленко, но собеседник сказал «да». Да, вчера между двенадцатью ночи и четырьмя часами утра Коваленко находился в цехе, и подтвердить это могут десятки человек.

Брайцев извинился, что отнял время, попрощался и вышел на улицу.

— Все отменяется, — сказал он в ответ на вопросительные взгляды товарищей, с шумом захлопнул дверцу автомашины и, буркнув шоферу: — Назад, на Петровку! — не проронил больше за всю дорогу ни единого слова.

Было уже очень поздно. Рабочий день давно закончился, и, кроме дежурных из опергруппы, все остальные сотрудники разошлись по домам. Полковник Северцев уехал к внуку на дачу.

Сергей Васильевич позвонил в научно-технический отдел, выругался по телефону и в сердцах обозвал всех сотрудников сектора дактилоскопии жалкими кустарями.

— Вы понимаете, — кричал он в трубку, — согласно вашим данным, я обязан был задержать сегодня ни в чем не повинного человека! Могу вас поздравить, все ваши изыскания относительно Коваленко — это бред! Чистейший бред! Если хотите знать, парень физически не мог оставить следов пальцев на стекле автомашины, которую даже не видел в глаза. Одним словом, спасибо вам за помощь, дорогие товарищи!

И, не слушая ответного объяснения, он швырнул трубку. Потом он опустился на диван, обхватил голову руками и только тут почувствовал, как устал и как ему хочется есть. Он вспомнил, что уже больше суток не спал и не имел за весь день во рту ни единой крохи.

5

Следующий, воскресный день изобиловал новыми событиями, которые круто изменили ход дела.

Прежде всего, измотанный за предыдущие сутки, Сергей Васильевич Брайцев проспал. Он проснулся только в начале одиннадцатого, когда завтрак уже стоял на столе. Однако, к великому огорчению жены, хлопотавшей ради него все утро, он схватил со стола бутерброд с ветчиной и, отказавшись завтракать, исчез из дому.

На Петровке его уже устали ждать. Федя Гринюк — молодой следователь, которому поручили взять на себя разработку версии по шестому таксомоторному парку, — рассказал, что ему без особого труда удалось найти такси с номерным знаком «ЭЖ-22-08». Оказывается, машина уже третью неделю стоит на яме, с нее снят мотор, который находится теперь в капитальном ремонте. Номерной знак отсутствует. Объяснить его исчезновение в шестом таксомоторном парке не могли. Договорились продолжать расследование.

Сведения из скупочных и комиссионных магазинов, куда передали список и приметы похищенных вещей, тоже были малоутешительными. За время, прошедшее с момента кражи, ни один из предметов, поименованных в списке, в магазины не поступал.

Брайцев позвонил на дачу Ивану Ильичу Северцеву и доложил ему об итогах минувшего дня. Факты были довольно противоречивы. Брайцева они сбивали с толку. Однако, когда полковник задал прямой вопрос, причастен или нет Коваленко, по мнению Брайцева, к расследуемому делу, Брайцев, не колеблясь, дал отрицательный ответ.

— Я не допускаю столь тонкой маскировки, этакого сочетания вечерней школы с бандитизмом, — обосновывал свою точку зрения Сергей Васильевич. — А что касается дактилоскопических данных, что ж, вероятно, была допущена ошибка.

— Возможно, возможно... — каким-то неопределенным тоном заметил полковник и замолчал.

— В котором часу Коваленко вступил на смену? — вдруг неожиданно спросил полковник.

— Кажется, что-то около двенадцати, — ответил Брайцев и тут же поймал себя на том, что это не ответ следователя.

— Кажется или вы точно знаете? — Чувствовалось, что полковник недоволен ответом.

— Разрешите, я уточню, — попросил Сергей Васильевич.

— Мне непонятно, — сказал после паузы полковник, — почему вы так твердо уверены, что лица, совершившие нападение на шофера Шутова, непременно были участниками и квартирной кражи? А вы не допускаете разделения труда? В таком случае ваш основной довод относительно алиби Коваленко оказывается беспочвенным. Кстати, не пытались ли вы полюбопытствовать, где и как провел время ваш подопечный, например, между двадцатью одним и двадцатью четырьмя часами? Странно, что вас так загипнотизировала эта ночная смена...

Повесив трубку, Брайцев сгоряча вновь решил съездить в Горлов тупик. Это было абсурдным решением, — очевидно, вся его наивная легенда о старом школьном товарище была уже там полностью разоблачена. Но он чувствовал себя обязанным самостоятельно исправить свой промах. Пока Брайцев ломал голову, как достойнее выпутаться из создавшегося положения, прошло еще минут тридцать — сорок.

Мучительные раздумья прервал телефонный звонок. Говорил дежурный по городу подполковник Астахов. Час назад от трехрублевых касс Московского ипподрома было угнано такси. Его настигли только что на шоссе в районе Тушина. Юноша лет двадцати, угнавший машину, успел скрыться.

— Вы, кажется, занимаетесь делом об ограблении шофера такси, так вот, мне думается, этот случай для вас небезынтересен, — закончил подполковник Астахов.

— Да, да, — растерянно произнес Брайцев.

Спустя несколько минут раздался еще один звонок. Научно-технический отдел докладывал, что вторичное изучение отпечатков пальцев на осколке стекла подтвердило первоначальный вывод: отпечатки принадлежат Виктору Коваленко. Биологическое исследование замытых пятен на пиджаке показало: по своему составу это кровь II группы, соответствующая групповым признакам крови, обнаруженной на паркете в квартире Лосева.

Положение было не из веселых, и Брайцев решил, что самым правильным сейчас будет поставить в известность обо всем полковника Северцева. Он позвонил за город и кратко доложил Ивану Ильичу о случившемся. Выслушав его доклад, Северцев сказал, что немедленно выезжает в Москву.

Брайцев давно уже не видел полковника таким расстроенным и раздраженным.

— Следователя должны интересовать факты, факты и еще раз факты, — чеканил он, неслышно ступая по ковру. — Отпечатки пальцев — раз. Кровь на пиджаке — два. Наконец, совпадение групповых признаков этой крови — три. Не слишком ли много фактов для чистой случайности? А как объясняет их сам Коваленко? Увы, нам все это еще неизвестно. Почему до сих пор не допрошен Коваленко? Я вас спрашиваю, капитан Брайцев!

Брайцев рассматривал носки своих полуботинок. Он чувствовал: дело оборачивается плохо.

— Даю вам два часа, чтобы разобраться с Коваленко. В восемнадцать доложите мне лично. Не справитесь — будете отстранены от расследования.

Полковник встал, давая понять, что разговор закончен.

Сотрудник, посланный в Горлов тупик, доложил по телефону, что Коваленко ушел из дому в восемь утра и покуда не возвращался. Где он, дома не знают или же не хотят говорить. Брайцев приказал ждать, хотя бы до утра. Но через час Коваленко доставили на Петровку.

Брайцева поразила какая-то мрачная решимость, написанная на лице юноши.

— Что вам всем от меня нужно? — угрюмо спросил он с порога.

— Садитесь, — предложил Брайцев.

— Ничего. Постою.

— Садитесь, вам говорят!

Коваленко сел, положив на колени руки. Руки были большие, тяжелые, привычные к труду.

— Имя? Отчество? Фамилия? Год рождения? — Брайцев задавал первые обязательные вопросы.

— Это что, допрос? — Коваленко встал.

— Сидеть! — приказал Брайцев.

Наступила пауза.

— Я спрашиваю: это допрос? — повторил Коваленко.

— Нет, это беседа между двумя приятелями.

— Послушайте, значит, вы и есть тот самый друг из Хабаровска, который приходил вчера? — Глаза Коваленко еще более сузились. — Довольно дешевый номер. Я думал, у вас работают тоньше.

— Отвечайте на вопросы! — резко сказал Брайцев.

— А собственно, почему я обязан вам отвечать?

— Очевидно, потому, что я следователь. — Брайцев уже с трудом сдерживал себя. — Вы знаете, где находитесь?

— Знаю. — Брайцев заметил, как Коваленко стиснул зубы и на скулах у него запрыгали желваки. — Значит, я обвиняемый. В чем? В том, что меня судили, в том, что я сидел в лагере... Так неужели теперь всю жизнь, на каждом шагу меня будут попрекать этим? Ведь меня выпустили из тюрьмы. Зачем вы меня выпустили? Зачем?! — Он почти кричал.

— Без истерики! — оборвал Брайцев. — Здесь видели артистов и похлестче.

Опять наступила пауза.

— Что вам от меня нужно? — глухо спросил Коваленко.

— Не торопитесь, сейчас узнаете. — Брайцев точно рассчитывал удары. — В пятницу вы пользовались такси?

— Нет.

— А в четверг?

— Нет. И в среду нет, и во вторник, и в понедельник. Я пользуюсь только метро. Вас это устраивает?

Продолжение следует.

Писатели и книги

Поэты Египта

Вьется победы знамя
Над долиной Нила, над нами!
О страна моя!
Это — великое знамя!
Возрождения свет над нами!
Укрепим мы нашу державу,
Ей вернем вековую славу!

Эти полные гражданского пафоса строфы можно поставить эпиграфом к сборнику «Стихи поэтов Египта». В него включены произведения почти пятидесяти поэтов. Каждый из них имеет свой голос, свой художественный почерк. Это разнообразие сообщает сборнику особый интерес, так как дает возможность почувствовать обаяние египетской поэзии, исполненной веры в силы народа, в его гений.

Нельзя без глубокого волнения читать стихи, продиктованные сыновней любовью к Родине, жгучей ненавистью к колонизаторам, гордой уверенностью в будущем Египта.

Стихотворение «Суэц — богатство моего народа» Хафиза Ибрахима звучит как отклик на сегодняшние события, хотя и написано свыше четверти века назад. Требуя изгнать чужеземцев, поэт пишет:

А если отдадим ему Суэц,
Он нас совсем задушит,
наконец.

Так встанем на Суэцком
берегу —
Сокровищ наших не видать
врагу!

Широко представлены в книге лирические поэты, умеющие облечь свои мысли и чувства в выразительную художественную форму.

Словно драгоценные камни, переливаются в сборнике образцы народных поэтических произведений и песен. В них раскрывается душа египетского народа, то печальная, то полная радости, то тихая, как южная ночь, то бурная, как нильские волны, душа мужественная и горячая, какую может иметь жизнедеятельный, способный на великие подвиги народ.

А. РОМАНОВ

Стихи поэтов Египта. Составление и общая редакция А. Палладина. Государственное издательство художественной литературы. Москва. 1956. 399 стр.

Шестидесятилетие Ф. И. Панферова

В тридцатые годы по путевке комсомола я поехал в далекую Причулымскую тайгу агитировать за колхозы. Здешние деревни и заимки бурлили, как таежные ручьи в вешнее половодье. В крестьянских избах и охотничьих зимовьях от вечерней зари до утренней мужики спорили о том, как жить дальше, как побороть вековечную нужду-лиходейку. Волна коллективизации докатилась и сюда.

Помнится, в один зимний, по-сибирски морозный вечер приехал я в деревню Николаевку. Первым делом направился в нардом. Он разместился в самом большом доме, принадлежавшем до революции местному купчику, скупавшему по всей округе пушнину, хлеб, кедровый орех.

Захожу в нардом, а там народу битком набито. На сцене, сколоченной из толстых кедровых плах, избач Иван Свиридкин с книгой в руках. Его зычный голос разносится по всему дому. На скамейках мужики, бабы, молодежь. Никто не шелохнется. Тихо. Слышно даже, как за стеной беснуется ветер. Лампешка, водруженная перед избачом на высоком чурбаке, помаргивает, разливает неяркий керосиновый свет. На лицах людей то удивление, то боль, то усмешка, то раздумье.

...Читка закончилась только в полночь. Люди хлынули через скрипучую дверь на улицу, я подошел к избачу.

— Что ты за книгу читал, Ваня?

Иван свернул книгу, с гордецой поднес ее к моим глазам.

— Это не книга, а снаряд против старой жизни. Самым закоренелым единоличникам душу разворотила...

Я прочитал на обложке: Федор Панферов. «Бруски».

Имя это было уже знакомо мне по газетам, но именно с того вечера оно стало по-особенному дорогим и близким.

С тех пор Родина наша прошла большой и славный путь. Советский народ и строил и воевал, понуждаемый к этому кровавым империализмом, и сейчас снова строит, преобразуя до неузнаваемости свою обширную и благодатную землю.

Доводилось мне за эти годы, как и большинству советских писателей, во многих местах бывать: на стройках первых пятилеток, в рядах нашей родной армии, на далеких окраинах страны, переживающих ныне свою буйную молодость, в колхозных селах Сибири и Дальнего Востока... И всюду я видел книги Панферова.

А ведь это — большое, завидное счастье, когда книги твои читают люди, делающие историю. Значит, ты им нужен в их трудной и почетной борьбе, значит, ты идешь вместе с ними, и в их деяниях есть доля твоего труда.

Творческий путь Федора Ивановича Панферова не прост и не легок. Были у него крупные художественные достижения, были и серьезные просчеты. Но если взглянуть на многолетнюю литературную деятельность Панферова в целом, то вся она полна страстного служения своему народу, Коммунистической партии.

Федору Ивановичу Панферову исполняется шестьдесят лет. Нет никаких сомнений в том, что талантливый художник слова не раз еще порадует читателей новыми яркими и правдивыми книгами, воспевающими наше непобедимое и правое дело.

Георгий МАРКОВ

Труженик науки Дэви Мэллори

О существовании двух Америк — Америки честных, трудолюбивых людей и Америки, которую пытаются представлять различного рода подозрительные дельцы, изо всех сил толкающие человечество к новой войне, живущие за счет нечистоплотных махинаций и ненавидящие все живое, светлое вокруг себя,— поведали нам совсем недавно в своих записях советские журналисты, совершившие далекую поездку в Соединенные Штаты.

Как ни странно может показаться на первый взгляд, но есть какая-то внутренняя, логическая связь между тем, что рассказывают об американском образе жизни наши писатели, и тем, что узнали мы почти в то же самое время из нового романа Митчела Уилсона «Брат мой, враг мой», опубликованного на страницах журнала «Иностранная литература».

Повествуя о своих впечатлениях, Борис Полевой очень искренно передает глубокую и яркую радость, всякий раз испытываемую им и его товарищами, когда они встречали американцев, «...знающих, любящих культуру своего народа во всей ее широте и многообразии».

Удивительно схожее, живое и сильное ощущение испытываешь, читая новую книгу Уилсона. Вся она словно пронизана гордостью за обрисованных в ней людей, мыслящих, одаренных техническим гением; и одновременно книга наполняет душу читателя щемящей болью за их жизненные неурядицы, беды, тяжкие несчастья.

Спору нет, Митчел Уилсон показывает людей Америки с иных позиций, чем, скажем, Говард Фаст. И столкновение противоборствующих сил в романе «Брат мой, враг мой» раскрыто совершенно иначе, чем, например, в книге «Сайлас Тимбермен». Однако и в творчестве Уилсона в основе конфликта — силы зла, стоящие на пути человечества к познанию, к светлым открытиям разума. И хотя эпоха, воссоздаваемая Уилсоном в новом произведении — двадцатые годы нашего века,— уже довольно далека от теперешних дней, весь образный строй романа, звучание его, подтекст, который безошибочно улавливается читателем, неразрывно связаны с насущными проблемами современности.

Сила мысли, чувств и переживаний любимых героев Уилсона — первооткрывателей, талантливых изобретателей нового — не декларируется автором. Она воплощена в характерах и поступках, в том, что герои говорят и делают, с чем соглашаются и против чего восстают.

Все мы помним трудную судьбу одного из героев предшествующей книги Уилсона «Жизнь во мгле» — Эрика Горина. Человеческая мягкость и доброта молодого ученого, не говоря уже о его выдающихся способностях, всякий раз приобретали особую убедительность, когда писатель показывал бедняка Горина рядом с изысканным, элегантным Тони Хэвилендом, чья душа как бы поражена проказой цинического равнодушия к людям, науке, жизни...

Тони Хэвиленд пуст и холоден внутри, как пуст и холоден, а главное, творчески пассивен — несмотря на всю внешнюю стремительность своего существования — Дуглас Волрат, противостоящий юным изобретателям Дэви и Кену Мэллори.

Но, продолжая, казалось бы, и в новом романе разговор, начатый ранее, о мучительной борьбе творчески полноценных, энергичных людей против бесплодной, гибельной власти, основанной на деньгах, Уилсон ставит теперь своих героев в отношения гораздо более сложные. Автор рисует коллизию, которая расширяет, философски углубляет избранную писателем тему.

Волрат — всего лишь один из тех дельцов, которые блестяще владеют только одной способностью: беспощадно эксплуатировать каждого одаренного человека. На лету подхватывая чужие идеи, он обогащается непрерывно, а затем, высосав живые соки чужого таланта, отшвыривает использованными им людей.

Острая нравственная борьба, привлекающая неослабное внимание писателя, идет не столько между всей молодой семьей Мэллори и Дугласом Волратом, сколько между самими братьями.

Два брата Мэллори — два разных мировоззрения, две взаимоисключающие точки зрения на цели и задачи творчества; самое же существенное, пожалуй, для нас, читателей романа,— это два разных человека.

Искусство художника «рисовать словом» доставляет огромную эстетическую радость читателям романа. Словно на полотне большого экрана, движутся ярким, зримым потоком события, составляющие основу повествования. Мы следим за упорной учебой осиротевших подростков, сумевших благодаря стараниям совсем еще юной Марго получить образование... Днем и ночью ведут мальчики работу над изобретением. И вовсе не «довеском» к описаниям производственного характера, а весьма существенной смысловой деталью входят в сюжет романа и мимолетные увлечения Кена и глубокая, подлинно человеческая любовь Дэви к маленькой, гордой Вики... А Вики с первого взгляда влюблена в Кена. И очень еще нескоро поймет девушка, какое богатство нерастраченных чувств, моральное достоинство таится в душе некрасивого, застенчивого, сдержанного Дэви, как много говорит сердцу его милая и грустная улыбка...

Для советского читателя особенно интересна в новом произведении Уилсона четкая авторская позиция. Американский писатель, шаг за шагом раскрывая истинно творческий характер всего духовного облика Дэви, утверждает, что главным критерием в оценке человека является его отношение к труду. Различное понимание своего долга в этом труде, а вовсе не Вики становится источником их скрытого, глухого, неудержимо нарастающего духовного разлада.

Кен, подобно Дэви,— высокоодаренный юноша. Но вечная обязанность отдавать всего себя творчеству заметно тяготит и утомляет его. Внешне обаятельный, Кен притягателен и обманчив как для влюбленных в него девушек, так и для Дэви. Но идеалы Кена Мэллори отличны от идеалов его младшего брата. Вся окружающая жизнь подсказывает ему, что целью изобретательства следует прежде всего считать большое богатство, большие деньги... И чем сильнее Дэви привязан к своему старшему брату, тем полнее и тягостнее будет их неминуемый разрыв.

Он кажется неизбежным, этот разрыв, еще и потому, что «покровителем» Кена и Дэви после трагической гибели Марго становится их новый родственник — Волрат.

Опубликована только первая книга романа. И уже сейчас догадываешься, что Кен едва ли устоит от опустошающего душу, развращающего влияния нового «покровителя». Зато веришь, хочешь верить, что Дэви справится и с этими ожидающими его трудными испытаниями. В нем, если только возможны подобные параллели, есть та непрерывно звенящая, туго натянутая творческая струна, та крепкая и здоровая сердцевина, которая привлекла нас в образе молодого советского изобретателя Андрея Лобанова из романа Д. Гранина «Искатели».

Впрочем, надо ли оговариваться? Думается, такие параллели возможны! Недаром ведь Борис Полевой, заканчивая книгу о своих заокеанских встречах, говорит, обращаясь к людям Америки, что «больше всего в Соединенных Штатах понравились нам сами американские труженики, золотые руки которых создали все, чем богата, чем горда ваша земля».

Прочитав книгу Митчела Уилсона «Брат мой, враг мой», мы будто и сами познакомились с одним из американских тружеников науки — Дэви Мэллори.

Хорошо, что в Америке есть такие люди; хорошо, что мы узнали и запомнили их. Теперь мы не чужие. Мы ждем от писателя новых встреч с ними, нового разговора об их человеческой творческой судьбе.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Митчел Уилсон. Брат мой, враг мой. Роман. «Иностранная литература». 1956. №№ 2, 3, 4.

Кубок остался в Москве

Советская команда — победительница турнира наций. С золотым кубком — капитан команды А. Котов.

Фото О. Кнорринга.

В шестом туре в группе победителей команда Югославии шла наравне с командой Советского Союза. Кое-кто заволновался...

Конечно, с любым шахматистом, с любой командой может случиться небольшая «авария». Но класс игры в конце концов должен восторжествовать. Такая закономерность получила свое подтверждение и на этот раз. Наши шахматисты «нажали», и в последних турах советский «шахматный мотор» уже работал безотказно. Один рывок за другим, и разрыв между нашей командой и ближайшими соперниками стал неуклонно увеличиваться. В предпоследнем туре встретились команды СССР и Югославии. Однако эта встреча уже не особенно волновала болельщиков. Чемпион мира М. Ботвинник прямой атакой заматовал лидера югославской команды гроссмейстера С. Глигорича. Три ничьих, и общий счет — 2,5 : 1,5 в пользу команды СССР, которая оторвалась теперь на 4 очка и «могла на последний тур не приходить». Но наши гроссмейстеры пришли и «по инерции» выиграли и последний матч у команды Румынии.

После единственной нашей неудачи кое-кто пытался сделать вывод: «Все же с советскими шахматистами играть можно». «Вообще-то это верно: играть с ними можно, но выиграть трудно»,— поправляли другие.

Новая убедительная победа советских шахматистов на XII Олимпиаде снова подтвердила уже хорошо известное миру превосходство советской шахматной школы.

В группе наших гостей из Европы и Южной Америки шутили: «Победа сборной команды СССР имеет положительную сторону и для нас. Не будем перегружены багажом: кубок чемпиона мира остается в Москве!»

Да, золотому кубку предстоит лишь небольшая прогулка с капитаном команды гроссмейстером А. Котовым на Гоголевский бульвар — в Центральный шахматный клуб СССР.

Капитан команды Югославии С. Неделькович уже в середине турнира говорил: «Мы не хотим конкурировать с советскими шахматистами; дайте нам второе место, и мы поедем домой». Так и получилось: второе место югославские шахматисты заработали, но в упорной борьбе и прежде всего со своими венгерскими друзьями. Судьбу второго и третьего места решил матч Югославия — Венгрия в последнем туре. В этом матче «пострадали» лучшие опоры обеих команд: Б. Ивков — Югославии и Г. Барца — Венгрии. Счет матча ничейный — 2 : 2. В таблице турнира обе команды стали наравне, но у команды Югославии чуть-чуть лучший результат по выигранным матчам. Серебряные медали достались югославским шахматистам, бронзовые — венгерским.

Обе команды провели весь турнир превосходно и заслуженно заняли высокие, призовые места. «Слабый пункт» у них, особенно у венгров,— четвертая доска. Неоднократно венгерские шахматисты говорили: «У советской команды Олимпиаду выигрывает Бронштейн. Если бы югославы и венгры имели своего Бронштейна на четвертой доске, им легче было бы конкурировать с советской командой». Не будем полемизировать с нашими друзьями, но не кажется ли им, что у нас и на других досках надежные силы?

Кстати, вот индивидуальные результаты участников советской команды: М. Ботвинник набрал 9,5 очка из 13 партий, В. Смыслов — 8,5 (из 13), П. Керес — 9,5 (из 12), Д. Бронштейн — 11 (из 13), М. Тайманов — 8,5 (из 11) и Е. Геллер — 7,5 (из 10).

На предыдущих двух олимпиадах у команды Аргентины был «абонемент» на второе место. На этот раз аргентинцы играли вяло, и им пришлось уступить свое почетное место.

Исключительно богат творческий урожай турнира. XII Олимпиада дала ценное пособие для творческого совершенствования мастеров всего мира.

Нельзя не отметить исключительно теплую, сердечную атмосферу на соревновании. Приятно было наблюдать дружную шахматную семью 34 стран, смотреть, как «восточные» и «западные» немцы сидят за одним столом, как дружны были индийские и английские шахматисты, как черноволосый монгол обнимает белоголового исландца... На Олимпиаде сыграно больше тысячи партий — и ни одного конфликта. Судьям не удалось ни разу назначить «штрафной».

Москвичи были рады видеть у себя лучших представителей шахматного искусства. Гости были рады побывать в Москве, в этой «шахматной Мекке», как ее назвал гроссмейстер М. Найдорф.

«До свидания» все гости говорили нам уже на русском языке.

Но уехали не все. Многие ведущие шахматисты остались в Москве. Им предстоит переселиться из ЦТСА в не менее красивый Концертный зал имени Чайковского.

Небольшой отдых, и начнется новый выдающийся международный турнир, которым отмечается десятая годовщина со дня смерти русского гения шахмат — Александра Алехина.

Отдохните немного и вы, товарищи болельщики. Не прощаюсь, объявляем лишь антракт.

Сало ФЛОР,
международный
гроссмейстер.

ДОСТОЙНЫЕ ПРОТИВНИКИ

Два капитана: Пушкаш и Нетто. Дружеский шарж венгерской художницы Эдма.

Ну вот, скажут читатели, шахматный гроссмейстер пишет отчет и о футбольном матче. Не за свое дело взялся! Но я хочу лишь рассказать о своих переживаниях как рядовой любитель футбола, как один из ста тысяч болельщиков, с трудом доставший билет на стадион в Лужниках в надежде, что...

На матче присутствовал «весь шахматный мир» — представители 34 стран. Среди шахматистов были и такие, которые разбираются во всех нюансах футбола, пожалуй, лучше, чем в шахматах. Многие из них были на матче «Спартак» — «Динамо», их поразили московские зрители своим спокойствием и объективным, спортивным поведением. О. Панно удивился, что Т. Петросян, представитель общества «Спартак», дружески беседовал с соседом, болельщиком «Динамо». В Аргентине это немыслимо. Когда в Буэнос-Айресе играется матч между «Ривер-плате» и «Бока Юниорс», то поклонники этих команд сидят на противоположных трибунах. Оказаться в одном лагере с противником связано с серьезным риском.

М. Летелье и В. Адер из Чили удивлены, что на московском стадионе сидят. В Чили все стоят, а если бы и были места для сидения, то все равно темпераментные болельщики вскочили бы через одну — две минуты после начала матча. Их удивило также и то, что перед матчем москвичи преподносят противникам цветы, которые затем игроки бросают зрителям. В Южной Америке если что-нибудь бросают на стадионах, то только более тяжелые предметы.

Мы, шахматисты, побывали на многих стадионах мира. Знаем, что зрители по-разному поддерживают «своих». В Германии кричат: «Форвертс!» В Праге надо заткнуть уши, когда весь стадион начнет скандировать: «До то́го, до то̀го!». Не менее энергично подбадривают свою команду в Будапеште боевым лозунгом: «Мадьяро, ойра! Ойра!»

Мне кажется, что наши болельщики «отстают». Западная трибуна молчала, а южная еле-еле скандировала: «Давай, давай!». Надо темпераментнее подбадривать свою команду.

Любопытно, что 50 участников шахматной олимпиады накануне матча заключили пари. Однако результата матча никто не угадал! Объясняется это тем, что абсолютное большинство считало, что с минимальным счетом, в одно очко, но все же победят советские футболисты. Даже венгерские гроссмейстеры Л. Сабо и Г. Барца предсказали ничейный счет 2 : 2 и 3 : 3. Ну, а о победе второй сборной Венгрии никто и не думал.

Несколько слов о матче. Советские футболисты играли без особой слаженности. Некоторые игроки венгерской команды, на мой взгляд, без основания падали и затем «отлеживались», снижая темп игры. Но это единственная моя претензия к великолепной команде венгров.

Сильное впечатление произвела игра вратарей Грошича и Яшина. Однако если матч Венгрия — Югославия в Белграде назвали «матчем вратарей» — Грошича и Беаре,— в котором победил Грошич, то нельзя сказать, что в Москве Яшин уступал Грошичу. Единственный гол, пропущенный Яшиным, — следствие ошибки защиты. Лев Яшин, как лев, отбивал неотразимые удары знаменитых «бомбардиров».

Наши футболисты слишком поздно вспомнили, что надо атаковать дружнее, слишком поздно вспомнили, что надо бить по воротам и желательно даже попадать в них. Ураганные атаки в конце второго тайма, от которых лавры Грошича висели на волоске, запоздали. Почему только гонг разбудил наше нападение, почему нельзя было «проснуться» раньше?

В футболе, как и в шахматах, бывает невезение. Но трижды «зевнуть мат в один ход» — не забить гол даже с расстояния в два—три метра, да еще в пустые ворота,— это непростительно.

За три года, в трех матчах, венгерским футболистам удалось выиграть один матч и забить нашей команде на один гол больше. Это приятный итог для венгерских спортсменов, но... еще не раз встретятся эти достойные противники и друзья!

С. ФЛОР,
футбольный болельщик.

ОЛЬГА РУБЦОВА — ЧЕМПИОНКА МИРА

В результате месяца напряженной борьбы в матч-турнире трех лучших шахматисток мира создалось весьма драматическое положение. Перед последней партией Е. Быкова закончила соревнование, набрав 9,5 очка, О. Рубцова — 9, а Л. Руденко — только 4,5. Игралась партия Л. Руденко — О. Рубцова. Е. Быкова была лишь наблюдателем этой партии, в которой решалась судьба шахматной короны. Чемпионка мира, естественно, «болела» за Л. Руденко. Многого она не требовала: хотя бы только ничью, и тогда она останется чемпионкой.

Л. Руденко третье место уже было обеспечено, но вопрос о чемпионке решала именно она. Л. Руденко на 28-м ходу сдалась и этим завоевала право первой поздравить О. Рубцову, нового чемпиона мира по шахматам среди женщин.

Итак, О. Рубцова — чемпионка мира, Л. Руденко была и остается экс-чемпионкой. Из-за половины очка неприятное слово «экс» приходится прибавить к своему титулу и Е. Быковой.

Указом Президиума Верховного Совета СССР поэт Семен Исаакович Кирсанов награжден орденом Трудового Красного Знамени в связи с пятидесятилетием со дня рождения и за заслуги в развитии советской литературы.

За заслуги в развитии советской литературы в связи с пятидесятилетием со дня рождения писатель Александр Петрович Штейн Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Якутский писатель Дмитрий Кононович Сивцев (Суорун Омоллоона) в связи с пятидесятилетием со дня рождения и за заслуги в области художественной литературы Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Моя рецензия

Василий ГАЛКОВ

Рисунки Н. ЛИСОГОРСКОГО.

В наше учреждение на рецензию случайно была прислана научная работа.

Я был рядовым исполнителем. Мне вменялось подготавливать ответы на входящую корреспонденцию, а также плодить исходящие документы. Все эти входящие и исходящие бумаги в виде приказов, указаний, инструкций, запросов, писем и тому подобных канцелярских творений должны были свидетельствовать о жизнедеятельности нашего учреждения.

Я нисколько не удивился тому, что случайно присланная учреждению научная работа, пройдя все инстанции с молниеносной быстротой, очутилась на моем письменном столе.

Я твердо верил в непогрешимость своего начальства, ибо знал, что от этого зависит мое и его благополучие. Поэтому меня не смутили резолюции на сопроводительной бумаге, написанные вкривь и вкось и пахнущие откровенным «отпихнизмом»:

«Тов. АРАПОВУ — на исполнение.

Фиговский, 5.IV.

Тов. ЛОВКАЧЕВУ — на заключение.

05.04. Арапов.

Тов. ВЫРУЧАЕВ, доложите Ваши соображения.

Ловкачев, 5 апр. 55 г.

5.IV. ЗАМУТИВОДА — подготовь ответ.

Выручаев».

И т. д.

Мой непосредственный начальник написал мне: «Срочно исполнить». Так как из-за отсутствия у меня подчиненных адресовать этот труд было уже некому, то дальнейшее его движение могло быть только обратным: от подчиненных к начальникам с моим окончательным решением. При этом мне стало ясно одно, что никто из вышестоящих не видел в глаза содержания этих трех толстенных книг, лежащих сейчас на моем столе.

Я осторожно взял один из фолиантов и пропустил под большим пальцем сверху вниз его страницы. Мать моя родная! Одни формулы и графики, ни страницы текста, ни одной картинки. «Вот накатал!..» — подумал я с уважением о неизвестном мне авторе.

Следовало бы доложить начальству о недоразумении с присылкой нашему учреждению на отзыв научного труда. Но... дело в том, что мне в прошлом удалось неплохо закончить инженерный институт. Попытка устроиться в аспирантуру закончилась неудачно, и я при помощи друзей и медицины попал в этот бумагожевательный комбинат. Таким образом мне удалось избавиться от выезда на периферию. Акклиматизировавшись в потоке всяческих бумаг, я впервые встретил работу, которая отдаленно напоминала мне чем-то институт...

Преодолев сомнения и малодушие, я решительно придвинул к себе первый том.

Титульный лист гласил:

«Аккумулирование энергии движения вязкой среды в трубках тока «ДО» и «ЗА» числами «М кр» на эквидистантных направлениях».

Ничего не поняв, я перевернул страницу и погрузился в чтение. Несколько благодарственных фраз автора консультантам и товарищам, содействовавшим написанию и выпуску труда, мне ничего не дали.

На следующей странице автор полемизирует с каким-то Дудкиным и затем переходит к делу.

Следует длинная прелюдия математических выкладок. Дифференциалы и интегралы одноэтажно и многоэтажно, в порядке и без порядка, в союзе с радикалами и без них, под логарифмами всех систем, в разрезе тригонометрических функций и с применением всех букв греческого, латинского и русского алфавитов заполнили полтора десятка страниц.

Затем с красной строки, но с маленькой буквы было написано: «следовательно».

О! Великий русский язык! Как много может значить только одно такое слово! За «следовательно» на двадцати страницах математические выкладки, подкрепившись кучей графиков, окончательно доконали неизвестного мне Дудкина и... меня.

Дома я достал с полки учебник высшей математики, просмотрел таблицы основных формул. Ночью спал плохо, видел скверные сны.

Наутро я вновь с остервенением принялся читать длиннейший ребус из букв и знаков.

С середины первого тома автор, не полагаясь на свои силы, начинает ссылаться на известных, малоизвестных и неизвестных мне ученых... Ньютон, Гельмгольц, Лагранж, Архимед, Паскаль, Эйлер, Бернулли, Ломоносов, Чаплыгин, Жуковский, Христианович, Юрьев... и многие другие, призванные поддержать автора в борьбе с пресловутым Дудкиным.

Но мне и это не помогло: все усилия понять что-либо из написанного были напрасны. Сознаться же в своем бессилии после двух дней бесполезного сидения у меня не хватало мужества. Поэтому, когда начальник отделения в конце второго дня спросил об исполнении задания, то я, собрав остаток выдержки, ответил:

— Есть ряд спорных мест, и мне еще нужно время...

— Да ты особенно не мудри, смотри на это попроще, сам знаешь, тебя учить не надо. В общем, давай бумагу на подпись и не тяни, — сказал начальник. А затем, потрогав рукой книги, он спросил: — О чем это здесь?

— Об энергии.

— А-а-а... — протянул он и отошел.

На третий день моя энергия иссякла, сменившись безнадежной апатией. Я с ненавистью смотрел на громадные книги...

На четвертый день меланхолия достигла апогея. Я похудел от бессонницы и отсутствия аппетита; в глазах стояли темные круги, сверкали молнии и бегали красные чертики; в голове гудело и ломило... И вдруг меня осенила идея. Гениальные идеи просты и, как правило, приходят неожиданно. Мне в голову пришла мысль: несмотря ни на что, писать рецензию, писать немедленно, не сходя с места!..

Вдохновению и фантазии, овладевшим мною в эту минуту, могли позавидовать лирические поэты.

Заглядывая в заглавие научного труда, чтобы не напутать, я писал:

«Вопросы, затронутые автором в работе «Аккумулирование энергии движения вязкой среды в трубках тока «ДО» и «ЗА» числами «М кр» на эквидистантных направлениях», не являются в полной мере специфичными для задач, решаемых нашим учреждением. Однако при их рассмотрении в свете перспективности научных обоснований, при соблюдении диалектического метода, с учетом реальности фактов и критического подхода следует отметить своевременность и проблематичность отвлеченного и практического характера новых изысканий в аспекте анализа, синтеза, эксперимента и статистики. Отмечая необходимую математическую строгость изложения, нельзя не согласиться с популярным перечислением первоисточников, начальных истин и упоминанием основного оппонента, тов. Дудкина.

Все зиждется на движении и развитии материи с учетом павловских условных и безусловных рефлексов, что в представленной работе свидетельствуется введением математического языка вместо разговорного, как языка международного, вечного и незыблемого от потрясений перехода количественных анатомических изменений мозговых полушарий человека в качественные. Эти веяния, идущие из глубокой древности, автором блестяще развиты на базе двух противоречивых понятий: понимание и непонимание.

Краткость изложения Ньютоном своих трех законов механики и их ясность не могли удовлетворить некоторых представителей позднейших поколений, которые, неудержимо усложняя их, приходили к источникам установленной ранее истины.

Такая гениальность в подходе к ранее высказанному только лишь подтверждает тезис, что знание и незнание — понятия относительные...».

И т. д. и т. д.

Я писал, торопясь высказать все, что приходило мне в голову, вводил без ограничений иностранные слова в места, где они требовались и не требовались.

Получилась великолепная галиматья. Перечитывая ее, я давился от хохота, который нельзя было выпустить наружу, чтобы не выдать себя.

Ко мне вернулся аппетит, я съел все завтраки, скопившиеся у меня за четырехдневное сидение, и пошел к начальнику отделения.

После просмотра рецензии начальник крепко задумался, а затем с тревогой посмотрел мне в глаза. В этом взгляде отражалось полное непонимание прочитанного, но в конце концов все же подписал, и мой труд пошел по инстанциям. На следующий день я уже знал его исходящий номер.

Вскоре мой пыл прошел, и вместо него пришел страх за содеянное. Но прошла неделя, другая, и никаких известий или запросов не поступало. Я успокоился и вырос в собственных глазах.

Спустя полгода эта проклятая математическая эквилибристика вновь появилась у нас в учреждении и, конечно, снова попала ко мне. К трем огромным книгам прибавилась четвертая. В препроводительной к ним писалось, что сделанные нами в рецензии замечания с благодарностью учтены автором и что последним проведены доработки, исправления и дополнения.

Я почувствовал, как меня что-то стукнуло в затылок, и потерял сознание.

Две недели назад меня выписали из больницы, и я немедленно написал заявление об уходе из учреждения. Хочу вновь стать инженером и уже имею договоренность о работе в отъезд.

Сейчас много читаю технической литературы, роюсь в студенческих конспектах, готовлю чемоданы и... ищу попутчика.

Кто со мной?

Первый и десятый

— Расти большой, учись как следует,— говорит ученик 10-го класса 203-й школы Ленинграда Лев Голубев первокласснику Гене Зозуле.

Девять лет назад пришел в школу малыш Лева Голубев и сел за ту парту, за которую теперь садится Геня.

Фото Б. Уткина.

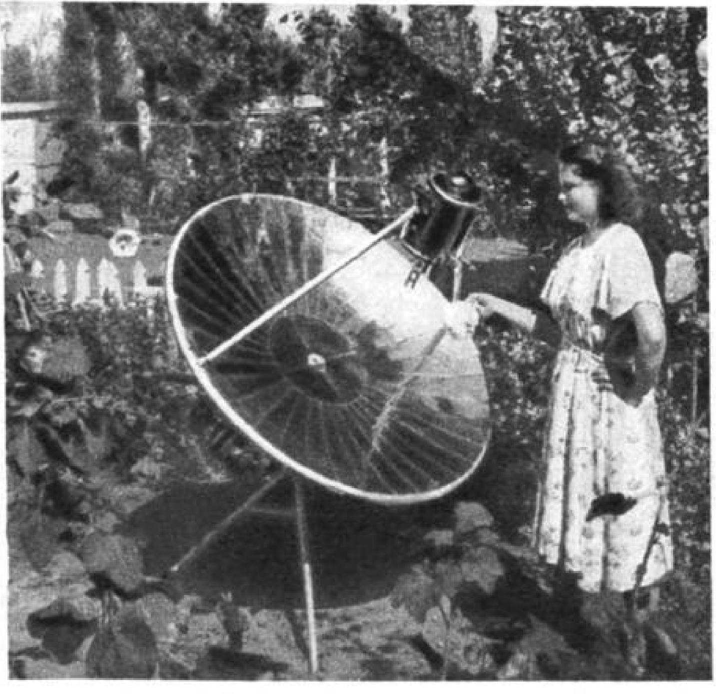
Среди туристов

— НЕ ДОЖДАЛАСЬ...

Изошутка М. Ушаца и К. Невлера.

Солнечная кухня

Ни дров, ни электричества, ни керосина — ничего, кроме солнечных лучей, собранных вогнутым алюминиевым зеркалом в единый жгучий пучок. И на этом удивительном «костре» чуть ли не круглый год можно готовить пищу. Хотите чаю? Через полчаса кипит солнечный самовар. Поставьте одну за другой кастрюли — и приготовите обед или ужин. Нетрудно нагреть и утюг. По своей мощности эта солнечная печь равноценна электрической плите в пятьсот ватт!

Такой простой прибор используется в Ташкенте четыре года. Он изготовлен Энергетическим институтом имени Г. М. Кржижановского Академии наук СССР. Но вот беда: словно в музейном одиночестве находится это простое и полезное изобретение советских ученых, столь необходимое жителям Средней Азии, Кавказа, Крыма, даже Украины. Ничего сложного в изготовлении его нет, кроме тщательно отполированного алюминиевого зеркала, очень похожего на фару. А между тем такие солнечные печи уже появились в Индии, Японии, США, Ливане и других странах.

При массовом производстве стоимость печей может быть невысока. Они очень удобны и прочны, а главное — совсем не требуют топлива.

Какое же предприятие в нашей стране возьмется за производство этих солнечных кухонь?

П. ЧУМАК

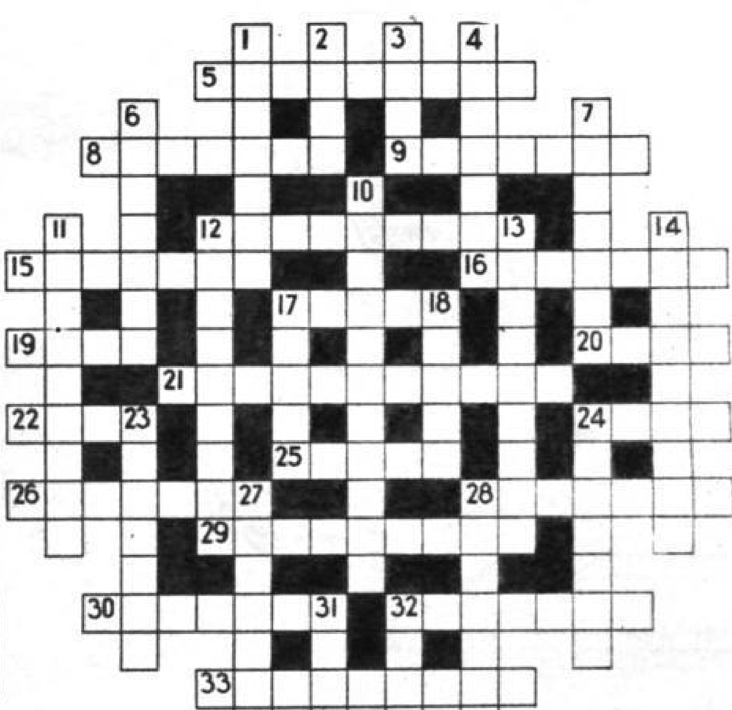
Юные граждане

Эти юные граждане Польши едут по важному делу — на коляске они направляются в зал кормления родильного дома в Таборе (Силезия). Родильный дом оборудован по последнему слову медицинской техники. Там по примеру советских врачей применяется метод обезболивания родов.

Фото Н. Вороновского.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Отрасль биологии. 8. Венецианская лодка. 9. Вид изобразительного искусства. 12. Сборник новелл Д. Боккаччо. 15. Мыс в Норвегии. 16. Ручной инструмент. 17. Единица магнитной индукции. 19. Город в Египте. 20. Озеро в Барабинской степи. 21. Итальянский оперный композитор. 22. Движущая сила. 24. Французский физик. 25. Часть машины постоянного тока. 26. Твердый сплав. 28. Искусственный шелк. 29. Птица отряда воробьиных. 30. Столица союзной республики. 32. Западнославянский народ. 33. Указатель, реактив.

По вертикали:

1. Необычайное, выдающееся явление. 2. Приток Вилюя. 3. Музыкальный инструмент. 4. Древнегреческий философ и математик. 6. Сооружение для добычи подземных вод. 7. Музыкант. 10. Лечебное учреждение. 11. Прибор для изменения амплитуды и частоты колебаний. 12. Человек, искусный в ведении спора. 13. Инструмент. 14. Вид спорта. 17. Город и порт в Италии. 18. Металл. 23. Мелкозернистая осадочная горная порода. 24. Лесная птица. 27. Тренировка лошади. 28. Животное семейства полорогих. 31. Сооружение для подъема судов на берег. 32. Морская рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 39

По горизонтали:

3. Задор. 6. Благо. 8. Зерновые. 9. Освоение. 11. Дар. 13. Откорм. 16. Здание. 17. Копнитель. 18. Жатва. 20. Озимь. 22. Исход. 23. Досуг. 25. Инициатор. 26. Подкормка. 29. Передовик. 30. Саман. 32. Люпин. 33. Новобрачный. 36. Седло. 38. Казах. 40. Мериносс. 41. Боровое. 42. Поршень.

По вертикали:

1. Яровое. 2. Баллон. 3. Зрелость. 4. Введение. 5. Упорство. 7. Ожидание. 10. Стаж. 12. Дичь. 14. Доброволец. 15. Плодородие. 19. Аксуат. 20. Осушка. 21. Призвание. 24. Акмолинка. 27. Переборка. 28. Комбайнер. 31. Нанос. 32. Лайка. 34. Вымпел. 35. Насыпь. 37. Доярка. 39. Залежь.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Подписка на журнал «Огонек» и приложения к нему на 1957 год принимается в городских и районных отделах «Союзпечати», конторах, отделениях и агентствах связи.

Редакция журнала «Огонек» подписку не производит.

На вкладках этого номера репродукции работ китайских художников Чжан Яня, Лю Бо-шу, Чжан Дина и Дэн Шу и четыре страницы цветных фотографий.

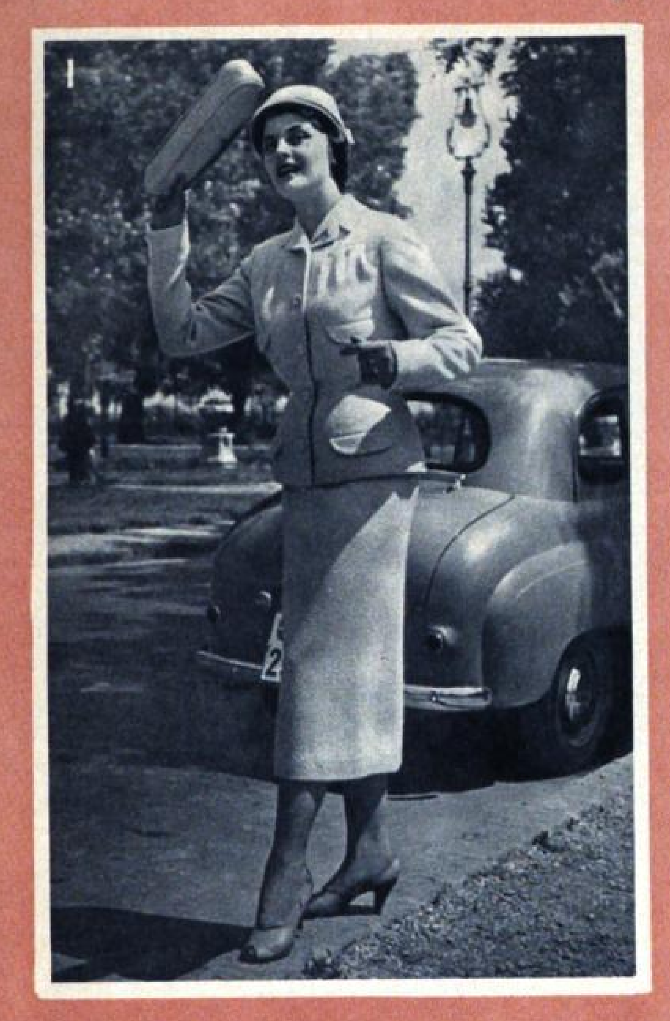
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10374. Подписано к печати 26/IX 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 884. Заказ № 2537.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Осенние моды в Будапеште

2

В столице Венгрии состоялся осенний показ женских мод. Мы предлагаем читательницам «Огонька» некоторые из моделей, получивших одобрение.

1. Костюм из плотной шерсти песочного цвета. Юбка прямая, жакет прилегающий, застегивающийся у горла.

2. Костюм из легкой ткани, предпочтительно серого или другого мягкого по тону цвета в клетку. Жакет спереди удлинен карманами.

3. Костюм из так называемого спортивного (грубошерстного) материала. Жакет без реверов, прилегающий. Добавление к костюму — прямой верхний жакет, который можно носить и с другими платьями.

4. Платье-костюм. Застежка сзади на «молнии».

5. Платье из мягкой ткани с ажурной отделкой на груди. К платью полагается вязаный в тон шарф.

Илона ФАРАГО
Будапешт.

Цена номера 3 руб.